

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2016

№ 3

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013

Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.В25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный университет, Россия –
главный редактор
Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора
Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия
Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редактор номера – **Л.В. Дериглазова**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция
Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия
де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды
Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия
Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия
Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия
Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия
Мамонтова Надежда Александровна, университет Хельсинки, Финляндия
Мандельштам Балзер Марджори, Джорджтаунский университет, США
Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия
Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия
Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Альбина Рассказчикова – секретарь
Елена Карагеоргий – редактор-переводчик

EDITORIAL BOARD

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Funk, Dmitri, *Moscow State University, Russia* – Editor-in-Chief
Sokolovsky, Sergei, *Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia* – Associate editor
Nam, Iraida, *Tomsk State University, Russia* – Associate editor
Deriglazova, Larisa, *Tomsk State University, Russia*
Hazanov, Anatoliy, *University of Wisconsin-Madison, USA*
Schweitzer, Peter, *University of Vienna, Austria*
Troubina, Elena, *Ural Federal University, Russia*

Guest editor **Larisa Deriglazova**

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Beach, Hubert, *Uppsala University, Sweden*
Birtalan, Agnes, *Eötvös Lorand University, Hungary*
de Graaf, Tjeerd, *Groningen University, the Netherlands*
Dybo, Anna, *The Institute of Linguistics, RAS, Russia*
Diatlov, Viktor, *Irkutsk State University, Russia*
Kharus, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Kradin, Nikolai, *Far East Federal University, Russia*
Mamontova, Nadezhda, *University of Helsinki, Finland*
Mandelstam Balzer, Marjorie, *Georgetown University, USA*
Miskova, Elena, *Moscow State University, Russia*
Zaitseva, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Zinoviev, Vassili, *Tomsk State University, Russia*

Secretary Albina Rasskazchikova
Translator Elena Karageorgiy

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКОМЕТРИЯ В ОЦЕНКЕ ТВОРЧЕСТВА

Филиппов И.С. Как ученые гуманитарного профиля оценивают наукометрию	6
---	---

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Троицкий Е.Ф. Политика Европейского союза в отношении Приднестровского конфликта (1992–2015 гг.)	28
Устюжанцева О.В. Образовательное сотрудничество в российско-индийских отношениях	43

РОССИЯ – США: ДВА БЕРЕГА

Знаменский А. Аляска в современной российской геополитической риторике	65
Смит-Питер С. Сибирские письма Джорджа Кеннана-старшего, 1866–1867 гг. (Перевод с английского Елены Карагеоргий)	105
Рожански М. «Меня больше всего привлекает невероятная история России» (Перевод с английского Елены Карагеоргий)	135

РЕЦЕНЗИИ

<i>Социальная политика и социальное государство в Германии: учебное пособие / Л.Н. Корнева (отв. ред.) [и др.]. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 455 с. ISBN 978-5-202-01224-2 (Г.В. Грошева)</i>	142
<i>Нечипорук Д. Пограничные земли, общие воды: история трансграничного сотрудничества России, Балтийских стран и ЕС по оздоровлению экосистемы Балтийского моря. СПб.: Норма, 2014. 216 с. ISBN 978-5-87857-233-0 (А.М. Погорельская)</i>	148
<i>Paul Bayley and Geoffrey Williams (eds) European Identity: What the Media Say. Oxford: Oxford University Press, 2012. 336 p. ISBN 978-0199602308 (Е.А. Матвеева)</i>	152
<i>Judith Marquand. Development aid in Russia: Lessons from Siberia; with foreword by Lord Patten of Barnes CH, Chancellor of the University of Oxford and former European Commissioner. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009. 281 p. ISBN 978-0-230-23362-1 (Л.В. Дериглазова)</i>	157

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	162
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	164
-------------------------------------	-----

CONTENTS

SCIENTOMETRICS: MEASURING CREATIVITY

Filippov I.S. How scientists in the humanities assess scientometrics	6
---	---

INTERNATIONAL INTERACTION

Troitskiy E.F. EU policy towards the Transnistrian conflict (1992–2015)	28
Ustyuzhantseva O.V. Cooperation in education between Russia and India	43

RUSSIA – USA: TWO COASTS

Znamenski A.A. Alaska in modern Russian geopolitical rhetoric	65
Smith-Peter S. The Siberian letters of George Kennan the Elder, 1866–1867 (Translated into Russian by Elena Karageorgii)	105
Rojansky M. “My greatest attraction to the study of Russia by far has been Russia’s own fascinating history” (Translated into Russian by Elena Karageorgii)	135

BOOK REVIEWS

<i>Social'naya politika i social'noe gosudarstvo v Germanii: uchebnoe posobie</i> [Social policy and the social state in Germany: a textbook] / Edited by L.N. Korneva [et al.]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2014. 455 p. ISBN 978-5-202-01224-2 (G.V. Grosheva)	142
Nechiporuk D. <i>Pogranichnye zemli, obshchie vody: istoriya transgranichnogo sotrudnichestva Rossii, Baltijskih stran i ES po ozdorovleniyu ehkositemy Baltiyskogo morya</i> [Borderlands, common waters: the history of transborder cooperation of Russia, the Baltic states, and the European Union aimed at the Baltic sea ecosystem recovery.]. SPb.: Norma, 2014. 216 s. ISBN 978-5-87857-233-0 (A.M. Pogorelskaya)	148
Paul Bayley and Geoffrey Williams (eds) <i>European Identity: What the Media Say</i> . Oxford: Oxford University Press, 2012. 336 p. ISBN 978-0199602308 (E.A. Matveeva)	152
Judith Marquand. <i>Development aid in Russia: Lessons from Siberia; with foreword by Lord Patten of Barnes CH, Chancellor of the University of Oxford and former European Commissioner</i> . Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009. 281 p. ISBN 978-0-230-23362-1 (L.V. Deriglazova)	157

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	162
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	164
--------------------------------------	-----

НАУКОМЕТРИЯ В ОЦЕНКЕ ТВОРЧЕСТВА

УДК 001

DOI: 10.17223/2312461X/13/1

КАК УЧЕНЫЕ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ ОЦЕНИВАЮТ НАУКОМЕТРИЮ*

Игорь Святославович Филиппов

Аннотация. Статья посвящена широкому кругу вопросов, связанному с применением наукометрических методов в гуманитарных науках, прежде всего в истории, философии и филологии. Материалом послужили результаты анкетирования, проведенного среди ученых гуманитариев разного возраста, статуса, разной тематики исследования и различных позиций по этой проблеме. Применимы ли в принципе эти методы в гуманитарных науках, каковы аргументы за и против их применения, каков зарубежный опыт, насколько важны формальные рейтинги и индексы цитирования для ученого-гуманитария, насколько важно и реально публиковать свои исследования на иностранных языках (прежде всего на английском) и в иностранных журналах, включенных в зарубежные библиометрические базы данных, как это влияет на рейтинги исследователей и учреждений, какова с этой точки зрения специфика ученого-гуманитария, работающего в вузе, – вот примерный перечень вопросов, затронутых в данной статье.

Ключевые слова: наукометрия, экспертиза, библиометрические базы данных, индексы цитирования, импакт-фактор журнала, язык публикации

В основе настоящей статьи лежат впечатления и размышления от общения с коллегами (историками, философами, филологами) на тему совершенствования оценки преподавательской и научной деятельности в вузах и академических институтах. В январе 2016 г. в рамках проекта, поддержанного Институтом социальных, экономических и политических исследований (ИСЭПИ), было запущено социологическое исследование научного сообщества гуманитариев, подготовленное совместно с В.В. Сидоровой (аналитиком научного отдела исторического факультета МГУ) и С.В. Тумановым (профессиональным социологом, ведущим научным сотрудником философского факультета МГУ). Его предварительные результаты также используются в данной работе, как и некоторые публикации коллег на эту тему, отражающие самые разные точки зрения.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Общественный статус ученого и наукометрическая оценка научной деятельности», при реализации которого используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

По условиям договора с ИСЭПИ в рамках проекта следовало проинтервьюировать 40 человек как «просто» практикующих ученых (так называемые глубинные интервью), так и тех, кого с большим или меньшим основанием можно считать экспертом в наукометрии, притом не «чистым» экспертом-методологом, но также практикующим ученым-гуманитарием. Предполагалось, что этого достаточно, чтобы составить представление о том, как воспринимают наукометрию ученые гуманитарного профиля и определенного статуса, начиная от кандидата наук в ранге доцента. Им всем было предложено ответить на одни и те же вопросы, содержащиеся в специально разработанном топик-гайде, т.е. анкете, позволяющей задавать дополнительные уточняющие вопросы, в зависимости от ответов на исходные базовые вопросы. Этот метод позволил гораздо лучше понять мнение респондента, но при ограниченном количестве опрошенных репрезентативность ответов оказалась, по сути, неизвестной величиной.

Авторы исследования отбирали для опроса людей разного возраста, ученого статуса, места работы и заведомо разных позиций. При этом некоторые коллеги, к кому мы обращались, были смущены количеством вопросов и отказывались от интервью, ссылаясь на нехватку времени, кто-то не хотел беседовать под диктофонную запись (непрерывное условие договора с ИСЭПИ), другие были готовы ответить только на некоторые вопросы, в том числе, по их словам, ввиду слабого знакомства с предметом. Однако многие охотно вступали в неофициальные беседы на некоторые темы наукометрии, иногда отвечая на отдельные вопросы из топик-гайдов, но чаще обсуждая в свободной форме какие-то заинтересовавшие их аспекты проблемы, в том числе и те, которые мы не собирались затрагивать. Полученные таким образом ответы и мнения (некоторые на редкость интересные) было бы некорректным «пристегивать» к полноценным интервью, взятым согласно описанному выше методу. Но они (как и новейшие публикации коллег о наукометрии) позволяют учесть позицию еще нескольких десятков человек, так что общее число выявленных мнений, пускай и не по всем вопросам, достигает порядка 100 человек. Я не посчитал возможным выбросить их, как говорят археологи, в отвал и решил использовать их наряду с интервью при написании этой статьи. Это моя личная позиция, не имеющая прямого отношения к договору с ИСЭПИ и к работе моих коллег по проекту. Представляю читателям основные результаты исследования.

Общее отношение к наукометрии

Все респонденты и просто собеседники согласны с тем, что и существовавшие ранее, и предлагаемые сейчас способы оценки научной деятельности неудовлетворительны, так как отличаются высокой степе-

нюю формализма, неэффективны, не позволяют оценить работу сотрудника по достоинству, а значит, к тому же еще и несправедливы. Сходным образом, все согласны с тем, что какая-то оценка нужна, хотя высказывались редкие суждения о бесполезности формального оценивания вообще, поскольку, как сказал один из моих коллег по истфаку МГУ, «в научном коллективе и так знают, кто чего стоит».

При этом в таких вузах, как МГУ, где наукометрические методы еще находятся на стадии внедрения, настроения более оптимистические, связанные с надеждой на более справедливую оценку труда, тогда как, например, в Высшей школе экономики, где эти методы внедрены достаточно давно, можно услышать самые разные, в том числе критические, суждения о наукометрии как страдающей не меньшей необъективностью, чем экспертиза, не основанная на формальных показателях. Тем не менее никто из опрошенных не предложил вернуться к старой системе оценки, связанной с формализмом при прохождении конкурса (когда голосующие нередко даже незнакомы с конкурсантами и не имеют никакого представления об их работе и достижениях), или с отсутствием сколько-нибудь ясных критериев при назначении на должность, определении надбавок или выдвижений на премию.

Экспертиза или рейтинг?

Соотношение экспертизы и формального рейтинга актуально для всех наук, но в гуманитарных науках, обладающих большой спецификой (отсутствие возможности поставить эксперимент, особенность понятия «научный результат», неразрывная связь с культурой и т.д.), эта проблема стоит особенно остро (L'évaluation, 2011; Pansu, Dubois, Beauvois 2012; Gingras 2014). Вместе с тем все без исключения респонденты и собеседники склоняются к тому, что дилемма «экспертиза или рейтинг» в основе своей ложная и что оптимально, чтобы при оценке текста (исследователя, учреждения) в расчет принималось и то и другое. В зависимости от своих принципиальных позиций одни (и таковых оказалось большинство) уверены в том, что рейтинг может быть только дополнительным инструментом оценки, поскольку изобретенные пока инструменты пока несовершенны. Не споря с этим по существу, их противники справедливо указывают на то, что при стремительно растущем объеме печатной научной продукции квалифицированных и действительно независимых экспертов просто не хватит. В частности, объем их работы будет столь велик, что неизбежно станет вопрос об оплате этого труда, чего современное научное сообщество всячески старается избежать, и не только по финансовым соображениям, но и потому, что это в корне изменит отношения между подавшим текст на оценку (фактически на конкурс) и теми, кто будет его оценивать.

В связи с этим уместно сказать, что пресловутое *peer review*, т.е. «рецензия равных» (сплошь и рядом о профессиональном равенстве нет, конечно, и речи, но это другой вопрос), до сих пор является именно экспертизой. При этом рецензенту, по идее, не сообщается, кто автор (разве что он сам так или иначе не раскроет свое инкогнито), точно так же, как автор не знает, кто его рецензенты. Поэтому рецензент не может опереться на наукометрические данные об авторе и должен анализировать лишь его текст. Если *peer review* будет опираться на наукометрические, а значит, и всякие иные сведения об авторе, мир научных публикаций, науки вообще, изменится до неузнаваемости, и вряд ли в лучшую сторону. Например, решающим фактором при решении публиковать или не публиковать статью окажутся не ее качество, оригинальность подхода, новизна данных или главной идеи, а репутация и послужной список автора, который может и ошибаться, и повторяться, и просто исписаться.

И решительные, и более осторожные сторонники экспертизы (тем более ее противники) как главного средства определения качества работы в гуманитарных науках указывают на очень серьезные проблемы, связанные с ее организацией. Парадоксально, но одна из них – это соблазн опереться на тот же рейтинг, не так уж сильно отличающийся от анкеты, сделав его своим ориентиром (Миронов 2016). Создание действительно независимых и действительно компетентных жюри – дело сложное, ответственное и даже затратное, поскольку предполагает в ряде случаев приглашение к работе иногородних, может быть, и иностранных рецензентов. (Так поступают во многих зарубежных странах.) Но эти вопросы респонденты не рассматривали подробно.

Интервью выявили, в целом, слабую осведомленность многих респондентов о наукометрии, ее целях, эвристических возможностях, пределах и опыте применения, хотя опрашивались люди, которые по своему академическому статусу и служебному положению должны были бы иметь достаточно хорошее представление о предмете. Многие, не исключая экспертов, не смогли сообщить свои данные в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) или в иностранных базах данных. Почти никто не смог объяснить различия в наукометрических подходах Web of Science (WoS) и Scopus, их плюсы и минусы, в том числе для российского пользователя. Один респондент был убежден в том, что опубликовать статью в журнале, учтенном в Scopus, можно только за деньги.

Самое удивительное в данном блоке – это слабое и просто искаженное представление о РИНЦ. Оценки его различаются радикально, и я намеренно не буду цитировать его откровенно недоброжелательные характеристики, ограничусь же публикациями академического характера (Мотрошилова 2012; Гринёв, 2015; Сидорова 2016). Некоторые

респонденты и другие собеседники говорили о его низкой селективности, хотя в РИНЦ установлен заявительный принцип включения в базу данных Электронной библиотеки, а следовательно, селективность в данном случае нулевая, и сделано это вполне намеренно, чтобы по возможности учесть все публикации и отзывы на них. Мало кому оказалось известно, что недостатки, справедливо приписываемые РИНЦ, в частности разнообразное жульничество пользователей (картельный сговор нескольких авторов или журналов ради умножения количества ссылок друг на друга, дробление статей ради увеличения их общей массы и т.д.), характерны и для западных баз данных, и еще вопрос, где оно выражено сильнее (Игра в цифры 2011¹; Грановский 2013).

Вместе с тем критики (или даже ненавистники) РИНЦ в большинстве своем не увидели его уникальных возможностей, прежде всего возможности создать максимально более полную базу данных о всевозможных публикациях (не только журнальных, что так важно для гуманитариев, делающих упор на монографии, тематические сборники статей, учебные пособия (Сидорова 2016), что позволяет узнать, например, кто еще занимается этой темой или кто цитирует мои работы. Это также возможность учесть публикации не только российских авторов, что за рубежом может быть в принципе интересно очень многим.

Опрос показал также нередко откровенно искаженное представление респондентов об использовании наукометрии за рубежом, даже о том, что наукометрия имеет разные облики и что ситуация в этом смысле очень отличается от одной стране к другой. Мало кто оказался в курсе того, что в наиболее развитых странах, которые российским ученым обычно ставятся в пример (США, Великобритания, Германия, Франция), во всяком случае в их лучших вузах и институтах (Гарварде, Оксфорде, Берлине, Мюнхене, Сорбонне, французской CNRS и ряде иных), наукометрические методы вообще не используются в гуманитарных, да и во многих общественных науках. Многие коллеги из этих стран, с которыми удалось обсудить данный вопрос, вообще не слышали об этих методах, другие слышали, что они применяются в каких-то вузах («но точно не у нас»), третьи, сталкиваясь с попытками их внедрения, ведут с ними борьбу не на жизнь, а на смерть, причем оружием часто служит убийственная ирония (Modzelewski 2015). Все чаще звучит мысль, что в погоне за более высокими индексами цитирования и рейтингами (и связанными с ними бонусами) научные цели исследования отходят на второй план, что, публикуя статью в рейтинговом журнале, все больше авторов думает о повышении своего рейтинга, а не о поисках истины². Один из американских коллег объяснил мне, что наукометрия в гуманитарных науках применяется главным образом в так называемых wannabeuniversities (для человека, знающего английский язык, этот жаргонизм звучит как насмешка), т.е. в тех вузах, которые

желают стать настоящими университетами, таковыми не являясь, и стараются доказать, что они святее самого папы. Настоящие университеты делают ставку на экспертизу текста (вообще, ученые из лучших западных вузов читают много, вероятно, больше, чем сейчас в России) и анализ того, в каких именно издательствах, журналах и актах каких конференций публикуются их сотрудники. Внедрение индекса Хирша в гуманитарные исследования – это показатель слабости науки (и научного сообщества) в той стране, которая на это пошла. В конечном счете это показатель ограниченности национального суверенитета, поскольку ясно, что, например, Web of Science, учитывающий почти только англоязычные публикации (в 2016 г. они составляют 96,19%)³ и отдающий предпочтение журналам и издательствам из нескольких (далеко не всех!) англоязычных стран (или тех, что махнули рукой на свой родной язык и важные тексты публикуют на английском), автоматически ставит в невыгодное положение ученых, журналы и издательства из других стран⁴.

Все это стали понимать и на Западе, причем, вероятно, достаточно давно, просто до недавнего времени критика библиометрических методов оценки научного творчества там звучала менее громко, так что ее не услышали (или не пожелали услышать) в России, во всяком случае те люди, которые принимали решение по внедрению этих методов в нашей стране. Но после Лейденского манифеста 2015 г., подготовленного группой авторитетных ученых на основе серии взвешенных специальных исследований этой проблемы (Hicks, Wouters, Waltman et al. 2015; Beyond Bibliometrics 2014), уже нельзя делать вид, что данные методы совершенны и их критикуют лишь ретрограды и неудачники. Как идея библиометрия очень интересна и полезна, но в ее нынешнем виде она нуждается в очень серьезной доработке.

Проблема языка научных исследований стояла в интервью и неформальных беседах многопланово и очень остро. Все, конечно, согласны, что иностранные языки, и в первую очередь английский, знать хорошо. Но многие смиряются с тем, что его не знают вовсе или знают плохо, и ищут себе оправдания: раньше его плохо преподавали (и как только кандидатские минимумы сдали?); это не самое важное, что мне нужно знать, уж точно достаточно уметь читать; не дело специалиста писать на иностранном языке, я напишу по-русски, а переводчик переведет (но почему-то к переводчикам тоже редко обращаются); и вообще, почему русский язык перестал быть одним из международных на больших научных конференциях? Было очень удобно!

Именно слабое знакомство с иностранными языками, неспособность читать на них совсем или с достаточной легкостью лежат в основе соответствующих проблем многих коллег. Они попросту не знают, что делается в мировой науке, или знают об этом из вторых и третьих рук

(рецензии, обзоры, ссылки, выступления коллег-иностранцев на русском или в переводе на русский, рассказы российских коллег, знающих иностранные языки). Многие утверждают, что если заниматься чисто «внутрирусскими» темами, то иностранные языки бесполезны, так как иностранцы об этих темах не пишут, а если самому написать на эту тему, скажем, на английском, то и интереса за рубежом не будет, да еще и статью не опубликуют как неактуальную. Один из респондентов, известный филолог, знающий, кстати, много языков, привел пример: «рифма у Катенина». В этом есть свой резон, но другие коллеги указывают на то, что есть еще проблема метода. Мало кто пожелал конкретизировать свою мысль, но она ясна: например, археолог, изучающий Древнюю Русь, может почерпнуть у иностранных коллег сведения о новых методах исследования материальных останков, апробированных на другом географическом или хронологическом материале. Есть и другой довод: чтение работ зарубежных коллег расширяет научный горизонт, позволяет избежать многих ошибок и производить более корректные исторические сравнения.

Иностранные ученые, не владеющие русским языком, также могут вычитать у русского автора что-то интересное для себя, даже если оно не связано напрямую с их собственной областью исследований. Но в отличие от российского исследователя, им крайне редко придет в голову, что у российского коллеги они могут найти что-то интересное для себя, если только он не занимается профессионально Россией, причем данной конкретной проблемой. Поэтому написание на иностранных языках книг, статей, обзоров по российской тематике (прежде всего, но, конечно, не только по ней) чрезвычайно важно не только для саморепрезентации за рубежом отдельно взятого автора, но и для презентации российской науки в целом.

Этим, однако, проблема языка не исчерпывается. За немногими исключениями респонденты ушли от анализа более сложных ситуаций, возникающих, например, тогда, когда и российский, и иностранный ученый занимаются какой-то третьей страной, так что знание иностранцем русского языка становится чисто гипотетическим допущением. Иногда главным в работе оказывается не английский и даже не другой важный европейский язык, а, скажем, какой-нибудь азиатский язык, а на этом языке вообще не издаются журналы, входящие в Scopus или имеющие высокий импакт-фактор (The Past 2009; Огурцов 2012). Примером может служить работа отдела восточной философии Института философии РАН, сотрудники которого успешно печатаются в азиатских журналах, не имеющих веса в Scopus (Мотрошилова 2015: 136–137).

В вопросе о шансах российских ученых регулярно и на общих основаниях публиковаться в престижных зарубежных изданиях мнения ре-

спондентов и других коллег разделились. Очевидно, что многое в данном случае зависит не только от личного опыта, личных связей, статуса учреждения, в котором они работают, но также от тематики, которой они занимаются, от количества индексируемых журналов в той или иной области знания, от степени политизированности их исследований, от многих других факторов.

Некоторые коллеги обнаружили неоправданно радужное отношение к последствиям перевода текстов российских авторов на английский или другой язык: если качественно переведут и опубликуют в престижном журнале, то на Западе этот текст обязательно прочитают и он повлияет положительно на реноме автора и репутацию российской гуманитарной науки, а может быть, даже скорректируют ход исследований за рубежом. Опыт многих коллег-гуманитариев показывает, что между публикацией российского автора, например, на английском языке и ее прочтением и реальной включенностью в мировую науку корреляция может быть очень слабой. Причин много, в том числе неодинаковый дискурс, нежелание дополнительной конкуренции и определенное отторжение российской науки. Но не только ее, конечно (см., например, мою статью о восприятии на Западе творчества выдающегося польского медиевиста и героя «Солидарности» Кароля Модзелевского (Филиппов 2004: 400–415)). Какова тенденция этого отторжения, мнения разделились: одни считают, что за последние годы, в связи с ухудшением международной обстановки, оно усилилось, другие этого ухудшения не ощущают, третьи признались в том, что ничего об этом не знают.

На мой взгляд, ситуация ухудшилась. При этом я исхожу из опыта ряда коллег, совпадающего в данном случае с моим собственным и соответствующего моим наблюдениям над тем, как во многих западных странах относятся к творчеству российских коллег, как прежних, так и нынешних. Многое, видимо, зависит от того, какими именно сюжетами занимается автор. Сильно упрощая проблему, скажу так: если российский коллега изучает историю и культуру России, отторжение менее явное и может отсутствовать вовсе, особенно если он выбрал «правильный» дискурс и, по крайней мере, идейно и методологически интегрирован в западную науку. Попытки же российских авторов заняться историей зарубежных, особенно западных стран, где давно сложились свои, притом сильные историографические школы, воспринимаются часто снисходительно, а то и с недоумением; их не столько критикуют (много чести!), сколько игнорируют. Но если дискурс «правильный», точнее «единственно правильный», могут приветить и даже процитировать. Действительность, конечно, много сложнее, в ней масса нюансов, но схема эта ненадуманная.

Известно, что в ряде наших вузов стали поощрять рублем за публикации на английском языке, в том числе в изданиях, выходящих в Рос-

сии. К негодованию многих, кто полагает, что уж в России надо в подавляющем большинстве случаев печататься на русском или на других языках нашей страны. Негодующие отмечали и нередко очень низкое качество английского текста, вышедшего в России. Так нужно ли публиковаться на английском? Выше уже говорилось, что нужно, хотя бы для поддержания престижа страны, но не всегда. Несколько человек особо отметили, что дело недопустимо сводить к английскому. Специалисту по истории Германии или Китая интереснее печататься, соответственно, на немецком или китайском. И, конечно, история – лишь один из примеров.

Некоторые коллеги отмечали, что отказ от преимущественного использования в науке родного языка приводит к обеднению национальной культуры. Дело не только в слабеющей способности ученых изъясняться на родном языке и его засорении необязательными заимствованиями из других языков. Не менее важна категориальная структура того или иного языка, которая может не иметь и часто не имеет аналогов в других языках. Так, в известных мне иностранных языках отсутствует оппозиция понятий «истина» и «правда», столь важная для русской философии и русского мировоззрения в целом. Другой пример – практическая невозможность выразить на богатейшем английском языке столь важные для европейской континентальной юриспруденции различия между «правом» и «законом», между «владением» и «собственностью». Перевод, скорее всего, скроет от иностранного исследователя саму суть различия между этими понятиями. Похожие проблемы стоят не только в отношении русского языка и русской науки, но наш случай – один из самых ярких.

Специфика вузов, оценка преподавания

Одним из самых трудных для респондентов оказался вопрос о наукометрической оценке качества работы преподавателей. В несовершенстве существующей системы оценки убеждены все, с кем удалось побеседовать; как сделать ее более гибкой и адекватной, ответить оказалось намного сложнее. Словосочетание «экспертная оценка» работы исследователя (кафедры, факультета, вуза, НИИ) звучало при этом достаточно часто, в том числе из уст некоторых явных сторонников наукометрических методов, но как их следует сочетать не в теории, а на практике, и как повысить объективность экспертизы, для большинства коллег не ясно.

Вопрос о вузах и преподавателях возник в опросах потому, что в России, как и в других странах, считается естественным, что преподаватели не только преподают, но и занимаются научными исследованиями. Многие собеседники отмечали, что преподаватель, не занимаю-

щийся наукой, рано или поздно деградирует, перестает развиваться, повторяет устаревающие истины, теряет связь со студенческой аудиторией. Едва ли не все участники опроса и частных бесед выразили убеждение в том, что преподавание должно быть основано на результатах научных достижений и что это залог успеха как в подготовке кадров, так и в науке. Немало было сказано и о том, что в реальной действительности это не самое типичное явление.

При аттестации научные показатели преподавателя учитываются наряду с показателями его педагогической деятельности, причем, на мой взгляд, и не только мой, наметилась опасная тенденция ставить на первое место научную работу преподавателя, как будто передача знаний учащимся не является главной функцией вуза. Вместе с тем многие коллеги уверены, что хороший преподаватель – не обязательно хороший ученый, и наоборот. Один респондент привлек внимание к тому факту, что в преподавании нужны не только хорошие ученые, но и хорошие методисты, своего рода рабочие лошадки, отрабатывающие со студентами какие-то конкретные знания и навыки, например при проведении лабораторных или полевых работ и т.д. Они не менее нужны и полезны, чем настоящие ученые, в каковые они подчас не рвутся, несмотря на финансовые и престижные соображения. Словом, вузовская наука – дело особое, хотя и не отделенное от академической науки китайской стеной, вопреки тому, что иногда думают люди, от науки далекие.

В том, что касается наукометрии, соотношения экспертизы и рейтинга, положение вузовского ученого мало отличается от положения ученого из институтов РАН, разве что некоторым различием в научных нормативах (в вузах они, как правило, несколько ниже) и типах научной продукции. Так, от сотрудника РАН обычно не требуют написания учебников, учебных или учебно-методических пособий, а от преподавателей требуют, хотя далеко не только их. Подлинные различия касаются совсем других вопросов, не имеющих прямого отношения к наукометрии: выработки оптимального учебного плана, обеспечения его специалистами, определения нормальной педагогической нагрузки (что особенно актуально для провинциальных вузов, где она нередко зашкаливает, достигая 900 одних только аудиторных часов в год, что мало совместимо с ведением научной работы и даже с качественным преподаванием), особыми способами оценки качества именно педагогической деятельности. Некоторые респонденты выступают за студенческие оценки преподавателю в конце курса, считая, что это будет стимулировать его хорошо работать, другие категорически против этого, полагая, что преподаватели будут упрощать свои курсы, развлекать студентов, заигрывать с ними, не ставить на экзамене низких оценок и т.д. Едва ли не все выступавшие на эту тему отмечали, что это сложный вопрос и что студенческое анкетирование в любом случае не может

быть главным, тем более единственным способом оценить качество работы преподавателя. В числе других решений могли бы быть проведение мастер-классов, учет качества защищенных под руководством преподавателя дипломов и диссертаций, но эта группа вопросов не выделялась при интервьюировании, сами респонденты также касались ее неохотно.

Проблемы журналов

Проблема научных журналов – одна из самых острых и обсуждаемых в нашей науке. О ней охотно и подробно (хотя не всегда со знанием дела) говорили практически все опрошенные респонденты и другие коллеги.

За последние годы и даже месяцы в этой сфере российской науки произошли большие изменения, необязательно правильно понятые и осмысленные нашим научным сообществом (Функ 2016). Привычная оппозиция «ваковский журнал» и «не ваковский журнал» осложнилась вхождением в нашу жизнь других групп журналов, находящихся в причудливом соотношении с двумя упомянутыми выше группами. Это две зарубежных библиометрических базы данных: американская (Web of Science), созданная коммерческой корпорацией Thomson Reuters, и англо-нидерландская (Scopus) – продукт другой коммерческой корпорации – «Эльзевир», и как минимум одна библиографическая (Erih-plus), задуманная Европейским союзом и не ставящая своей целью отслеживать цитируемость входящих в нее журналов. Кроме того, в 2015 г. специальная комиссия РАН, опираясь на базу данных РИНЦ, создала так называемый Russian science citation index (RSCI), т.е. список журналов, объявленных качественными, и с туманным статусом регионального списка WoS, наряду с китайским, латиноамериканским, некоторыми другими. Предполагается, что лучшие журналы из этих региональных списков со временем войдут в основную коллекцию (Core collection) Web of Science. Когда это произойдет, кто именно и на каких принципах будет производить отбор, пока не ясно.

Создание RSCI – это, безусловно, шаг вперед, но только в контексте нашей внутренней ситуации, а именно возникновения национального индекса, отбор в который осуществлялся путем голосования экспертов (хотя сам отбор экспертов был неоптимальным). Но не надо обольщаться, что эта база данных является или вот-вот станет частью WoS, во всяком случае его «корневой», или «основной», частью (так называемой Core collection). Индекс Хирша и импакт-факторы высчитываются только по Core collection, все остальные региональные и прочие базы, например Emerging Sciences Citation Index, – по сути, непризнанные дети WoS. Кроме того, попытки приравнивать публикации в этих базах

к WoS в недобросовестных вузах и НИИ ведут к появлению так называемых журналов-хищников (*predatory journals*), которые не только требуют с автора деньги за публикацию, но и обещают ему индексацию в WoS.

Ситуация осложняется тем, что часть журналов из списка ВАК входит также в RSCI, часть не входит, и наоборот. Для российских авторов именно последнее обстоятельство, по-видимому, создает наибольшие трудности, так как непонятно, который из списков более важен и перспективен. При этом не надо забывать о журналах, не вошедших ни в тот, ни в другой список; их число измеряется четырехзначной цифрой, и для многих авторов это единственные периодические издания, где они имеют реальные шансы напечатать свои статьи и другие тексты, иногда очень неплохие.

Ряд респондентов говорили о том, что журналов в России (да и в мире, конечно) попросту слишком много, что нередко в них можно напечатать что угодно – иногда за деньги, иногда по знакомству, иногда из-за отсутствия чего-то лучшего, что в некоторых не практикуется не только анонимное, но и любое обсуждение поступивших статей, что редактирования фактически нет, тиражи ничтожны, выход нерегулярен, распространение оставляет желать лучшего. Вместе с тем отмечалось, что и в этих журналах иногда выходит что-то интересное и ценное (например, публикации источников) и что не всегда понятно, почему именно они остались за бортом, а примерно такие же по качеству издания вошли в список ВАК. Одновременно некоторые коллеги сетовали на закрытие хороших, по их мнению, журналов, например «Отечественных записок», и на трудности (в первую очередь финансовые) с открытием новых журналов, которые, как предполагается, должны быть лучше старых. Говорилось также об усилиях по включению тех или иных журналов в списки ВАК, RSCI и Scopus.

Ситуация осложняется тем, что российские ученые не могут просто положиться на авторитет зарубежных баз данных. Корневая, или центральная, база данных Web of Science (Core collection), состоящая из 7 тематически специализированных баз, почти исключительно англоязычная, хотя и претендующая на охват лучших журналов планеты (неразрешимое противоречие). Scopus учитывает журналы на самых разных языках, по крайней мере европейских, но анализ их национальной принадлежности приводит к выводу о невысокой репрезентативности этой базы данных. Так, на 343 журнала, издаваемых в Нидерландах и учтенных Scopus, приходится 191 журнал, выходящий в Германии, и всего 63, выходящих во Франции⁵. Обескураживающе выглядит и распределение конкретных журналов по квартилям. Если французский журнал «*Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*», считающийся большинством историков первым в мире по авторитетности, по-

мещен Scopus во второй квартиль, об объективности говорить не приходится.

По всей видимости, нужно некоторое время, чтобы ситуация хоть немного прояснилась. В сложившейся обстановке ни рейтинги, ни экспертиза, ни даже применение обоих инструментов анализа не решат автоматически эту проблему. Необходима забота руководства журнала о его репутации, не позволяющая печатать в нем всякую дрянь. Необходимо хотя бы некоторое единение научного сообщества, которое позволило бы навести порядок в этой ситуации. Необходима и воля власти, которая бы этот порядок узаконила⁶.

Интерес к науке в обществе

Обсуждение этой проблемы в интервью выявило как различные ее аспекты, так и различные мнения. Некоторые респонденты говорили об «антиинтеллектуальной атмосфере» в современном обществе, мешающей даже образованным людям интересоваться гуманитарными науками. Я говорил бы даже об определенной дегуманизации, притом не только естественного или обществоведческого, но и гуманитарного знания, в котором нередко тон задают фактография, символизм или цифирь в ущерб философскому осмыслению материала. Это заметно даже в истории, не говоря о политологии, социологии, экономике... Однако высказывались и другие точки зрения. Сетую на общее падение культуры, на ослабление и самой способности читать сложные тексты, другие коллеги выражали убеждение (или надежду?), что интерес к гуманитарной науке в России достаточно велик, а за последние годы даже несколько вырос. Наиболее уверенно об этом говорили историки, указывая, впрочем, на точечный по преимуществу интерес к отдельным сенсационным событиям и на использование очень сомнительных источников для удовлетворения своего любопытства. Респонденты на удивление мало говорили о лженауке и ее засилье на книжном рынке и в СМИ, включая телевидение и Интернет, но мысль о трудностях, с которыми сталкивается специалист, пытающийся пробиться на радио или телевидение со своей передачей или повлиять на школьные программы, материалы ЕГЭ и просто круг чтения подростков и взрослых, прозвучала вполне отчетливо.

Некоторые респонденты приводили примеры, доказывающие, что к их дисциплинам или к гуманитарии в целом есть достаточно сильный и растущий интерес. Приводились и вполне убедительные факты, свидетельствующие о готовности ученых этот интерес удовлетворить. И все же анализ интервью оставляет впечатление подмены понятий: в стране, на мой взгляд, есть не столько интерес к гуманитарным наукам (разве что очень поверхностный и выражающийся по большей части в интере-

се к сенсациям, курьезам, «красивостям»), сколько объективная потребность в них общества и государства. Эта потребность обосновывалась рядом собеседников; некоторые из них делились своим опытом общения с представителями власти (иногда положительным, иногда нет), но такой опыт есть далеко не у всех. Прозвучала и мысль о том, что гуманитарий – это всегда антипод толпы и оппонент власти.

Оценка состояния науки. Конкурентоспособность

Вопрос о состоянии гуманитарной науки в России и ее конкурентоспособности, по сравнению с ведущими и среднеразвитыми зарубежными странами, также выявил широкую палитру мнений, но цветовая гамма ответов специфична. Ни один из респондентов не высказался в том смысле, что «у нас все в порядке», что «мы впереди планеты всей». Вместе с тем некоторые из коллег выразили убежденность, что российская наука находится в глубоком кризисе, и, если и можно говорить о некотором движении вперед, то оно связано главным образом с четким следованием в фарватере западной науки, включая особенности ее организации, тематику, способы репрезентации и методы оценки труда ученых. Респонденты этой группы не объясняли, на какую именно из западных моделей управления наукой они ориентируются (а эти модели очень разные). Речь идет о некоей абстрактной западной модели. Главное – чтобы не так, как было и часто все еще есть у нас. Естественно, что именно эти коллеги являются наиболее убежденными сторонниками наукометрии в том виде, в каком она существует в России, и жесткой связи между наукометрическими показателями и заработком, хотя и они делали иногда некоторые существенные оговорки.

Кадровая проблема

Проблема кадров, одна из ключевых во все времена, удивительным образом не оказалась в центре внимания большинства респондентов. Справедливости ради, составители топик-гайдов, на которые опирались проводившие опрос, вполне сознательно не делали на нем акцент, хотя и поднимали вопрос о главных проблемах, стоящих перед нашей наукой, и исходили из того, что эта проблема – одна из важнейших. Зато в частных беседах, не под диктофон, она звучала очень часто.

Ларчик открывается просто. 1990-е гг. были, по понятным причинам, временем одновременно оттока немалой части квалифицированных кадров, как из вузов, так и из институтов РАН, и нежелания многих способных студентов и аспирантов избрать карьеру преподавателя или ученого. (Но уж кто решил остаться в это время в науке, точно не искал для себя особой выгоды.) В результате в кадровой «стене» наших

НИИ и вузов образовалась серьезная брешь, ощутимая по сей день. В большинстве наших научных институций сложилась ненормальная возрастная структура: меньшинство составляет молодежь до 30–35, иногда до 40 лет, большинство – люди за 60 лет, причем среди них немало тех, кому уже за 70 и даже за 80 лет. Ключевые административные посты заняты обычно последними, и очень редко кто-то из них уходит со своего поста по доброй воле, полагая, что надо уступить дорогу следующему поколению. Сегодня в гуманитарии доктора наук и в 50, и в 60 лет по большей части числятся в молодых и, за редкими исключениями, не имеют никаких шансов на какую-либо карьеру, даже самую скромную. Это влечет за собой разочарование, апатию, а иногда и уход с насиженного места куда-нибудь, где есть какая-то перспектива, даже мнимая. Естественно, что это приводит к дальнейшему ухудшению кадровой ситуации.

Диаметрально противоположная ситуация сложилась во многих новых вузах и НИИ или в таких, за которые «взялись». Здесь мало опытных сотрудников старшего возраста, докторов наук, людей с личной репутацией в науке, известных в стране, тем более в мире. Руководство состоит из молодых для науки людей (разумеется, понемногу стареющих), не имеющих достаточного опыта и авторитета для такой работы, но спешащих быстро защитить докторскую диссертацию, занять престижные и важные позиции, что благодаря административному ресурсу им не так уж редко удается без особого труда. В результате страдает качество и образования, и научной политики, часто и менеджмента. В гуманитарных науках, где требуются эрудиция, накапливаемая годами, и взвешенность суждений, и приобщенность к культуре как таковой, это особенно острый вопрос.

Как следствие, в обоих типах вузов и НИИ имеет место ненормальная кадровая ситуация. Исключения, конечно, есть, но это именно исключения. Эта проблема является одной из самых серьезных в нашей науке, и коллеги обсуждали ее охотно и весьма эмоционально. Использование наукометрических инструментов анализа оборачивается в данном случае двусмысленными результатами, поскольку и возраст автора, и занимаемые ими должности, позволяющие при желании подключить пресловутый административный ресурс и заметно улучшить свои показатели (особенно в РИНЦ, но в определенной мере и в западных библиометрических данных) и оставить таким образом далеко позади, может быть, и талантливую, но лишенную таких возможностей молодежь. Молодежь, однако, с большей легкостью, в том числе из-за лучшего знания иностранных языков и Интернета, подает заявки в западные рейтинговые журналы; здесь сказываются и психологические отличия поколений. В последние годы библиометрические базы данных стали внедрять новый, так называемый *m*-индекс, интересный прежде

всего молодым ученым. Он представляет собой индекс Хирша, разделенный на количество лет, прошедших со времени выхода в свет первой публикации автора. Он позволяет более объективно оценивать достижения молодых сотрудников, но не тех, кто на какое-то время ушел из науки или по каким-то причинам (подготовка крупного проекта?) временно перестал печататься. Экспертиза и в этом случае остается как минимум бесполезной.

Отношение к гуманитарным наукам в обществе

У нас не было возможности провести опрос на эту тему, что называется, среди людей «с улицы». Но мы посчитали небезынтересным узнать, что сами гуманитарии думают о том, как их воспринимают негуманитарии и люди, вообще не имеющие отношения к науке. В частности, мы задавали им вопрос, считает ли человек «с улицы» гуманитарные науки науками вообще или же это прерогатива естественных и точных наук (отдельные представители которых опрашивались нами как эксперты)? Ответ был однозначным и положительным: да, считает, хотя и полагает, что они обладают спецификой. Одни приводили примеры из своей жизненной практики, другие ограничивались констатацией. Те, что приводили примеры, говорили, что чаще всего неспециалисты вспоминали археологию, а также (необязательно употребляя это слово) палеографию и необходимость знать новые и древние языки, специальную терминологию других стран и времен.

Проблема этим, однако, не исчерпывается, поскольку за советский период некоторые гуманитарные и общественные дисциплины оказались скомпрометированы идеологизацией, утаиванием и передергиванием фактов и попросту профанацией. Не забудем, что для подавляющего большинства советских граждан, получивших высшее образование (исключая историков), знакомство с историей в вузе ограничивалось знакомством с историей КПСС, предметом интереснейшим, но преподававшимся даже на истфаке МГУ так, что преподавателей этой кафедры мы, как правило, за историков не считали. К науке их деятельность имела сомнительное отношение, поскольку наука ищет истину, а в данном случае она была известна с самого начала, будучи запечатлена в решениях последнего по времени Съезда или Пленума ЦК КПСС, которые надо было всего лишь раскрыть и подкрепить фактами или цитатами. Поэтому оскомину такая «история» наверняка набила изрядную. Похожие проблемы, хотя, наверное, все же в меньшей мере, существовали на философском, юридическом и экономическом факультетах. Сегодня многие преподаватели этого профиля стесняются своих публикаций тех лет и даже не включают их в списки добавляемых в РИНЦ работ, где некоторые из них, впрочем, присутствуют в силу действия

других механизмов пополнения базы данных РИНЦ. Как относиться к этим публикациям, для большинства современных историков не ясно.

Были (и есть) и другие проблемы, понижающие интерес к истории и иным гуманитарным наукам (при всем их различии и в этом вопросе), связанные, например, с подачей материала, нередко скучной, без подбора ярких фактов, биографических экскурсов, афоризмов, исторических анекдотов, столкновения методологических и историографических позиций, без изобразительного ряда и даже без карт (что, к слову, в хороших западных вузах считается абсурдом), наконец, без учета новой литературы и регулярного обновления курсов. Во всяком случае, этим грешат многие лекторы, да и авторы книг тоже. Все это не могло не сказаться отрицательно на имидже российских гуманитарных наук. Но об этом у нас не принято говорить, и это также отмечали некоторые коллеги. Приводилось немало фактов в пользу того, что в этом отношении ситуация, в целом, меняется к лучшему. Налицо реально происходящие подвижки. При всех проблемах гуманитарных наук, о которых говорилось или не говорилось выше.

Социальная роль ученого

Подавляющее большинство опрошенных коллег согласны в том, что социальная ответственность ученого-гуманитария велика и что ученым следует больше делать для общества, чем они делают сегодня. Однако представления о том, что именно должен делать ученый-гуманитарий в этом смысле, оказались весьма различными. Многие считают, что задача ученого состоит главным образом в том, чтобы качественно делать свою работу, не допуская халтуры, повторов, плагиата. Некоторые, но на удивление немногие, говорили о необходимости противостоять лженауке, стремящейся подменить собою науку настоящую. Многим близка мысль о необходимости писать также для широкой аудитории, по возможности выступать перед нею в СМИ, на всевозможных интернет-форумах. Преподаватели, не ставя под сомнение сказанное выше (некоторые из них пишут научно-популярные работы, выступают на различных площадках вроде Polit.ru и на телевидении), упор делали на качественном преподавании и качественной подготовке научных кадров, считая, что в этом в первую очередь и должна проявляться их профессиональная и гражданская ответственность. Единичные случаи непонимания самой постановки вопроса, выразившиеся в утверждениях о том, что это у государства есть ответственность перед учеными (но никак не наоборот), в первую очередь адекватно финансировать науку, возможно, объясняются как раз тем, что ученые-преподаватели убеждены в том, что свою работу они делают хорошо, а значит, выполняют долг перед обществом. Почти никто не сформулировал мысль о том,

что ученые-гуманитарии могли бы, в рамках своих экспертных знаний, помочь государству в решении конкретных проблем или в разработке и реализации средне- или долгосрочной политики.

Некоторые собеседники справедливо отмечали, что деятельность такого рода будет отвлекать их от собственно научной работы, а следовательно, отрицательно скажется на их наукометрических показателях, а значит, и на профессиональных позициях. Конечно, расширение связей, приобретение большей известности могут обернуться улучшенным доступом к престижным журналам и издательствам, но это все-таки из области предположений. Реальность же такова, что в создавшихся условиях более активная социальная позиция исследователя влечет за собой снижение его формального рейтинга и ухудшение его социальных показателей. Но это противоречие, видимо, неизбежно.

Финансирование

Все без исключения респонденты указывали на недостаточное финансирование, притом не только на низкий уровень зарплат, но и на сложности приобретения новой литературы (даже российской), на проблемы проведения конференций, в том числе в России, не говоря уже о других странах, приглашения с лекциями отечественных и иностранных ученых с именем, на работу экспедиций, на оборудование. С учетом экономического кризиса как реальности многие делали акцент на перераспределении выделенных государством средств и их более рациональном использовании.

Среди наиболее часто звучавших в этой связи мыслей – мысль о сокращении бюрократического аппарата, которое к тому же разгрузило бы ученых, как они считают, от массы ненужной, часто повторно запрашиваемой работы, которую неизбежно требует разбухающая на глазах бюрократия. И всегда срочно, срочно, срочно!

Менее четко выраженная, но популярная среди моих собеседников мысль связана с необходимостью уточнить приоритеты научных исследований и сопутствующих им расходов – между вузами, факультетами, кафедрами, лабораториями и даже индивидами. Некоторые коллеги говорили при этом о целевых программах, которые бы позволили сбалансировать существующие сегодня затраты, заполнить лакуны, запустить новые важные проекты.

Возможность сколько-нибудь активной спонсорской помощи или участия бизнеса оценивается респондентами скептически (хотя отдельные случаи помощи указывались). Доминирующая мысль: это не естественные, тем более не прикладные науки, способные быстро принести прибыль, значит, это не для нас. Подавляющее большинство участников опроса надеется на государство, в намного меньшей степени – на коммерческие проекты своих учреждений и, разумеется, на самих себя.

* * *

Большинство преподавателей и научных работников обнаружили желание гораздо больше, чем сейчас, участвовать в решении названных выше проблем, будь то разработка критериев оценки их труда, составление научных и учебных планов их подразделений, определение перечней качественных и некачественных журналов и издательств и распределение выделенных государством или заработанных ими же средств. Конечно, все это имеет самое непосредственное отношение к внедрению оптимальной независимой экспертизы и оптимальных, хорошо продуманных наукометрических показателей. Увязка личного рейтинга с карьерным ростом, получением всевозможных надбавок, премий и других бонусов, в том числе академических отпусков для завершения важной работы, упоминалась не раз как актуальная проблема. Вместе с тем звучала мысль и о том, что нас почти никогда не спрашивают, что, на наш взгляд, надо делать, а нам есть, что сказать, и мы могли бы могли бы принести стране немалую пользу. За этой позицией угадывается представление о личной или корпоративной ответственности перед обществом за вверенное им дело, высокая оценка этого дела, неудовлетворенность тем, как его ведет бюрократия (в том числе факультетская, институтская и иные) и ощущение недоиспользования своих знаний, навыков и способностей в решении социальных проблем страны.

Примечания

¹ Подборка статей зарубежных авторов, специализирующихся в математике, или выдержек из них, в которых на конкретных примерах анализируются, в частности, методы такого жульничества.

² Об этом пишут и некоторые российские авторы. См., например: (Шестакова 2016).

³ Данные по Web of Science доступны по адресу: http://apps.webofknowledge.com/RA-More.do?product=WOS&search_mode=AdvancedSearch&SID=N1hJa1X8EtO4nctCkQw&qid=1&ra_mode=more&ra_name=Language&colName=WOS&viewType=raMore См. также: Костылев П.Н. Научные публикации российских ученых: проблемы и решения. URL: <http://narexpert.ru/wp-content/uploads/2015/12/Kostilev-N.P.pdf>

⁴ Об этой проблеме говорят все чаще. См., например: Hicks D., Wouters P., Waltman L., Rijcke S. de, Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for research metrics // Nature. April 23. 2015 (vol. 520). P. 429–431 (пер. А.А. Исэрова). URL: <http://www.igh.ru/about/news/1053/>

⁵ Данные члена-корреспондента РАН А.И. Иванчика, обнародованные на Совете по науке Министерства науки и образования 31.03.2016.

⁶ В целом о ситуации в этой области науковедения и о возможностях использования наукометрических показателей при оценке продукции научных журналов и других научных публикаций см.: (Функ 2016).

Литература

Грановский Ю.В. Второе пришествие наукометрии в Московский университет // Естественнонаучное образование: вызовы и перспективы / Под общ. ред. В.В. Лунина и Н.Е. Кузьменко. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 255–267.

- Гринёв А.В. Некоторые размышления университетского историка о проблемах наукометрии // Историческая экспертиза. 24.09.2015. URL: http://istorex.ru/page/grinyov_av_nekotorie_razmishleniya_universitetskogo_istorika_o_problemax_naukometrii (дата обращения: 12.03.2016).
- Игра в цифры, или Как теперь оценивают труд ученого (Сборник статей о библиометрике) / Под общ. ред. А.Н. Паршина. М.: МЦНМО, 2011.
- Костылев П.Н. Научные публикации российских ученых: проблемы и решения. URL: <http://narexpert.ru/wp-content/uploads/2015/12/Kostilev-N.P.pdf> (дата обращения: 12.03.2016).
- Мионов В.В. Противоречивость реформ российского образования // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 1 (1). С. 42–57.
- Мотрошилова Н.В. Недоброкачественные сегменты наукометрии // Идеи и числа. М., 2015. С. 117–141.
- Мотрошилова Н.В. Система РИНЦ применительно к философским наукам // Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов. М.: ИФРАН, 2012. С. 76–98.
- Огурцов А.П. Импакт-фактор: его возможности и изъяны // Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов. М.: ИФРАН, 2012. С. 184–191.
- Сидорова В.В. Использование РИНЦ для оценки научной деятельности гуманитариев // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 27–39.
- Филиппов И.С. Варварская Европа, «Солидарность» и цивилизованный Запад: заметки о книге: Modzelewsky K. Barbarynska Europa. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004 // Средние века. 2010. Вып. 71 / 3–4. С. 400–415.
- Функ Д.А. Наукометрия в оценке качества публикаций в социальных и гуманитарных науках // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 8–26.
- Шестакова М.А. Точность количественных показателей под вопросом. URL: <http://socrat-online.ru/page/tochnost-kolichestvennyh-pokazatelej-pod-voprosom> (дата обращения: 12.03.2016).
- Beyond Bibliometrics: Harnessing Multidimensional Indicators of Scholarly Impact* / Eds. B. Cronin, C. Sigimoto. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2014.
- L'évaluation de la recherche en sciences humaines et sociales. Regards de chercheurs* / Coord. P. Servais. Louvain-la-Neuve: Bruylant-Academie, 2011.
- Gingras Y. Les dérives de l'évaluation de la recherche: du bon usage de la bibliométrie. Paris: Raisons d'agir, 2014.
- Hicks D., Wouters P., Ludo Waltman, Rijcke S. de, Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for Research Metrics // Nature. 2015. April 23 (vol. 520). P. 429–431; пер. А.А. Исэрова. URL: <http://www.igh.ru/about/news/1053/> (дата обращения: 12.03.2016).
- Modzelewski K. Wolna myśl w jarzmie liczydeł // Polityka. 9.06.2015.
- Pansu P., Dubois N., Beauvois J.-L. Dis-moi qui te cite et je saurai ce que tu vaux: Que mesure vraiment la bibliométrie? Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2013.
- The Past, Present, Future of the Impact-Factor and other Tools of Scientometrics*. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 2009.

Статья поступила в редакцию 25 апреля 2016 г.

Filippov Igor S.

HOW SCIENTISTS IN THE HUMANITIES ASSESS SCIENTOMETRICS*

Abstract. The article discusses a wide range of issues associated with the use of scientometric methods in the humanities, for example in history, philosophy, and philology. It draws on the results of a survey conducted among humanities scholars of different ages and statuses who

deal with different research topics and have different attitudes to the problem. Are these methods in fact applicable in the humanities; what are the pros and cons as to their use in this regard; what does international experience tell us about this; how much important are the rankings and citation indices for a humanities researcher; how important and feasible is it to publish in foreign languages (first of all, in English) in international journals included in foreign bibliometric databases; how does it influence scholars and institutions' ratings; what is the specifics of what humanities scholars employed at the university do – these are some of the questions the article seeks to explore.

Keywords: scientometrics, examination, bibliometric databases, citation indices, journal's impact-factor, language of publication

DOI: 10.17223/2312461X/13/1

*The article is prepared in the framework of the project titled 'The scholars' public status and the scientometric evaluation of scientific research', implemented with state grant support provided in accordance with Russian President's decision # 79-rp dated 01.04.2015, on the basis of a competition held by the Foundation – Institute of Socio-Economic and Political Researches (ISEPR Foundation).

References

- Beyond Bibliometrics: Harnessing Multidimensional Indicators of Scholarly Impact*. Eds. B. Cronin, C. Sigimoto. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2014.
- L'évaluation de la recherche en sciences humaines et sociales. Regards de chercheurs*. Coord. P. Servais. Louvain-la-Neuve: Bruylant-Academie, 2011.
- Gingras Y. *Les dérivées de l'évaluation de la recherche: du bon usage de la bibliométrie*. Paris: Raisons d'agir, 2014.
- Hicks D., Wouters P., Ludo Waltman, Rijcke S. de, Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for Research Metrics, *Nature*. 2015, April 23 (vol. 520), pp. 429–431. (Accessed 12.03.2016).
- Modzelewski K. Wolna myśl w jarzmie liczydeł, *Polityka*, 09.06.2015.
- Pansu P., Dubois N., Beauvois J.-L. *Dis-moi qui te cite et je saurai ce que tu vauds: Que mesure vraiment la bibliométrie?* Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2013.
- The Past, Present, Future of the Impact-Factor and other Tools of Scientometrics*. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 2009.
- Granovskii Iu.V. Vtoroe prishestvie naukometrii v Moskovskii universitet [The second coming of scientometrics to a Moscow university], *Estestvennonauchnoe obrazovanie: vyzovy i perspektivy* [Science education: challenges and prospects]. Ed. by V.V. Lunina and N.E. Kuzmenko. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2013, pp. 255–267.
- Grinev A.V. Nekotorye razmyshleniia universitetskogo istorika o problemakh naukometrii [Some thoughts of a university historian on issues in scientometrics], *Istoricheskaiia eksperiza*, 24.09.2015. Available at: http://istorex.ru/page/grinyov_av_nekotorye_razmyshleniya_universitetskogo_istorika_o_problemax_naukometrii (Accessed 12.03.2016).
- Igra v tsyfir' ili kak teper' otsenivaiut trud uchenogo (Sbornik statei o bibliometrike)* [The numbers game or how researcher's work is to be evaluated from now on (a collection of articles about bibliometrics)]. Ed. by A.N. Parshina. Moscow: MTsNMO, 2011.
- Kostylev P.N. *Nauchnye publikatsii rossiiskikh uchenykh: problemy i resheniia* [Russian scientists' scientific publications: problems and solutions]. Available at: <http://narexpert.ru/wp-content/uploads/2015/12/Kostilev-N.P.pdf> (Accessed 12.03.2016).
- Mironov V.V. Protivorechivost' reform rossiiskogo obrazovaniia [Some controversies in the reforms of Russian education], *Poisk. Alternativy. Vybor*. 2016, no. 1 (1), pp. 42–57.
- Motroshilova N.V. Nedobrokachestvennye segmenty naukometrii [Non-benign segments of scientometrics], *Idei i chisla* [Ideas and numbers]. Moscow, 2015, pp. 117–141.

- Motroshilova N.V. Sistema RINTs primenitel'no k filosofskim naukam [The RSCI in philosophy], *Izmerenie filosofii. Ob osnovaniikh i kriteriakh otsenki rezul'tativnosti filosofskikh i sotsiogumanitarnykh issledovaniy* [Measuring philosophy. On the foundations and criteria in the evaluation of research results in philosophy, social sciences, and the humanities]. Ed. and compiled by A.V. Rubtsov. Moscow: IFRAN, 2012, pp. 76–98.
- Ogurtsov A.P. Impakt-faktor: ego vozmozhnosti i iz"iany [The impact-factor: its potential and deficiencies], *Izmerenie filosofii. Ob osnovaniikh i kriteriakh otsenki rezul'tativnosti filosofskikh i sotsiogumanitarnykh issledovaniy* [Measuring philosophy. On the foundations and criteria in the evaluation of research results in philosophy, social sciences, and the humanities]. Ed. and compiled by A.V. Rubtsov. Moscow: IFRAN, 2012, pp. 184–191.
- Sidorova V.V. Ispol'zovanie RINTs dlia otsenki nauchnoi deiatel'nosti gumanitariyev [The use of Russian Science Citation Index in the evaluation of humanities research], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 27–39.
- Filippov I.S. Varvarskaia Evropa, "Solidarnost'" i tsivilizovanniy Zapad: zametki o knige: Modzelewsky K. Barbarynska Europa. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004 [The barbarian Europe, 'Solidarity', and the civilized West: notes on a book: Modzelewsky K. Barbarynska Europa. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004]. *Srednie veka*, 2010, Vol. 71 / 3–4, pp. 400–415.
- Funk D.A. Naukometriia v otsenke kachestva publikatsii v sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh [Scientometrics and evaluation of publications in social sciences and humanities], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 8–26.
- Shestakova M.A. *Tochnost' kolichestvennykh pokazatelei pod voprosom* [The accuracy of quantitative indicators questioned]. Available at: <http://socrat-online.ru/page/tochnost-kolichestvennyh-pokazatelej-pod-voprosom> (Accessed 12.03.2016).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 327.7(061.1ЕС+478)

DOI: 10.17223/2312461X/13/2

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА (1992–2015 гг.)^{*}

Евгений Флорентьевич Троицкий

Аннотация. В статье рассматривается эволюция политики Европейского союза в отношении Приднестровского конфликта. Показаны основные элементы статус-кво, сложившегося вокруг Приднестровья в течение 1990-х гг., и проанализированы факторы, подтолкнувшие ЕС в начале 2000-х гг. к вовлечению в приднестровское урегулирование. Рассмотрены политика давления на Приднестровье и срыв «плана Козака», «мезебергская инициатива» и переход Брюсселя к линии «малых шагов» в отношении Тирасполя. Раскрыто влияние всплеска международной напряженности в Европе в 2014–2015 гг. на ситуацию вокруг Приднестровья, показаны риски эскалации противоречий вокруг Приднестровья. Автор констатирует, что ЕС стал вторым, наряду с Россией, ключевым внешним актором приднестровского урегулирования. Без участия ЕС невозможно не только политическое решение приднестровского вопроса, но и разблокирование текущих проблем, порожденных фактическим сосуществованием на территории Молдавии двух государственных образований, и дальнейшее поддержание статус-кво, сложившегося в зоне конфликта.

Ключевые слова: Европейский союз, Приднестровье, Молдавия, Россия, политика «малых шагов», переговоры «5+2»

Введение

На протяжении почти двадцатипятилетней истории Приднестровского конфликта несколько раз складывались ситуации, когда политическое урегулирование казалось вполне возможным. В отличие от остальных постсоветских конфликтов, в приднестровском случае действует целый ряд факторов, благоприятствующих поиску политического решения проблемы. Вооруженное противостояние 1992 г. было кратким и сопровождалось значительно меньшими жертвами и разрушениями, чем войны в Таджикистане, Абхазии и Нагорном Карабахе; примечательно, что с июля 1992 г. не было зафиксировано ни одного

^{*} Работа выполнена в рамках проекта «Европейская идентичность, культурное разнообразие и политические перемены», поддерживаемого Седьмой рамочной программой ЕС по научно-технологическому развитию.

случая возобновления огня. Основная масса населения правобережной Молдавии и Приднестровья не испытывает друг к другу враждебности. Стороны конфликта поддерживают интенсивные торговые и транспортные связи, человеческие контакты. Еще в мае 1997 г. Кишиневом и Тирасполем был подписан меморандум об основах нормализации отношений, в котором стороны зафиксировали намерение «строить свои отношения в рамках общего государства» (Меморандум 1997).

Однако политическое урегулирование конфликта так и не было достигнуто; более того, в 2014–2015 гг. все чаще стали появляться сообщения, свидетельствующие о росте напряженности в зоне конфликта и возможности его эскалации. Действующий переговорный формат не позволил найти баланс интересов молдавской и приднестровской элит и ключевых внешних акторов – России и Европейского союза.

Насколько ЕС вовлечен в приднестровское урегулирование и какие цели преследует? Какое влияние оказали его действия на ситуацию в зоне конфликта, переговорный процесс и перспективы урегулирования? Поиску ответов на эти вопросы посвящена данная работа.

«Замораживание» конфликта

На начальной стадии приднестровского конфликта попытки мирного урегулирования предпринимались в четырехстороннем формате, включавшем Россию, Молдавию, Украину и Румынию. В апреле 1992 г. министрами иностранных дел этих стран была подписана декларация о прекращении огня и создании четырехсторонней совместной комиссии по контролю над ситуацией в зоне конфликта. Предусматривалась возможность проведения в зоне конфликта миротворческой операции.

Четырехсторонний формат, однако, не смог стать действенным механизмом поддержания перемирия и политического диалога. Россия настаивала на использовании размещенной в Молдавии 14-й армии в качестве ключевого компонента миротворческих сил, с чем не соглашались Кишинев и Бухарест. Приднестровская сторона возражала против участия в переговорном процессе Румынии и настаивала на признании себя полноправной стороной переговоров. Перемирие неоднократно нарушалось, а эскалация конфликта, вызванная предпринятой в июне попыткой Кишинева установить контроль над городом Бендеры, фактически положила конец четырехстороннему переговорному процессу.

21 июля 1992 г. президентами России и Молдавии было подписано Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова, парафированное также Президентом Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) И.Н. Смирновым. Предусматривались прекращение огня, разведение противоборствующих сторон и создание демилитаризованной

зоны. Учреждались миротворческие силы, состоящие из российских, молдавских и приднестровских контингентов, и Объединенная контрольная комиссия (ОКК), действующая на основе консенсуса, в подчинение которой передавались миротворческие силы. 14-я армия должна была соблюдать нейтралитет, а ее будущий статус и условия вывода из Молдавии – стать предметом переговоров между Москвой и Кишиневом.

Евроатлантические структуры и страны Запада не участвовали в подготовке соглашения 1992 г. и принятии решений о миротворческой операции в Приднестровье. В то время у США и ведущих европейских стран не было сформированной стратегии политики на постсоветском пространстве, а их интересы практически не затрагивались событиями в маленьком, глубоко периферийном осколке Советского Союза. Основное внимание европейских и американских политиков было приковано к событиям на Балканах, продемонстрировавшим бессилие Европейских сообществ в сфере внешней политики и безопасности. Единственным каналом, обеспечивающим участие Запада в приднестровском урегулировании, стало институционально аморфное Совещание (позднее – Организация) по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ / ОБСЕ). В 1993 г. по настоянию молдавской стороны СБСЕ присоединилось к переговорам в качестве второго (наряду с Россией) посредника, а в июле 1994 г. миссия СБСЕ подписала соглашение с ОКК, позволяющее ее представителям участвовать в заседаниях комиссии и свободно передвигаться в зоне безопасности.

Переговорный процесс по приднестровскому урегулированию, между тем, обнаружил значительное расхождение позиций сторон. Кишинев соглашался не более, чем на автономию Приднестровья в рамках унитарной Молдавии, а Тирасполь – не менее, чем на конфедеративные отношения с Молдавией. 8 мая 1997 г. Молдавия и ПМР при посредничестве России, Украины и ОБСЕ подписали меморандум об основах нормализации отношений, остающийся единственным документом о политических аспектах урегулирования, подписанным за годы переговоров. В документе фиксировалось, что стороны «продолжат установление... государственно-правовых отношений», предусматривалось право Приднестровья участвовать в формировании внешней политики Молдавии и вводилось понятие «общее государство» (Меморандум 1997). Последнее, однако, трактовалось сторонами совершенно по-разному; приднестровское руководство интерпретировало эту формулировку как фактическое признание конфедеративного варианта. Примечательно, что Миссия ОБСЕ, несмотря на подписание меморандума действующим председателем организации, рекомендовала Постоянному совету ОБСЕ воздержаться от одобрения меморандума. ОБСЕ и Кишинев предпочитают избегать ссылок на этот документ, в экспертной среде часто рассматриваемый как «серьезное поражение молдавской... стороны» (King 2000: 203).

В течение 1990-х гг. приднестровский конфликт прочно перешел в категорию «замороженных». Основными параметрами сложившегося статус-кво стали стабильность в зоне конфликта; фактическая независимость ПМР от Молдавии, подпитываемая существенной российской экономической помощью; миротворческая операция; присутствие на левобережье Днестра Оперативной группы российских войск (ОГРВ), в которую в 1995 г. была преобразована 14-я армия; неразрешимые противоречия сторон относительно политического статуса Приднестровья; пятисторонний переговорный процесс (Молдавия, Приднестровье и три посредника – Россия, Украина и ОБСЕ). Важным внешним условием поддержания статус-кво было фактическое неучастие в приднестровском урегулировании США и ЕС. Деятельность Миссии ОБСЕ – единственной представительницы евроатлантических структур в зоне конфликта – критиковалась как Кишиневом, так и Тирасполем и зависела от политических предпочтений возглавлявших ее дипломатов (Roper 2001: 111). После сворачивания летом 1992 г. четырехстороннего переговорного формата Румыния была отстранена от переговорного процесса. К концу 1990-х гг. несколько возросла роль Украины как одного из посредников и гарантов будущего урегулирования. Киев, однако, играл второстепенную роль, предпочитая не осложнять отношений с Россией и вполне мирясь с фактической независимостью ПМР, с которой, несмотря на протесты Молдавии, Украина поддерживала прямые экономические связи. В целом приднестровская проблематика решалась в рамках контактов между Москвой, Кишиневом и Тирасполем.

Вовлечение ЕС

В 2001–2003 гг. возрастающий интерес к приднестровской проблеме стало проявлять руководство ЕС. Намеченное вступление в Союз Румынии должно было сделать ЕС соседом Молдавии и, безусловно, усиливало интерес Брюсселя к ситуации в стране, известной как беднейшее государство в Европе. Руководство ЕС рассматривало приднестровский конфликт как основное препятствие к улучшению политической, экономической и социальной обстановки в Молдавии; в Стратегии ЕС в отношении Молдавии на 2002–2006 гг. было заявлено, что страна «может добиться лишь ограниченного продвижения к демократической консолидации и улучшениям в экономике до тех пор, пока существует приднестровская проблема» (European Commission 2001: 7). Молдавские власти усиленно создавали Приднестровью репутацию «черной дыры» с неконтролируемыми границами, через которые шли контрабандные поставки оружия, наркотрафик и торговля людьми. Возросший международный авторитет Румынии, получившей гарантии вступления в НАТО и ЕС, также способствовал интернационализации

приднестровского вопроса: Бухарест поддерживал Кишинев в международных организациях и не упускал возможности привлечь внимание европейской политической элиты к нарушению территориальной целостности Молдавии.

С развитием Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) и Европейской политики безопасности и обороны возросли и возможности ЕС действовать на международной арене. В 2003 г. ЕС развернул полицейскую миссию в Боснии и Герцеговине и начал военные операции в Македонии и Конго. Учитывая возросшие амбиции и возможности ЕС, его неучастие в приднестровском урегулировании выглядело анахронизмом, «законсервировавшим» международно-политические реалии начала 1990-х гг.

Руководство ЕС с возрастающим беспокойством и раздражением воспринимало настойчивость, проявляемую Россией в политике на постсоветском пространстве, и внутривнутриполитическую эволюцию России, воспринимаемую как сдвиг к авторитаризму. Несоблюдение Россией сроков вывода ОГРВ из Приднестровья, зафиксированных в итоговом документе Стамбульского саммита ОБСЕ 1999 г., расценивалось как посягательство на нейтральный статус Молдавии. Вывод российских войск из Молдавии стал рассматриваться как вопрос принципов и ценностей, а реальные трудности этого процесса, прежде всего необходимость его сопряжения с политическим урегулированием приднестровской проблемы, игнорировались.

В марте 2003 г. Европейская комиссия выступила с масштабной инициативой развертывания Европейской политики соседства. В соответствующем коммюнике, в частности, заявлялось, что «ЕС должен играть более активную роль в содействии разрешению конфликтов в Палестине, Западной Сахаре и Приднестровье». Предусматривалось «большее вовлечение ЕС в управление кризисами», возможность его участия во «постконфликтном обеспечении внутренней безопасности» и «финансировании постконфликтного восстановления и развития» (European Commission 2003: 12). Приднестровье было названо «магнитом, притягивающим организованную преступность», способным «дестабилизировать или отбросить назад процесс государственного строительства, политической консолидации и устойчивого развития» (9).

Материализация заявленной заинтересованности ЕС в приднестровском вопросе не заставила себя долго ждать. В феврале 2003 г. ЕС и США ввели запрет на выдачу виз лидерам ПМР, обвинив их в obstructии политического урегулирования. В марте Европейская комиссия инициировала трехсторонние консультации между ЕС, Молдавией и Украиной по проблеме совместного контроля на молдавско-украинской границе.

Со стороны ЕС была предпринята попытка пересмотреть формат проведения миротворческой операции. В июне 2003 г. Нидерланды, как страна, председательствующая в ОБСЕ, распространили среди стран-членов неформальный документ, предполагающий замену трехстороннего миротворческого контингента силами ОБСЕ, находящимися под управлением ЕС (допускалось участие других «заинтересованных сторон»). Предложение было заблокировано российской стороной (Loewenhardt 2004: 3–4).

Активизация ЕС была воспринята российским руководством как попытка нарушить статус-кво, сложившийся вокруг Приднестровья, и втянуть Молдавию в сферу влияния евроатлантических структур. Россия отреагировала решительной попыткой добиться прорыва в политическом урегулировании приднестровской проблемы и надежных гарантий своих интересов в Молдавии. Москвой был предложен и согласован с Кишиневом и Тирасполем «план Козака», предполагавший федерализацию Молдавии и пребывание российского миротворческого контингента в стране до 2020 г. «План Козака», однако, не учитывал ни интересов ЕС в Молдавии, ни усилившихся возможностей Брюсселя добиваться их реализации, ни проевропейских настроений значительной части молдавской элиты. План, таким образом, опирался на ложную предпосылку, что Россия может добиться решения приднестровского вопроса, действуя в одностороннем порядке.

Миссия ОБСЕ была ознакомлена с «планом Козака» лишь за три дня до его официального представления Кишиневу и Тирасполю. Ключевые элементы плана – широкие возможности влияния на законодательный процесс в будущей федерации, предоставленные Приднестровью, и продление российского военного присутствия в Молдавии – были сочтены неприемлемыми для Запада. На Молдавию было оказано беспрецедентное давление со стороны ЕС, США и голландского председательства ОБСЕ (сопровожаемое демонстрациями протеста в Кишиневе), в результате которого президент В. Воронин отказался от «плана Козака» за день до его намеченного подписания.

ЕС и Россия, таким образом, вступили в открытый дипломатический конфликт по приднестровскому вопросу. Россия обвинила ОБСЕ в превращении в «инструмент в руках отдельных государств» (Loewenhardt 2004: 7), а на встрече министров иностранных дел организации в декабре 2003 г. не удалось принять итоговую политическую декларацию из-за противоречий вокруг проблематики конфликтов в Молдавии и Грузии. Внешняя политика Кишинева стала откровенно прозападной, а российско-молдавские отношения, наоборот, существенно ухудшились.

В 2004–2006 гг. ЕС продолжал демонстрировать решительный настрой на урегулирование приднестровского вопроса на благоприятных для молдавской правящей элиты условиях, последовательно нара-

щивая давление на ПМР. Запрет на выдачу виз приднестровскому руководству ежегодно продлевался. В сентябре 2004 г. ЕС ввел систему двойной проверки для поставок стали из Молдавии, означающую необходимость получения находящимся в приднестровском г. Рыбница металлургическим заводом экспортных сертификатов, выдаваемых молдавскими властями. В марте 2005 г. была учреждена должность специального представителя ЕС в Молдавии, главной задачей которого призвано было стать «усиление участия ЕС в разрешении приднестровского конфликта» (Council 2005); на этот пост был назначен голландский дипломат, занимавшийся приднестровской проблематикой во время председательства Нидерландов в ОБСЕ в 2003 г. В сентябре 2005 г. Россия и ПМР согласились изменить формат переговорного процесса: ЕС и США стали наблюдателями, а Молдавия, Приднестровье, Россия, Украина и ОБСЕ – участниками переговоров (формат «5+2»).

Несмотря на запуск переговорного процесса по новой схеме, ЕС и Молдавия попытались воспользоваться приходом в начале 2005 г. к власти на Украине, ориентирующей на евроатлантические структуры администрации, В.А. Ющенко для усиления экономического давления на Приднестровье. В июне 2005 г. В.Н. Воронин и В.А. Ющенко направили письмо руководству ЕС с просьбой о помощи в установлении механизма международного таможенного контроля на приднестровском участке молдавско-украинской границы. Уже в конце ноября 2005 г. была развернута Миссия ЕС по приграничной помощи Молдавии и Украине, наделенная правом посещать любой пункт на молдавско-украинской границе, изучать таможенные документы и требовать их корректировки.

В декабре 2005 г. Украина под давлением ЕС подписала с Молдавией декларацию, обязывающую ее признавать при перемещении приднестровских товаров через границу только молдавские таможенные печати, получить которые приднестровские экспортеры могли лишь будучи зарегистрированными официальными молдавскими властями. Оттянув начало практической реализации этого решения на два месяца, Украина в марте 2006 г. перестала принимать приднестровские таможенные декларации, и экспортные потоки из ПМР остановились. Этот шаг вызвал эскалацию напряженности в отношениях между сторонами конфликта. Тирасполь заявил об экономической блокаде Приднестровья, обвинив Киев в том, что Украина «отступила от принципа объективности и примкнула к одной из сторон конфликта» (RFERL 2006). ЕС твердо поддержал позицию Молдавии и Украины, призвал приднестровские юридические лица зарегистрироваться в Кишиневе и осудил «попытки самопровозглашенных приднестровских властей воспрепятствовать свободному осуществлению международной торговли» (Solana 2006). Россия поддержала Тирасполь, согласившись с оценкой случившегося

как установления экономической блокады, и намекнула, что ЕС ответствен за ухудшение ситуации в зоне конфликта (Камынин 2006).

В ответ на введенные ограничения Приднестровье приостановило участие в переговорном процессе. Россия значительно увеличила объемы помощи, оказываемой ПМР, а в конце марта 2006 г. ввела эмбарго на импорт винной продукции из Молдавии (формально мотивированное несоответствием ее российским стандартам). В сентябре 2006 г. Приднестровье провело референдум, на котором 98% принявших участие в голосовании высказались за независимость и возможность интеграции в будущем с Россией.

В 2007–2009 гг. политика ЕС в отношении приднестровской проблемы приобрела инерционный характер. Руководство ЕС, по-видимому, осознало, что влияния Брюсселя достаточно для того, чтобы заблокировать неприемлемый для ЕС вариант разрешения приднестровского вопроса, но не для принуждения ПМР к принятию условий Евросоюза. Благодаря российской экономической помощи Приднестровье продемонстрировало способность существовать при новом режиме внешнеэкономической деятельности, хотя абсолютное большинство приднестровских предприятий, работающих на экспорт, действительно вынуждено было перерегистрироваться в Кишиневе. Россия сняла в сентябре 2007 г. эмбарго на ввоз молдавских вин и организовала ряд встреч В.Н. Воронина и И.Н. Смирнова, но переговорный процесс в формате «5+2» так и не возобновился. Затяжной политический кризис, разразившийся в Молдавии весной 2009 г. и приведший к власти неустойчивую коалицию прозападных правых и центристских партий, несколько отвлек внимание молдавской политической элиты, занявшейся переделом власти, от Приднестровья.

Мезебергская инициатива и политика «малых шагов»

Новый период активизации политики ЕС по отношению к приднестровскому урегулированию пришелся на 2010–2012 гг. Инициатором возвращения приднестровского вопроса в повестку дня «большой» европейской политики стало правительство Германии. Берлин попытался воспользоваться особо тесным характером российско-германского взаимодействия и общей атмосферой потепления отношений между Россией и Западом, связанной с объявленной администрацией США политикой «перезагрузки», для решения приднестровского вопроса на условиях, благоприятных для ЕС и Молдавии. К необходимости добиться прогресса в приднестровском урегулировании подталкивали и начавшиеся в январе 2010 г. переговоры между ЕС и Молдавией о заключении Соглашения об ассоциации, и стремление Германии усилить позиции проевропейской коалиции, с трудом удерживающейся у власти в Кишиневе, «организовав» для нее внешнеполитический прорыв.

В июне 2010 г. на российско-германской встрече в верхах в Мезеберге по инициативе федерального канцлера А. Меркель был подписан меморандум, которым предусматривалось «рассмотреть возможность создания Комитета Россия – ЕС по вопросам внешней политики и безопасности на министерском уровне (КВВПБ Россия – ЕС). Документом оговаривалось сотрудничество России и ЕС «в направлении разрешения приднестровского конфликта, имея в виду достижение ощутимого прогресса в формате “5+2”», в том числе возможность «совместных мероприятий России и ЕС, которые гарантировали бы плавный переход от нынешней ситуации к финальной стадии» (Меморандум 2010).

Документ не был предварительно согласован с Европейской комиссией и другими странами ЕС, которые Берлин, таким образом, поставил перед свершившимся фактом. Идея создания КВВПБ осталась нереализованной, столкнувшись с возражениями Великобритании, стран Северной Европы и Балтии. Однако приднестровское урегулирование, взятое Германией под свой патронаж (которому административно способствовало упразднение в феврале 2011 г. должности специального представителя ЕС в Молдавии и передача части его функций представительству ЕС в Кишиневе), все-таки сдвинулось с мертвой точки. В ноябре 2010 г. правительство ФРГ организовало конференцию по мерам укрепления доверия в процессе молдавско-приднестровского урегулирования, ставшую ежегодным мероприятием. В конце 2011 г. возобновились переговоры в формате «5+2»; в 2012 г. их участникам удалось согласовать документ под названием «Принципы и процедуры проведения переговоров» и наметить повестку дня, разбитую на три «корзины» (социально-экономические вопросы, правовые и гуманитарные вопросы и всеобъемлющее урегулирование). Знаком ослабления напряженности стало принятие в 2012 г. на встрече министров иностранных дел ОБСЕ первого за десять лет заявления о переговорном процессе по приднестровскому урегулированию.

Содержательной новацией нового этапа политики ЕС в приднестровском вопросе стала ставка на «малые шаги» – попытка обеспечить постепенную интеграцию Приднестровья в Молдавию, поддерживая при этом проевропейский курс Кишинева и трансформируя Молдавию в успешное, привлекательное для жителей Приднестровья государство. Градус направленной против ПМР риторики, которой ранее изобиловали заявления ЕС, был заметно снижен. В 2010 г. Совет ЕС приостановил действие визовых санкций в отношении руководства Приднестровья. Смена власти в Тирасполе в конце 2011 г. была позитивно воспринята в Брюсселе и Кишиневе: европейскими экспертами новый президент ПМР Е.В. Шевчук рассматривался как фигура, намного более склонная к компромиссам, чем И.Н. Смирнов (Popescu, Litra 2012: 2–3). Показательно, что в августе 2012 г. Шевчук был даже приглашен на

встречу с А. Меркель во время ее визита в Кишинев; приднестровский лидер, впрочем, отказался от этой чести, по-видимому, получив соответствующий сигнал от России. Т. Хаммарберг, авторитетный европейский эксперт по правозащитной проблематике и бывший комиссар Совета Европы по правам человека, отметил позитивные сдвиги, происходящие в Приднестровье в этой сфере (Hammarberg 2013). Тирасполю было предложено участвовать в переговорах ЕС и Молдавии о создании зоны свободной торговли (ЗСТ), на которые ПМР в итоге направила наблюдателей.

Политика «малых шагов» способствовала оживлению экономических и гуманитарных связей между Приднестровьем и правобережной Молдавией. Была достигнута договоренность о восстановлении прямой телефонной связи, возобновлены пассажирские (по маршруту Кишинев – Тирасполь – Одесса) и грузовые железнодорожные перевозки через приднестровскую территорию, Молдавия отменила штрафы за нарушение правил пребывания на своей территории для жителей Приднестровья, имеющих иностранное (российское или украинское) гражданство. Возрос объем торговли между сторонами, чему способствовала отмена Тирасполем 100-процентной пошлины на ввоз товаров с Правобережья. ЕС профинансировал реализацию в Молдавии и ПМР ряда инфраструктурных и гуманитарных проектов.

Тем не менее ключевые проблемы приднестровского урегулирования оставались нерешенными. В Тирасполе с тревогой наблюдали за набирающим обороты сближением Кишинева с Бухарестом и с настоженностью воспринимали заявления румынского руководства о грядущем объединении двух стран. На переговорном процессе отрицательно сказывались частые политические потрясения в Кишиневе и трения в правящей элите Приднестровья.

Риски эскалации

С конца 2013 г. ситуация вокруг Приднестровья начала обостряться в связи с разворачивающимся украинским кризисом и ухудшением отношений между Россией, США и ЕС. В 2014–2015 гг. на фоне беспрецедентного с начала 1980-х гг. всплеска международной напряженности в Европе возрос риск «размораживания» приднестровского конфликта и его эксплуатации внешними акторами в своих интересах. Впервые противоречия в группе посредников и наблюдателей приднестровского урегулирования стали более острыми, чем между самими сторонами конфликта.

Резко усилилось давление на Тирасполь со стороны Украины, которая, рассматривая Приднестровье как дополнительный «фронт» борьбы с Россией, запретила экспорт в ПМР подакцизных товаров и разорвала

соглашение с Россией о транзите через украинскую территорию российских военных формирований, находящихся в Молдавии. Кишинев начал чинить препятствия работе ОКК, ввел запрет на пересечение молдавско-украинской границы для автомобилей с приднестровской регистрацией, увеличилось количество уголовных дел, возбужденных молдавскими правоохранительными органами против приднестровских должностных лиц. Со своей стороны, и руководство ПМР, столкнувшееся с ухудшением социально-экономической обстановки из-за финансового кризиса в России и действий Киева, приостановило в конце 2014 г. участие в переговорном процессе и объявило призыв резервистов в вооруженные силы. Жесткие заявления последовали со стороны спецпредставителя президента России по Приднестровью Д.О. Рогозина, а А. Меркель публично обвинила Россию в намерении дестабилизировать Молдавию (Spiegel Staff 2014).

В 2014 г. ЕС ввел для молдавских граждан безвизовый режим и подписал с Кишиневом Соглашение об ассоциации, включающей создание глубокой и всеобъемлющей ЗСТ. Однако восприятие молдавских властей руководством Германии и ЕС заметно изменилось в 2015 г., под влиянием потрясшего Молдавию в конце 2014 г. «исчезновения» из банковской системы страны 1 млрд долларов и вскрывшейся явной коррумпированности проевропейских политиков, дискредитирующей саму идею «европейского выбора» Кишинева. Если ранее страна представляла в документах ЕС успешно реформирующимся государством, то весной 2015 г. был зафиксирован прогресс «меньший, чем в прошлые годы» (European Commission 2015: 2), а в августе 2015 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» появилась статья генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда, в которой Молдавия была названа «захваченной» олигархами страной (Yagland 2015). В сентябре 2015 г. в Молдавии начались массовые антиправительственные протесты, обернувшиеся новой отставкой правительства.

К середине 2015 г. руководство ЕС, по-видимому, начало осознавать необходимость вывода отношений с Россией из тупика взаимного отчуждения, в котором они оказались вследствие украинского кризиса. Наметившемуся пересмотру позиции ЕС способствовала хрупкая, но ощутимая деэскалация ситуации на востоке Украины, обострение сирийского кризиса, продемонстрировавшего невозможность решения острой международной проблемы без участия России, а главное — фундаментальная взаимозависимость России и ЕС, вынуждающая Москву и Брюссель к поиску компромиссов. Проявлением прагматизма со стороны ЕС стали неформальные рекомендации Кишиневу наладить отношения с Москвой и согласие Брюсселя применять с начала 2016 г. к Приднестровью режим свободной торговли в том же объеме, что и для остальной территории Молдавии, не ставя перед Тирасполем пред-

варительных условий. Примирительным по отношению к российским интересам в Молдавии тоном отличается статья Т. Ягланда, ставшая своеобразным «манифестом» намерений политической элиты ЕС относительно Молдавии.

Однако риски эскалации приднестровского конфликта остаются как никогда высокими, чему способствует социально-экономический кризис на обоих берегах Днестра, обостряющаяся и в Кишиневе, и в Тирасполе внутривнутриполитическая борьба, российско-украинский конфликт и жесткая позиция Киева по отношению к Приднестровью. В этих условиях России и ЕС необходимо предпринять срочные дополнительные усилия по разрядке ситуации в зоне конфликта и попытаться перезапустить «мезебергскую инициативу» в части, касающейся приднестровского урегулирования. Соответствующее «окно возможностей» может открыться в рамках председательства Германии в ОБСЕ в 2016 г.

Заключение

Таким образом, первоначальная ставка Брюсселя на навязывание Приднестровью не согласованных с ним условий реинтеграции в Молдавию со временем уступила место более прагматичному и перспективному с точки зрения достижения целей ЕС подходу – политике «малых шагов». К концу 2000-х гг. в целом ушла в прошлое демонизация Приднестровья, а миссия ЕС по приграничной помощи Молдавии и Украине так и не обнаружила следов якобы исходящей из Тирасполя организованной преступной деятельности. В то же время стратегически ЕС, безусловно, заинтересован в «растворении» приднестровской идентичности и квази-государственности и по-прежнему воспринимается в Тирасполе с недоверием, тем более что определяющая политику ЕС «мягкая» линия, диктуемая Берлином, так и не заглушила раздающиеся из Бухареста призывы к объединению Румынии и Молдавии. Более чем скромные результаты принесли усилия ЕС, направленные на превращение Молдавии в пример успешной реализации политики соседства, что, в конечном итоге, было признано самим Брюсселем, переставшем увязывать основные причины социально-экономического и политического кризиса в Молдавии с нерешенностью приднестровского вопроса.

В целом можно заключить, что, несмотря на неравномерную динамику своего вовлечения в приднестровское урегулирование, ЕС стал вторым, наряду с Россией, ключевым внешним актором этого процесса. Без деятельного участия ЕС невозможно не только политическое урегулирование приднестровского вопроса, но и решение текущих проблем, порожденных фактическим сосуществованием на территории Молдавии двух государственных образований, и дальнейшее поддержание статус-кво, сложившегося в зоне конфликта.

Литература

- Камынин М.Л.* Сложившаяся ситуация с самого начала планировалась как политическая акция по экономическому удушению Приднестровья. URL: <http://www.olvia.idknet.com/ol130-03-06.htm> (дата обращения: 07.11.2015).
- Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем от 8 мая 1997 г.* URL: http://customs.gospmr.org/wp-content/uploads/2015/03/moscow_memorandum_rus.pdf (дата обращения: 06.11.2015).
- Меморандум по итогам встречи Президента России Д. Медведева и Федерального канцлера Германии А. Меркель 4–5 июня 2010 г., г. Мезеберг.* URL: <http://kremlin.ru/supplement/575> (дата обращения: 07.11.2015).
- Council of the European Union. Council Joint Action 2005/265/CFSP of 23 March 2005 appointing a Special Representative of the European Union for Moldova.* URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2005.081.01.0050.01.ENG (дата обращения: 07.11.2015).
- European Commission. 2002–2006 Country Strategy Paper for Moldova.* URL: http://eeas.europa.eu/moldova/csp/02_06_en.pdf (дата обращения: 06.11.2015).
- European Commission. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with Our Eastern and Southern Neighbours.* URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (дата обращения: 06.11.2015).
- European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in the Republic of Moldova. Progress in 2014 and Recommendations for Action.* URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/2015/repulic-of-moldova-enp-report-2015_en.pdf (дата обращения: 07.11.2015).
- Hammarberg Th.* Report on Human Rights in the Transnistrian Region of the Republic of Moldova. URL: http://www.md.undp.org/content/dam/moldova/docs/Publications/UN_MD_Senior_Expert_Hammarberg_Report_TN_Human_Rights.pdf (дата обращения: 07.11.2015).
- King Ch.* The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2000. 304 p.
- Loewenhardt J.* The OSCE, Moldova and Russian Diplomacy in 2003. URL: <http://www.ceeol.com> (дата обращения: 06.11.2015).
- Popescu N., Litra L.* Transnistria: A Bottom-Up Solution. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR63_TRANSNISTRIA_BRIEF_AW.pdf (дата обращения: 07.11.2015).
- Radio Free Europe / Radio Liberty (RFERL).* Transdnister Leader Slams Ukraine over New Customs Rules, 06.03.2006. URL: <http://www.rferl.org/content/article/1143587.html> (дата обращения: 07.11.2015).
- Roper St.* Regionalism in Moldova: The Case of Transnistria and Gagauzia // Regional and Federal Studies. 2001. № 3. P. 101–122.
- Solana J.* EU High Representative for the CFSP welcomes implementation by Moldova and Ukraine of Joint Declaration on Customs, 06.03.2006. URL: http://www.euro-parl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/031006solanadeclaration_/031006solanadeclaration_en.pdf (дата обращения: 07.11.2015).
- Spiegel Staff.* Putin's Reach: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/germany-worried-about-russian-influence-in-the-balkans-a-1003427.html> (дата обращения: 07.11.2015).
- Yagland Th.* Bring Moldova Back From the Brink. URL: http://www.ny-times.com/2015/08/11/opinion/bring-moldova-back-from-the-brink.html?_r=0 (дата обращения: 07.11.2015).

Troitskiy Evgeniy F.

EU POLICY TOWARDS THE TRANSNISTRIAN CONFLICT (1992–2015)*

Abstract. The article discusses the evolution of EU policy towards the Transnistrian conflict. It describes major elements of the Transnistrian status quo as it formed throughout the 1990s and analyzes factors accounting for the EU's involvement in the Transnistrian conflict settlement in the early 2000s. The policy of putting pressure on Transnistria, the breakdown of the 'Kozak plan', the 'Meseberg initiative', and EU's shift to the policy of 'small steps' towards Tiraspol are explored. The article analyzes the impact of heightened international tensions in Europe in 2014–2015 on the situation in the conflict zone and shows risks of escalating contradictions over Transnistria. The author argues that the EU has become the second (after Russia) key external actor involved in the Transnistrian conflict settlement. It is not only the political settlement that is impossible without the EU's involvement – resolving everyday problems created by the de facto coexistence of two statehoods in the Moldovan territory and further maintenance of the status quo in the conflict zone also require its engagement.

Keywords: EU, Transnistria, Moldova, Russia, 'small steps' policy, '5+2' negotiations

DOI: 10.17223/2312461X/13/2

* The article is prepared in the framework of the project 'European Identity, Cultural Diversity, and Political Change' supported by the EU 7th Framework Programme for Research and Technological Development.

References

- Kamynin M.L. *Slozhivshayasya situatsiya s samogo nachala planirovalas' kak politicheskaya aktsiya po ekonomicheskomu udusheniyu Pridnestrov'ya* [The present situation was planned as a political move to strangle Transnistria economically]. Available at: <http://www.olvia.idknet.com/ol130-03-06.htm> (Accessed 07.11.2015).
- Memorandum ob osnovakh normalizatsii otnosheniy mezhdu Respublikoy Moldova i Pridnestrov'em ot 8maya 1997 g.* [Memorandum on the principals of normalization of relations between the Republic of Moldova and Transnistria of May 8, 1997]. Available at: http://customs.gospmr.org/wp-content/uploads/2015/03/moscow_memorandum_rus.pdf (Accessed 06.11.2015).
- Memorandum po itogam vstrechi Prezidenta Rossii D. Medvedeva i Federal'nogo kantslera Germanii A. Merkel' 4–5 iyunya 2010 g., g. Mezeberg* [Memorandum following the meeting between Russian President D. Medvedev and Federal Chancellor of Germany A. Merkel, June 4–5, 2010, Meseberg]. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/575> (Accessed 07.11.2015).
- Council of the European Union. Council Joint Action 2005/265/CFSP of 23 March 2005 appointing a Special Representative of the European Union for Moldova.* Available at: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_2005.081.01.0050.01.ENG (Accessed 07.11.2015).
- European Commission. 2002–2006 Country Strategy Paper for Moldova.* Available at: http://eeas.europa.eu/moldova/csp/02_06_en.pdf (Accessed 06.11.2015).
- European Commission. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with Our Eastern and Southern Neighbours.* Available at: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (Accessed 06.11.2015).
- European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in the Republic of Moldova. Progress in 2014 and Recommendations for Action.* Available at: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/2015/repulic-of-moldova-enp-report-2015_en.pdf (Accessed 07.11.2015).

- Hammarberg Th. *Report on Human Rights in the Transnistrian Region of the Republic of Moldova*. Available at: http://www.md.undp.org/content/dam/moldova/docs/Publications/UN_MD_Senior_Expert_Hammarberg_Report_TN_Human_Rights.pdf (Accessed 07.11.2015).
- King Ch. *The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture*. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2000. 304 p.
- Loewenhardt J. *The OSCE, Moldova and Russian Diplomacy in 2003*. Available at: <http://www.cceol.com> (Accessed 06.11.2015).
- Popescu N., Litra L. *Transnistria: A Bottom-Up Solution*. Available at: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR63_TRANSNISTRIA_BRIEF_AW.pdf (Accessed 07.11.2015).
- Radio Free Europe / Radio Liberty (RFERL). Transnistria Leader Slams Ukraine over New Customs Rules, 06.03.2006. Available at: <http://www.rferl.org/content/article/1143587.html> (Accessed 07.11.2015).
- Roper St. Regionalism in Moldova: The Case of Transnistria and Gagauzia, *Regional and Federal Studies*, 2001, no. 3, pp. 101–122.
- Solana J. *EU High Representative for the CFSP welcomes implementation by Moldova and Ukraine of Joint Declaration on Customs*, 06.03.2006. Available at: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/031006solanadeclaration_031006solanadeclaration_en.pdf (Accessed 07.11.2015).
- Spiegel Staff. *Putin's Reach: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans*. Available at: <http://www.spiegel.de/international/europe/germany-worried-about-russian-influence-in-the-balkans-a-1003427.html> (Accessed 07.11.2015).
- Yagland Th. *Bring Moldova Back From the Brink*. Available at: http://www.ny-times.com/2015/08/11/opinion/bring-moldova-back-from-the-brink.html?_r=0 (Accessed 07.11.2015).

УДК 338:001.895 (4/8)
DOI: 10.17223/2312461X/13/3

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ*

Ольга Валерьевна Устюжанцева

Аннотация. Несмотря на долгую историю отношений России и Индии, установившихся после образования независимой Индии, современное состояние российско-индийских связей в сфере образования не выдерживает конкуренции с такими странами, как США или Великобритания. Современный академический дискурс вокруг российско-индийских связей практически не охватывает вопросы образовательного сотрудничества, что указывает на явный пробел в понимании процессов, происходящих в этой сфере между Россией и Индией. Данное исследование призвано восполнить этот пробел, дав первичный обзор существующих процессов в системах образования России и Индии в контексте интернационализации, определить проблемы в развитии российско-индийских образовательных связей и обозначить пути их решения. Исследование вопроса российско-индийских отношений в области образования лежит в двух основных измерениях: как часть межгосударственных отношений и как часть политики интернационализации высшего образования обеих стран. Главный вывод исследования заключается в необходимости перевести российско-индийские образовательные связи с межинституционального на межгосударственный уровень. В России роль государства как регулятора сотрудничества должна быть дополнена финансовыми, дипломатическими и административными механизмами, обеспечивающими благоприятную среду взаимодействия. Такой подход позволит капитализировать исторически хорошие межгосударственные отношения двух стран. Для реализации нового подхода необходима экспертиза современной образовательной системы Индии и возможностей сотрудничества с учетом потребностей и возможностей обеих стран.

Ключевые слова: Россия, Индия, образование, интернационализация

Россия и Индия не только в массовом сознании россиян, но и в сознании российских политиков воспринимаются как две дружественные державы с мощными связями, заложенными и возвращенными во времена СССР. В качестве одного из доказательств эксперты приводят «огромное количество индийских студентов», которые обучались в Советском Союзе, а в вопросах современных образовательных отношений двух стран звучит призыв «восстановить массовое привлечение индийских студентов на учебу в Россию» (РСМД 2013: 22). За последние 10 лет

* Исследование выполнено в рамках государственного задания, проект № 2059: «Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект)».

число индийских студентов, обучающихся в вузах России, варьировало от 3 до 5 тысяч человек ежегодно. В СССР за период с 1950 по 1985 г. было выпущено всего 2 118 индийских студентов (Экспорт российских... 2016). Даже если принять во внимание количество вузов, которое увеличилось со времен СССР с 507 в 1988/89 до 969 в 2013/14 учебном году (Образование в цифрах 2014), статистика советских времен не идет ни в какое сравнение с последним десятилетием. Это свидетельствует о наличии определенного недопонимания политиками и экспертным сообществом состояния российско-индийских дел в сфере образования, истоки которого уходят во времена Советского Союза.

Если отвлечься от риторики, связанной с СССР, то неудовлетворенность сегодняшним потоком индийских студентов понятна в сравнении с количеством индийских студентов, обучающихся, к примеру, в США. Так, в 2014/15 учебном году в США обучались 132 888 индийских студентов (Open Doors Report 2014). И если в России подавляющая часть индийских студентов обучается медицине, то в США 78,6% индийских студентов обучаются по направлениям STEM¹. Для США индийские студенты не только источник дохода (только в 2014 г. индийские студенты принесли 3,6 млрд долларов в казну США (U.S. Department... 2016), но и источник высококвалифицированных кадров в актуальнейших сферах, от которых зависит технологическое развитие страны. Возможно ли достижение таких же показателей в отношении индийских студентов в России? Что происходит с российско-индийскими отношениями в области образования? Почему, несмотря на позитивный опыт десятков предыдущих лет и многочисленные заявления о стратегическом партнерстве, образовательное сотрудничество не дает ощутимых результатов?

Актуальность этих вопросов объясняется не только возможными экономическими выгодами от привлечения индийских студентов. На повестку дня выходит более важный вопрос российской политики интернационализации высшего образования и ее низкой, по сути, эффективности, о чем речь пойдет ниже. И дело тут даже не в «мягкой силе» распространения политического влияния, что часто называют целью интернационализации (Торкунов 2013). Речь идет о развитии высокоэффективной и конкурентоспособной системы высшего образования страны, которая не может быть таковой без учета мировых тенденций и интеграции в мировое образовательное пространство.

Таким образом, исследование вопроса российско-индийских отношений в области образования лежит в двух основных измерениях: как часть межгосударственных отношений и как часть политики интернационализации высшего образования, причем не только в России, но и в Индии. Именно это определяет методологические рамки данного исследования.

Интернационализация высшего образования становится все более обсуждаемой темой в политических и академических кругах России. Публикуется все больше работ, где рассматривается зарубежный опыт интернационализации. Значительная часть исследований российских ученых начала двухтысячных посвящена выработке подходов и стратегий к интегрированию России в мировое образовательное пространство, преимущественно европейское (Формирование общеевропейского... 2004; Болонский процесс 2005; Мягкий путь 2005). Что касается сотрудничества с азиатскими странами, то одно из первых и немногих крупных исследований было проведено в 2013 г. Российским советом по международным делам, по итогам которого был опубликован аналитический доклад «Интернационализация российских вузов: китайский вектор». В докладе представлен перечень рекомендаций по утверждению позиций России на китайском рынке образовательных услуг. Подобных исследований в отношении Индии в России не проводилось. Более того, в публикациях, посвященных военному, торгово-экономическому и научно-технологическому сотрудничеству России с Индией, тема образования, как правило, не затрагивается.

В данной статье российско-индийские отношения в сфере образования рассмотрены с точки зрения основных тенденций и подходов к интернационализации высшего образования, включая особенности политики интернационализации в России и Индии. Автор также приводит историческую ретроспективу становления и развития образовательных связей СССР и Индии, что позволит глубже понять современное состояние российско-индийских отношений в этой сфере. Исследование предпринято с целью дать первичный обзор существующих процессов в системах образования России и Индии в контексте интернационализации, определить проблемы в развитии российско-индийских образовательных связей и обозначить пути их решения.

Тенденции и подходы к интернационализации высшего образования в мировой практике

Интернационализация высшего образования – сравнительно недавний термин, который начал использоваться в отношении образования в 1990-х гг. для описания различных стратегий международного развития высшего образования. Рост конкуренции в высшем образовании, его коммерциализация и усиление трансграничности в предоставлении образовательных услуг обусловили сдвиг в традиционной модели международного образовательного сотрудничества вузов стран – активных участников международного образовательного пространства. Если в 1970–1980-х гг. многие страны, осуществляя международные образовательные стратегии, фокусировались на развитии сотрудничества и

предоставлении помощи (как, например, СССР субсидировал обучение в своих вузах студентов из африканских и азиатских стран), то в 1990-х гг. интернационализация обрела новое наполнение. Континентальная Европа сфокусировалась на усилении академической мобильности и интернационализации учебных планов. Великобритания и Австралия выбрали путь коммерциализации высшего образования, поставив его в положение товара / услуги. Вузы этих стран стали взимать реальную стоимость обучения с иностранных студентов, практически отказавшись от субсидирования. Такая стратегия сработала, сделав и Великобританию, и Австралию одними из мировых лидеров по привлечению иностранных студентов. Бурное развитие азиатских стран, а также азиатский экономический кризис 1990-х гг. сделали страны Азии привлекательными для реализации транснационального (офшорного) образования, и многие британские и австралийские вузы стали открывать филиалы в азиатских странах, расширяя зону своей экономической экспансии. Европа пошла несколько иным путем, через создание партнерств и союзов и формирование общеевропейского образовательного пространства.

Ван дер Венде выделяет два основных подхода к интернационализации высшего образования: основанный на конкуренции и основанный на сотрудничестве (Van der Wende 2001). Выбор того или иного подхода определяется политическими и ценностными установками стран. Во многих европейских странах свободный доступ к высшему образованию является установившимся правом, что конфликтует с позиционированием высшего образования как товара на мировом рынке. Конкурентный подход в таких странах, как Франция, Италия и Германия, не стал основанием для интернационализации почти до конца 1990-х гг. Финансирование высшего образования в этих странах было почти полностью государственным, студенты не платили за обучение, и финансовая автономия университетов была ограничена. Международная конкурентоспособность этих вузов была низкой, если вообще существовала. Постепенное сокращение государственного финансирования заставило вузы искать новые источники доходов и конкурировать за них на мировом образовательном рынке. Это привело к тому, что подход к интернационализации, основанный на сотрудничестве, стал комбинироваться с конкурирующим подходом.

В результате определились три основные стратегии, которые вузы стран – лидеров мирового образовательного рынка используют для усиления конкурентоспособности и реализации своих задач интернационализации (Guri-Rosenblit 2015):

- 1) усиление своих относительных преимуществ и достижение превосходства в «сильных» областях;

- 2) сотрудничество с другими институтами в целях разделения рисков и повышения общей конкурентоспособности;

3) выведение образовательной деятельности за пределы национальных границ, офшорные образовательные услуги.

Основной функцией государства во всех перечисленных стратегиях становится контроль за качеством образовательных услуг при предоставлении большей автономии для вузов в их деятельности в международном образовательном пространстве. Это, в свою очередь, приводит к формированию сильных международных связей на уровне вузов, которые в наши дни становятся сильнее и активнее государственной образовательной дипломатии (Peterson 2014). Уход государства от жесткого регулирования деятельности вузов, снижение государственного финансирования и переориентация его деятельности на обеспечение благоприятной среды (визовые режимы, возможности трудоустройства, межгосударственные договоры о взаимном признании и эквивалентности степеней) приводят к усилению активности вузов в международном образовательном пространстве, созданию и продвижению конкурентоспособных образовательных программ и поиску новых союзов и партнерств с тем, чтобы диверсифицировать свое финансирование и повысить собственный престиж.

Из истории российско(советско)-индийских образовательных связей

Первых индийских студентов СССР начал принимать с середины 1950-х гг. после визита первого премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру в Советский Союз в 1955 г. Тогда же СССР оказал помощь Индии в открытии Индийского технологического института Бомбея, одного из лучших технических вузов Индии. Широкое распространение получило изучение русского языка в Индии. Начиная с 1946 г. в индийских вузах начало вводиться изучение русского языка – от простых курсов до программ бакалавриата (введены в Индийском Институте русистики в 1969 г.) и магистратуры (в Университете им. Джавахарлала Неру). Распространение русского языка было частью культурного сотрудничества двух стран: в 1970 г. индийское правительство при поддержке советских ученых и преподавателей открыло Всеиндийский институт русского языка в Дели, который в том числе унифицировал стандарты преподавания русского языка в вузах и языковых центрах Индии. К середине 1970-х гг. в региональных центрах этого института обучались более 2 000 студентов, более 50 вузов Индии предлагали курсы изучения русского языка (Тотавар 2007). СССР открывает в разных городах Индии российские культурные центры, которые также осуществляли обучение русскому языку.

Для Индии, которая находилась на этапе создания своей системы высшего образования, СССР стал «кузницей» кадров, причем прежде

всего в профессиональной области: в СССР индийцы получали не только высшее, но и среднетехническое и профессиональное образование. Обучение кадров в СССР и с помощью СССР обеспечивало Индию такими нужными в процессе индустриализации страны инженерами и специалистами. В советских вузах были подготовлены специалисты для металлургической, космической и нефтегазовой промышленности.

Цели международного сотрудничества в обеих странах лежали в плоскости обеспечения государственных интересов: только для СССР – геополитических, а для Индии – экономических и технологических. Необходимо отметить, что для Индии СССР не являлся эксклюзивным партнером в образовательных связях. Хорошим примером, иллюстрирующим это, является история создания индийских технологических институтов. Это государственные институты национальной важности, первые три из которых были основаны при поддержке разных стран: Индийский технологический институт Бомбея был открыт при содействии СССР (1958); Индийский технологический институт Мадраса (Ченнаи) открывался при поддержке Германии (1959), которая аккумулировала огромное положительное сальдо торгового баланса с Индией; Индийский технологический институт Канпура был создан совместно с США в 1959 г. (Jaggi 2011).

Однако Индия не входила даже в первую десятку стран – доноров студентов для СССР. Наиболее крупные контингенты иностранных граждан, обучавшихся в советских вузах в 1990/91 академическом году, были из Монголии, Вьетнама, Афганистана, Кубы, Болгарии, Сирии, Йемена, Эфиопии, Ливана и Польши (Шереги, Дмитриев, Арефьев 2002). Во многом это положение вещей было связано с тем, как развивались образовательные системы России и Индии и какие цели они ставили в осуществлении международной деятельности в те годы.

В течение всего периода существования СССР до 1990-х гг. советская система высшего образования структурно оставалась неизменной – в стране существовали только государственные вузы, высшее образование было бесплатным, для иностранных студентов оно также субсидировалось государством. Международное сотрудничество в сфере образования имело патерналистский характер и преследовало в основном политическую цель обеспечения геополитического влияния СССР на страны третьего мира. В первую очередь это были государства Восточной Европы, Азии и Африки, которые встали на путь социалистического развития. СССР не ставил перед собой задачи интегрироваться в мировое образовательное пространство, а стремился скорее использовать образовательную сферу как инструмент «мягкой силы» в международных отношениях.

Тем временем индийская образовательная система развивалась и была не столь однородна, как в СССР, ни по структуре, ни по задачам,

которые призвано было решать международное образовательное сотрудничество. Государственная политика в области высшего образования имела дуалистичную природу: с одной стороны, это была политика опоры на собственные силы, с другой – стремление приблизить свое образование к мировым стандартам. Результатом этой политики стало создание целой сети высоkokлассных вузов: индийских технологических институтов, медицинских институтов, индийских институтов менеджмента. Немаловажную роль в их создании сыграли связи и взаимодействие с другими странами. При этом международные образовательные связи Индии всегда были диверсифицированы.

Первые десятилетия после обретения независимости Индия следовала модели огосударствления практически во всех сферах, включая образование. Ряд частных вузов был национализирован, в 1950–1960-е гг. подавляющая часть новых вузов была государственными (Gnanam 2008). На долю частного сектора отводилось открытие колледжей, которые активно аффилировались в государственные вузы. Так, государство частично субсидировало и частные колледжи. Это создавало условия для быстрого роста «спонсируемых государством» частных колледжей, в которые поступали до 80% абитуриентов. Стоимость обучения в них устанавливалась государством (как правило, правительствами штатов). В результате частные колледжи функционировали скорее как государственные институты, нежели чем коммерческие, частные вузы. В 1970–1980-е гг. ситуация стала меняться после того, как государственным вузам было разрешено предоставлять платные услуги (курсы). Фактически это было началом приватизации. Государство активно выступало за открытие таких курсов в государственных университетах, создавая двусмысленную ситуацию существования государственного бесплатного образования на условиях самофинансирования и взимания со студентов платы за отдельные курсы.

Однако, несмотря на то что индийская система высшего образования развивалась в направлении большей самостоятельности и автономности, в том числе за счет симбиоза государственных университетов с частными колледжами, индийские вузы не имели права вести международную деятельность самостоятельно.

1990-е гг. стали поворотными и для России, и для Индии – обе страны вошли в период реформирования экономики с целью ее либерализации, что оказало большое влияние на сферу высшего образования в обеих странах. Прежде всего, было существенно сокращено финансирование высшего образования. В России расходы на высшее образование упали с 1,2 до 0,4% ВВП за период с 1992 по 1998 г. (Luchinskaya 2011), в Индии – с 0,98 до 0,77% ВВП в 1981 и 1991 гг. соответственно (Educational Statistics 2014). Произошел существенный сдвиг в предоставлении вузам автономности, в том числе в международной деятель-

ности. Российский закон об образовании 1992 г. наделял вузы правом вести международную деятельность, было разрешено открывать частные вузы. В Индии вузы также могли вести международную активность, но под патронажем государства. Так, чтобы подписать рамочный меморандум о взаимопонимании с любым иностранным вузом, индийский вуз должен был получить разрешение от Комиссии по университетским грантам. Это регулирование было отменено лишь в 2004 г. (Kumar 2015).

Россия перешла к конкурирующей модели интернационализации. Российские вузы начали самостоятельно налаживать связи с индийскими вузами, а также вступили в глобальную борьбу за иностранных студентов, в том числе индийских. В то же время Индия довольно осторожно продвигалась в направлении интернационализации. Это доказывают дебаты вокруг присоединения Индии к условиям ГАТС (General Agreement of Trade Services, Генеральное соглашение по торговле услугами) в сфере высшего образования. По этому вопросу мнения в стране самые разные, основным противоречием на идейном уровне стал вопрос о том, является ли сфера образования социальным благом или экономической единицей (Устюжанцева 2013). Индия сохраняет за государством прерогативу развивать международное сотрудничество, допуская, однако, в эту сферу и вузы.

Резюмируя историческую ретроспективу советско-индийских отношений в сфере образования, необходимо отметить, что образование не было приоритетным направлением развития советско-индийских отношений, а скорее вытекало из общей культурной дипломатии и политики обеспечения стратегических интересов обеих стран. До 1990-х гг. это было предметом межгосударственных отношений. После распада СССР Россия перешла на уровень межинституциональных связей в рамках конкурирующего похода к интернационализации, что затрудняло развитие образовательных связей с Индией, поскольку та сохранила приверженность межгосударственному уровню взаимодействия.

Реформы 1990-х гг., либерализация и открытие экономик обеих стран для мировых процессов привели к появлению новых факторов, влияющих на российско-индийское сотрудничество в области образования, связанных с тем, что обе страны стали участниками мирового образовательного рынка и начали по-своему понимать (и осуществлять) политику в области интернационализации высшего образования.

Интернационализация высшего образования в современной Индии

Интернационализация высшего образования как часть государственной политики возникла в политическом дискурсе Индии довольно поздно – в 12-м пятилетнем плане (2012–2017 гг.). Авторы плана фор-

мулируют следующие цели интернационализации: усиление «мягкой силы», улучшение внутренних образовательных стандартов и выпуск специалистов, способных конкурировать на международном рынке. Достижение целей предполагается за счет развития инновационного партнерства через программы обмена преподавателями и студентами, институциональное сотрудничество в научных исследованиях и образовательных проектах для диверсификации образовательных моделей, использование информационных и коммуникационных технологий, для чего вузам Индии будет предоставлена большая автономность в осуществлении международных связей (An Approach... 2011).

Для реализации поставленных целей Индия планирует создать соответствующую мировым стандартам систему академических кредитов, интернационализировать учебные планы и усилить работу по взаимному признанию квалификаций с различными странами. Данные задачи лежат большей частью в компетенции государства. Активная роль государства проявляется в реализации межгосударственных программ, среди которых наиболее показательна Британско-индийская образовательная и исследовательская инициатива (UK India Education Research Initiative, UKIERI).

Эта программа была запущена в 2006 г. с целью развития связей в области высшего образования между Великобританией и Индией. Со стороны Великобритании разработкой и реализацией программы занимаются: Министерство иностранных дел и по делам Содружества, Британский Совет, Правительства Шотландии и Уэльса; с индийской стороны – Министерство по развитию человеческих ресурсов, Департамент науки и технологий, Департамент занятости и образования Правительства Индии и Комиссия по университетским грантам. Инициатива была рассчитана на две фазы (2006/07–2010/11 и 2011/12–2015/16) с основной задачей финансировать совместные британско-индийские программы в четырех основных областях: развитие лидерства в образовании, профессиональное образование, инновационное партнерство и студенческая мобильность. По данным на 2013 г., в рамках UKIERI были созданы 182 исследовательских команды, 346 институциональных партнерств, выпущена 1 231 совместная публикация, выдано 505 грантов на исследования. Всего данная инициатива охватила 695 научных и образовательных институтов в обеих странах (UKIERI 2014).

Одной из важнейших особенностей данной программы является создание платформы для переговоров политиков и представителей правительств обеих стран с целью обсуждения и выработки решений вопросов, связанных с научным и образовательным сотрудничеством двух стран. В течение первой фазы программы было проведено 60 мероприятий для обсуждения таких вопросов. Среди них, к примеру, заседания Индийско-британской рабочей группы по вопросам квалификаций

(признание и определение эквивалентности степеней и дипломов); ряд консультаций и круглых столов представителей британских правительственных организаций, вузов, Британской комиссии по занятости и обучению с Национальной корпорацией по развитию профессиональных специальностей Индии, Агентством по обеспечению качества в высшем образовании, Плановой комиссией Индии. На обе фазы проекта Индия и Великобритания выделили 35 млн фунтов стерлингов, 75 млн фунтов были привлечены в качестве инвестиций. Программа показала высокую результативность, Индия планирует использовать ее для развития научно-образовательных связей с другими странами, в частности с Германией (UKIERI Program... 2016). В 2012 г. программу расширили, включив в нее США, что привело к созданию Программы трехсторонних исследований в партнерстве (Trilateral Research in Partnership, TRIP), призванной развивать научно-образовательное сотрудничество между Индией, Великобританией и США. В первый год программы было награждено 18 междисциплинарных исследовательских проектов вузов трех стран с размером финансирования до 50 тыс. фунтов стерлингов каждый на два года. Темы исследовательских проектов самые разнообразные – от физики Солнца, исследований вирусных инфекций до исследований компьютерных игр в различных культурах и политики Индии и Пакистана в Афганистане (UKIERI Trilateral... 2016)

В США также существуют довольно масштабные межгосударственные институты и программы по поддержке образовательных связей с Индией: Американо-индийский образовательный фонд (United States-India Educational Foundation), обеспечивающий сотрудничество США и Индии в рамках программы Фулбрайт, и Инициатива в области передачи знаний «Обама-Сингх 21-й век» (Obama-Singh 21st Century Knowledge Initiative, OSI). Приоритетные сферы сотрудничества: климатические изменения, энергетика, здравоохранение, продовольственная безопасность (Obama-Singh... 2012). За период с 2012 по 2016 г. только по программе OSI было поддержано 40 проектов, на каждый из которых выделено по 250 тыс долларов на три года. Проекты включают в себя не только исследовательскую составляющую, но и разработку совместных образовательных программ, повышение квалификации, совместные научно-образовательные мероприятия (USIEF 2016). Необходимо подчеркнуть, что финансирование этих программ осуществляется государствами.

Европейский союз реализует ряд крупных программ совместно с Правительством Индии. Например, программа академической мобильности для индийцев в ЕС – India4EU; проект ЕС и Правительства Индии по финансированию совместных научных работ в области биологических наук и воды с бюджетом 32 млн евро (Shimmi, Stanfield 2013).

Индия с ее огромным потенциалом человеческих ресурсов, безусловно, является очень привлекательной страной для развития всевозможных связей в области образования. Ведущие страны готовы инвестировать в это сотрудничество, понимая величину данного потенциала и перспективы его развития. Индия выбрала подход сотрудничества в интернационализации высшего образования, используя международное сотрудничество для улучшения внутренних образовательных стандартов и повышения квалификации кадров.

В отличие от сегодняшних тенденций развития институционального сотрудничества на уровне вуз–вуз, Индия сохраняет приверженность к осуществлению международного сотрудничества на уровне межгосударственных программ, что значительно облегчает жизнь индийским институтам и университетам, позволяя извлекать из этого сотрудничества выгоду в виде улучшения и развития образовательных программ и привлечения к совместной работе ведущих образовательных и научных учреждений мира. Через подобные межгосударственные программы Правительство Индии имеет возможность направлять развитие науки и образования в наиболее востребованные в мире и в самой Индии области, разделяя риски и финансовое обеспечение со странами-партнерами.

Интернационализация высшего образования в современной России

Согласно Концепции государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях 2002 г. основной целью международного образовательного сотрудничества является реализация геополитических и социально-экономических интересов Российской Федерации на мировом рынке образования и труда (Концепция 2002). Дальнейшее развитие эта идея получила в Концепции экспорта образовательных услуг, где образование рассматривается в терминах ГАТС и ставится задача повышения конкурентоспособности российского высшего образования.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. довольно четко обозначены целевые ориентиры, которые в том числе расшифровывают понимание повышения конкурентоспособности российского образования на мировом рынке образовательных услуг. Это увеличение дохода от обучения иностранных студентов в российских вузах, который должен составить не менее 10% от объема финансирования системы образования; увеличение доли иностранных студентов, обучающихся в России, до 5% общего числа студентов; обеспечение условий, при которых показатели качества образования в российских образовательных учреждениях

будут находиться в начале рейтинг-листа результатов международных сопоставительных исследований (Концепция 2008).

Реализация этих целей осуществляется через ряд государственных программ, как, например, Программа 5-100, основной целью которой является появление по крайней мере пяти вузов России в топ-100 мировых рейтингов. Поставленные в программе задачи, которые вузы призваны решить для достижения этой цели, соответствуют лучшим устремлениям обеспечения интеграции высшего образования в мировую образовательную систему. Это развитие инфраструктуры для привлечения лучших ученых, преподавателей, управленцев и студентов; интернационализация всех областей деятельности; производство интеллектуальных продуктов мирового уровня и формирование выдающейся академической репутации за счет ведения прорывных исследований и привлечения ведущих мировых ученых; приведение образовательных программ в соответствие с лучшими международными образцами. Однако реализация этих сложных и долгосрочных по сути задач осуществляется в довольно узких рамках требований «быстрых побед», устанавливаемых государством в обмен на финансовые ресурсы, распределение которых происходит по результатам ежегодных отчетов вузов-участников Программы. В результате вузы ориентируются на достижение быстрых показателей по академической мобильности и найму иностранных преподавателей и ученых, нередко пренебрегая качеством достигаемых показателей. Так, несмотря на рост публикационной активности вузов Программы 5-100 (среднее количество публикаций на одного НПП² за год увеличилось на 20,7%), цитируемость в расчете на статью снизилась на 1,6% (Рейтинг вузов России 2015). Эксперты отмечают также снижение качества иностранных студентов, что связано со стремлением вузов выполнить показатели по количеству иностранных студентов, в результате чего они берут студентов с любым уровнем знаний (Состояние и перспективы 2010).

Наиболее точно описал российский подход к интернационализации директор Департамента международного сотрудничества Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Андрей Алексанков: «Разница в подходах [к интернационализации] видна невооруженным взглядом: если европейский подход делает акцент на совершенствовании самого образовательного и научного продукта с точки зрения международных подходов и стандартов (акцент на свой продукт), то российское понимание акцентировано на заимствовании дополнительно приобретенной ценности во внешней среде (акцент вовне)» (Интернационализация... 2013).

Отличительной чертой данного подхода является фактическое устранение государства из этих процессов. По сути, государство переложило ответственность на осуществление международных связей на

вузы взамен на некоторое финансирование (которое имеет тенденцию к сокращению) с требованием выполнения количественных показателей по интернационализации. Однако при этом вузы не получили большую автономию, сектор высшего образования остался высокоцентрализованным и зарегулированным. Кроме того, российские вузы испытывают хроническое недофинансирование, за исключением нескольких крупных вузов Москвы и Санкт-Петербурга, а значит, свободных средств на реализацию крупных программ по обмену студентами и привлечению талантливой зарубежной молодежи за счет своих стипендий у российских вузов нет. Одним из важнейших следствий такого положения вещей является отсутствие долгосрочной перспективы и видения развития международных связей, причем как со стороны вузов, так и со стороны государства. Это приводит, как видится, к трем важным последствиям:

- 1) нехватка финансирования для осуществления масштабных программ интернационализации;
- 2) отсутствие системной поддержки международной деятельности вузов на уровне межгосударственных отношений;
- 3) снижение мотивации вузов к качественным преобразованиям образовательных программ и стандартов.

Современные российско-индийские отношения в области образования

Согласно статистике, численность индийцев, обучавшихся в российских вузах в 2005/06–2013/14 академических годах, колеблется в рамках 4 000–5 000 чел. в год, 98% обучаются на платной основе, свыше 80% получают образование в медицинских вузах. В 2014/15 академическом году государство выделило 42 стипендии (квоты) для обучения индийских граждан в российских вузах за счет средств федерального бюджета. По факту для обучения по этим квотам были приняты 25 человек. В 2015/16 учебном году было выделено 25 квот, несмотря на то что Индия запросила 113 квот. Численность иностранных граждан, обучавшихся на курсах русского языка при Российских центрах науки и культуры и представительствах Россотрудничества, в Индии увеличилась с 748 чел. в 2008 до 1 113 чел. в 2015 г. (Экспорт российских... 2016). Для стран, состоящих в стратегическом партнерстве, эти цифры более чем скромные. Анализ межправительственных документов показывает также, что сфера образовательного сотрудничества занимает маргинальное положение в межгосударственных связях России и Индии. После распада СССР между Россией и Индией было заключено большое количество соглашений и подписано меморандумов о развитии двустороннего сотрудничества в области обороны, культуры, ядер-

ной энергетики, научно-техно-логического сотрудничества. Однако в большинстве документов образование рассматривается как часть гуманитарного сотрудничества с довольно расплывчатой формулировкой намерений его укрепления. Документам, посвященным именно вопросам образования, действующим *де факто*, является, пожалуй, лишь Соглашение между Российской госкомиссией по высшему образованию и Департаментом образования Министерства развития человеческих ресурсов Индии об обучении индийских граждан в России с полной компенсацией стоимости образования (1998). Другой документ – подписанная в 2011 г. Программа образовательного обмена, имеет общий декларативный характер заявления о намерениях осуществлять сотрудничество в сфере образования (Educational Exchange... 2011).

Тем временем в правовом поле находится одна из серьезнейших проблем, существенно осложняющих привлечение индийских студентов в российские вузы. Речь идет о вопросе признания эквивалентности дипломов и степеней. В 1987 г. СССР и Индия подписали Протокол о взаимном признании эквивалентности образования. В этом документе достаточно подробно описывается эквивалентность документов об образовании, ученых степеней и дипломов начиная от школьного образования и заканчивая высшим. Юридически данный протокол действителен, и индийские дипломы признаются в РФ. Проблема заключается в том, что с 2006 г. Россия начала переход к болонской системе с введением трехступенчатой системы высшего образования, постепенно уходя от специалитета, который прописан в Протоколе 1987 г. Но эти изменения ни в каких межправительственных соглашениях РФ с Индией не объяснены. Возникла коллизия, когда индийские студенты, получившие образование в России, не могут пройти процедуру нострификации диплома и степени в Индии. Россия уже несколько лет пытается согласовать этот вопрос с Индией, но пока безуспешно. Все осложняется тем, что вопросами признания эквивалентности дипломов и степеней в Индии занимается не одно министерство, а несколько организаций, таких, например, как Ассоциация университетов Индии, Всеиндийский совет по техническому образованию.

Примером, иллюстрирующим важность признания российского образования в Индии, является ситуация с медицинским образованием. Как указывалось выше, подавляющее большинство индийских студентов обучаются в медицинских вузах России, причем не только в столичных, но и в вузах Казани, Твери, Оренбурга, Воронежа и ряда других городов. Толчком к этому послужило введение скрининг-теста, закон о котором был принят в Индии в 2002 г. Согласно этому документу все индийские граждане, получившие медицинскую квалификацию в медицинских образовательных учреждениях за пределами Индии, могут зарегистрироваться в Медицинском совете Индии (что означает по-

лучить возможность медицинской практики в Индии) после сдачи скрининг-теста (Screening Test Regulation 2002). Кроме того, зарубежные медицинские вузы должны быть в списках Всемирной организации здравоохранения и внесены в реестр признанных вузов Медицинского совета Индии (МСИ). Именно присутствие российских медицинских вузов в реестре МСИ обеспечило их популярность среди индийских студентов. Первые медицинские вузы были внесены в этот реестр в 1946 г. (Мединститут им. Сеченова), внесение некоторых других медицинских вузов произошло в результате инициативы и активной деятельности индийской организации, занимающейся рекрутингом индийских студентов для российских вузов. Практически каждое образовательное направление (например, техническое, инженерное, педагогическое) имеет подобные тонкости в признании степеней и дипломов. Выяснение возможностей в каждом из этих направлений и использование их для обеспечения признания требует серьезной экспертизы и тесной межведомственной работы в рамках совместной рабочей группы по вопросу образования, которая так и не была создана, как это предписывалось в Программе образовательного обмена (2011).

В 2015 г. автором был проведен опрос индийских абитуриентов³, который выявил три основные причины того, почему индийцы не выбирают Россию для получения высшего образования:

1. Небольшое количество предлагаемых программ бакалавриата на английском языке. Необходимость изучения русского языка в течение дополнительного года является существенным минусом при выборе вуза обучения. Российские вузы, предлагающие образовательные программы на английском языке, привлекают до 1 000 индийских студентов ежегодно (это, например, Казанский и Тверской государственные медицинские университеты).

2. Отсутствие четкого понимания результата обучения (особенно в случае немедицинского образования). В индийской образовательной системе есть курсы / программы с получением диплома или степени. В российской системе высшего образования такой градации нет.

3. Проблема трудоустройства. Как правило, желающих учиться за рубежом можно разделить на две категории. Тех, кто после обучения хочет остаться работать в стране обучения, и тех, кто планирует работать вне страны обучения. Получить работу иностранцам в России довольно проблематично, рынок насыщен своими кадрами, существуют сложные процедуры по получению разрешения на работу. В Индии же российское образование не признается. Возможность получить работу после окончания вуза в стране обучения оказывает большое влияние на выбор страны обучения. Это хорошо видно на примере числа индийских студентов, отправляющихся на учебу в Великобританию: оно упало почти вдвое в период с 2010 по 2013 г. в связи с изменениями в ви-

зовом регулировании, которые делали затруднительным трудоустройство выпускников не-европейцев в Великобритании после окончания обучения (Sellgren 2014; Sugden 2015).

Если преподавание на английском языке – это уже решаемая проблема в вузах России, то вторая и третья относятся к компетенции государства и пока далеки от разрешения.

Еще одной попыткой стимулировать активность вузов в развитии сотрудничества с Индией стало инициирование Министерством образования и науки РФ создания Ассоциации российско-индийских вузов. Декларацию о ее создании подписали 21 российский вуз и 9 ведущих индийских вузов (в основном индийские технологические вузы) 8 мая 2015 г. в Москве. Основной целью Ассоциации является «объединение усилий ведущих университетов России и Индии в интересах кадрового, научного и технологического обеспечения развития национальных экономик, основанных на знаниях» (Декларация 2015). Декларируемая цель, по сути – государственного уровня, тем не менее, не подкреплена ни финансовыми, ни административными ресурсами, и ее достижение возложено на сами вузы. Более того, Ассоциация не формализована и вузы-участники не несут никаких обязательств по ее деятельности. В этих условиях не удивительна низкая активность членов Ассоциации в инициировании новых программ и проектов в рамках данного образования.

Заключение

В отношениях с Индией Россия продолжает придерживаться советской модели «старшего брата», ставя геополитические интересы на первый план и ожидая дивидендов от прошлых десятилетий стратегического партнерства во всех областях, включая образование и науку. Индия же из «младшего брата» превратилась в мощную и быстро растущую державу, которая имеет довольно диверсифицированные пути решения своих проблем за счет сотрудничества с наиболее активными и заинтересованными в сотрудничестве странами. Индия выбрала коллаборативный подход к интернационализации высшего образования, что означает нацеленность на долгосрочное сотрудничество и выработку крупномасштабных программ взаимодействия на межгосударственном уровне.

Индия – привлекательная страна-донор студентов для других крупных игроков на международном образовательном рынке, которые вкладывают значительные средства в расширение научно-образовательного сотрудничества, используют многочисленные стипендиальные программы для привлечения индийских студентов. Россия, в силу специфики системы высшего образования и ее управления, не может следо-

вать конкурирующему подходу, причем не только в отношении Индии, но и в политике интернационализации в целом. Наиболее эффективной для России видится стратегия сотрудничества с другими странами в целях разделения рисков и повышения общей конкурентоспособности, особенно в отношении Индии. Предоставлять индийским студентам высшее образование по демпинговым ценам недостаточно. Необходимо, как представляется, выработка и реализация совместных комплексных программ, нацеленных на усиление образовательного сотрудничества и выведение его на новый уровень, причем выработка таких программ, скорее всего, должна осуществляться на межгосударственном уровне, а не на межинституциональном.

«Возвращение» государства в сферу международного образовательного сотрудничества позволило бы обеспечить благоприятную среду для российско-индийского образовательного сотрудничества через создание межгосударственной платформы для диалога по вопросам субсидирования образовательных обменов между российскими и индийскими вузами, привлечения крупных промышленных партнеров, признания дипломов и степеней и определения взаимовыгодных направлений сотрудничества в области образования, не только высшего, но и профессионального.

Подобный подход даст стратегическое видение развития российско-индийских образовательных связей, что избавит от недостатков политики «быстрых побед», осуществляемой государством в настоящее время. Первым шагом в этом направлении может стать серьезная экспертная работа для изучения современной образовательной системы Индии и возможностей сотрудничества с учетом потребностей и возможностей обеих стран.

Примечания

¹ STEM – общепринятый термин, обозначающий науку (science), технологии (technology), инжиниринг (engineering) и математику (mathematics).

² Среднее ежегодное количество публикаций в течение пятилетнего интервала, данные за 2014–2015 гг.

³ Опрос проводился среди индийских абитуриентов и их родителей в городах Дели, Мадрас, Тривандрум, Мадурай, Мумбаи в 2015 г. Количество опрошенных: 892 чел.

Литература

- Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе / Под ред. К. Пурсайнена и С.А. Медведева. М.: РЕЦЭП, 2005. 199 с.
- Голубев В.К., Горчаков Г.Е., Мышелов В.П., Хомяков А.М. Уроки прошлого в современном ракурсе // Высшее образование в России. 1994. № 4. С. 90.
- Декларация о создании Ассоциации университетов Российской Федерации и Республики Индия. 2015. 8 мая.

- Интернационализация высшего образования: вызовы и реалии* // Аккредитация в образовании: электрон. журн. 23.08.2013. URL: http://www.akvobr.ru/internacionalizacia_vysshego_obrazovania.html (дата обращения: 02.05.2016).
- Интернационализация российских вузов: китайский вектор* / Н.Е. Боровская (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. 72 с.
- Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях 2002 года*. Документ запрошен в системе «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/1591642/> (дата обращения: 02.05.2016).
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года*, принята в 2008 году. Документ запрошен в системе «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 02.05.2016).
- «Мягкий путь»* вхождения российских вузов в Болонский процесс / Под ред. А.Ю. Мельвил. М.: Олма-Пресс, 2005. 351 с.
- Образование в цифрах: 2014: краткий стат. сб.* М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2014. 80 с.
- Рейтинг вузов России – 2015*. RAEX (Эксперт РА). URL: http://www.raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_2015/ (дата обращения: 02.05.2016).
- РСМД (Российский совет по международным делам) // Тезисы о российско-индийских отношениях. Рабочая тетрадь. 2013. № 11. 24 с.
- Состояние и перспективы экспорта российского образования* / А.Л. Арефьев. М.: РУДН, 2010. 109 с.
- Тотавар В. Русистика в Индии // Вестник НовГУ. 2007. № 43. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rusistika-v-indii> (дата обращения: 02.05.2016).
- Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2013. № 4(25).
- Устюжанцева О.В. Дискуссии по правовым основам интернационализации высшего образования в Индии // Мировой опыт инновационной политики: очерки / Под ред. С.В. Вольфсона. Томск: Том. гос. ун-т, 2013. Вып. 2. С. 134–153.
- Формирование общеевропейского пространства высшего образования. Задачи для российской высшей школы* / Под ред. М.В. Ларионова и др.; Министерство образования и науки Российской Федерации, Гос. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 524 с.
- Шереги А.Ф., Дмитриев А.Л., Арефьев А.Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). М., 2002. 110 с.
- Экспорт российских образовательных услуг: Стат. сб.* / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Социоцентр, 2016. Вып. 640. 8 с.
- An Approach to the Twelfth Five Year Plan (2012–17). Faster, Sustainable and More Inclusive Growth*. Government of India Planning Commission, October, 2011. URL: http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/12appdrft/approach_12plan.pdf (дата обращения: 02.05.2016).
- Educational Statistics at a Glance*. Handbook of Government of India, Ministry of Human Resource Development, Bureau of Planning, Monitoring and Statistics. New Delhi, 2014.
- Educational Exchange Programme between the Ministry of Human Resource Development of the Republic of India and the Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. December 16, 2011.
- Gnanam A. Private Higher Education in the Current Indian Context // Asha Gupta, Daniel C. Levy and K.B. Powar (eds). Private Higher Education Global Trends and Indian Perspectives. New Delhi: Shipra Publications, 2008. P. 104–114.

- Guri-Rosenblit S.* Internationalization of Higher Education: Navigating Between Contrasting Trends. Chapter // *The European Higher Education Area. Between Critical Reflections and Future Policies* / A. Curaj, L. Matei, R. Pricopie, J. Salmi, P. Scott (eds). New York; Dordrecht; London: Springer Cham Heidelberg, 2013. P. 13–27.
- Jaggi O.* History of Science, Philosophy and Culture in Indian Civilization. Oxford University Press, 2011.
- Kumar B.* Cabinet nod not needed for foreign collaborations by IITs, IIMs // *Hindustan Times*. New Delhi, 2015. July 16.
- Luchinskaya D.* Russia: Modernising the higher education system // *University World News*. 2011. No. 192. 9 October. URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20111007130249809> (дата обращения: 02.05.2016).
- Obama-Singh* 21st Century Knowledge Initiative Announces First Round of Awards, Media Note, Office of the Spokesperson, Washington, DC. 2012. Jun. 12.
- Open Doors Report on International Educational Exchange* “Fields of Study of Students from Selected Places of Origin, 2013/14”. Institute of International Education. 2014. URL: <http://www.iie.org/opendoors> (дата обращения: 02.05.2016).
- Peterson P.M.* Diplomacy and education: A changing global landscape // *International Higher Education*. 2014. No. 75. P. 2–3.
- Shimmi Y., Stanfield D.* Indian Bilateral Higher Education Development Initiatives // *International Briefs for Higher Education Leaders*. 2013. No. 3. URL: <https://www.acenet.edu/news-room/Documents/International-Briefs-2013-April-India.pdf> (дата обращения: 02.05.2016).
- Sugden J.* New U.K. Student Visa Charges for Indians: What to Know // *The Wall Street Journal*. 2015. March 20. URL: <http://blogs.wsj.com/indiaarealtime/2015/03/20/new-u-k-student-visa-charges-for-indians-what-to-know/> (дата обращения: 02.05.2016).
- Sellgren K.* Decline of overseas students at England's universities // *BBC News*. URL: <http://www.bbc.com/news/education-26836962> (дата обращения: 02.05.2016).
- Screening Test Regulation*, 2002. Medical Council of India, Dwarka, New Delhi. URL: <http://studymbbsinrussia.co.in/wp-content/uploads/2016/06/Screen-Test-Regulations.pdf> (дата обращения: 02.05.2016).
- UKIERI: Enhancing Excellence, Partnering Progress*. Information booklet. UKIERI 2014. URL: http://www.ukieri.org/images/pdf/UKIERI_information_booklet.pdf
- UKIERI Program Background*, official web-site. URL: <http://www.ukieri.org/program-background.html> (дата обращения: 02.05.2016).
- UKIERI Trilateral Research in Partnership*, British Council Web-site, 2016. URL: <http://www.britishcouncil.us/programmes/education/past-programs/UKIERI> (дата обращения: 02.05.2016).
- USIEF, United States-India Educational Foundation*. U.S.-India Institutional Partnership Grants. 2016. URL: <http://www.usief.org.in/Institutional-Collaboration/Obama-Singh-21st-Century-Knowledge-Initiative-Awards.aspx> (дата обращения: 02.05.2016).
- U.S. Department of Commerce*. ITA Education Top Markets Report. Education. Country Case Study. India. 2016. URL: http://trade.gov/topmarkets/pdf/Education_India.pdf (дата обращения: 02.05.2016).
- Van der Wende M.* Internationalisation Policies: About New Trends and Contrasting Paradigms // *Higher Education Policy*. 2001. No. 14 (3). P. 249–259.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2016 г.

Ustyuzhantseva Olga V.

COOPERATION IN EDUCATION BETWEEN RUSSIA AND INDIA*

Abstract. Despite the long history of Russia–India relations established after the formation of independent India, the current state of cooperation in education between the two states cannot

compete with countries such as the USA or the UK. The academic discourse around the Russian-Indian ties does not cover educational cooperation, which indicates a clear gap in the understanding of processes in this sphere between Russia and India, and within these countries. This study aims to fill this gap by giving a primary overview of existing processes in Russian and Indian education systems in the context of internationalization, to encompass the problems in the development of Russian-Indian educational relations and identify ways to address them. The research question lies in two main dimensions: that of international relations and of the policy of internationalization of higher education in both Russia and India. This determines this article's methodological framework. One of the main research findings is the identification of incoherence of the internationalisation policy of Russia and India. To change this, Russian-Indian educational cooperation should shift from inter-institutional to inter-state level. In Russia, the state must return to the field of international educational cooperation. It should provide subsidies for educational exchanges between Russian and Indian higher education institutions, involve major industrial partners, and use the full range of administrative and diplomatic resources to expand educational cooperation. In a sense, it requires the capitalization of the historically good relations between Russia and India, rather than exploitation. The first step in this direction should be serious expert work on the study of modern Indian education system and of opportunities for cooperation, taking into account the needs and capabilities of both countries.

Keywords: India, Russia, education, internationalisation

DOI: 10.17223/2312461X/13/3

*The research is conducted within the project # 2059 (under a state order): 'The study of Russia's historical and cultural heritage (Siberian aspect)'

References

- Bolonskiy protsess i yego znachenie dlya Rossii. Integratsiya vysshego obrazovaniya v Yevrope* [The Bologna process and its implications for Russia. Integration of higher education in Europe]. Eds K. Pursiainen and S. Medvedev. Moscow: RETSEP, 2005. 199 p.
- Golubev V.K., Gorchakov G.Ye., Myshelov V.P., Khomyakov A.M. Uroki proshlogo v sovremennom rakurse [Lessons from the past from a modern perspective] // *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 1994, no. 4, p. 90.
- Deklaratsiya o sozdanii Assotsiatsii universitetov Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Indiya* [Declaration on the establishment of the Association of Universities of the Russian Federation and the Republic of India]. 2015. 8 May.
- Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya: vyzovy i realii [Internationalization of higher education: challenges and realities] // *Elektronnyy zhurnal Akkreditatsiya v obrazovanii*, 23.08.2013. Available at: http://www.akvobr.ru/internacionalizacia_vysshego_obrazovania.html (Accessed 02.05.2016).
- Internatsionalizatsiya rossiyskikh vuzov: kitayskiy vektor* [The internationalization of Russian universities: the Chinese vector], ed. by I. Ivanov, Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). Moscow: Spetskniga, 2013. 72 p.
- Kontseptsiya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti podgotovki natsional'nykh kadrov dlya zarubezhnykh stran v rossiyskikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh 2002 goda* [The concept of the Russian Federation's state policy on the training of national personnel for foreign countries at Russian educational institutions, 2002]. «Garant» System. Available at: <http://base.garant.ru/1591642/> (Accessed 02.05.2016).
- Kontseptsiya dolgosrochnnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda, prinyata v 2008 godu* [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020, adopted in 2008].

- «Konsultant» System. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (Accessed 02.05.2016).
- «Myagkiy put'» vkhozheniya rossiyskikh VUZov v Bolonskiy protsess [The 'soft path' of Russian universities entering the Bologna process]. Ed. by Melvil. Moscow: Olma-Press, 2005. 351 p.
- Obrazovaniye v tsifrakh: 2014: kratkiy statisticheskiy sbornik [Education in figures: 2014: a brief statistical collection]. Moscow: Natsional Research University "Higher School of Economics", 2014. 80 p.
- Reyting vuzov Rossii – 2015 [Russian universities rankings - 2015]. RAEX (Ekspert RA). Available at: http://www.raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_2015/ (Accessed 02.05.2016).
- Tezisy o rossiysko-indiyskikh otnosheniyakh [Abstracts on the Russian-Indian relations]. Rabochaya tetrad', 2013, no. 11, RSMD (Rossiyskiy Sovet po Mezhdunarodnym Delam). 24 p.
- Sostoyaniye i perspektivy eksporta rossiyskogo obrazovaniya [The state of and prospects for Russian education export], ed. by Arefyev A.L. Moscow: RUDN, 2010. 109 p.
- Totavar V. Rusistika v Indii [Russian Studies in India] // *Vestnik NovGU*, 2007, no. 43. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/rusistika-v-indii> (Accessed 02.05.2016).
- Torkunov A.V. Obrazovaniye kak instrument «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii [Education as a tool of "soft power" of Russian foreign policy] // *Vestnik MGIMO*, 2013, no. 4 (25).
- Ustyuzhantseva O.V. Disukussii po pravovym osnovam internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya v Indii [Discussions over the legal bases of the internationalization of higher education in India] // *Mirovoy opyt innovatsionnoy politiki: ocherki* [The world experience in innovation policy: essays]. Ed. by S.V. Volfson. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 2013, Vol. 2, pp. 134–153.
- Formirovaniye obshcheyevropeyskogo prostranstva vysshego obrazovaniya. Zadachi dlya rossiyskoy vysshey shkoly [The formation of the European Higher Education Area. Tasks for Russian higher education]. Ed. by M.V. Larionov. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii, Gos. Un-Vyssshaya shkola ekonomiki. Moscow: Izdatel'skiy dom GU VSHE, 2004. 524 p.
- Sheregi A.F., Dmitriyev A.L., Arefyev A.L. Nauchno-pedagogicheskiy potentsial i eksport obrazovatel'nykh uslug rossiyskikh vuzov (sotsiologicheskiy analiz) [The scientific and pedagogical potential and export of Russian universities' educational services (a sociological analysis)]. Moscow, 2002. 110 p.
- Eksport rossiyskikh obrazovatel'nykh uslug: Statisticheskiy sbornik. Vypusk 6 [Export of Russian educational services: a statistical yearbook. Issue 6], Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii. Moscow: Sotsiotsentr, 2016. 408 p.
- An Approach to the Twelfth Five Year Plan (2012–17). Faster, Sustainable and More Inclusive Growth. Government of India Planning Commission, October, 2011. Available at: http://planningcommission.nic.in/plans/planrel/12appdrft/approach_12plan.pdf (Accessed 02.05.2016).
- Educational Statistics at a Glance. Handbook of Government of India, Ministry of Human Resource Development, Bureau of Planning, Monitoring and Statistics. New Delhi, 2014.
- Educational Exchange Programme between the Ministry of Human Resource Development of the Republic of India and the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. 2011. December 16.
- Gnanam A. Private Higher Education in the Current Indian Context, *Asha Gupta, Daniel C. Levy and K. B. Powar (eds), Private Higher Education Global Trends and Indian Perspectives*. New Delhi: Shipra Publications, 2008, pp. 104–114.
- Guri-Rosenblit S. Internationalization of Higher Education: Navigating Between Contrasting Trends, *The European Higher Education Area. Between Critical Reflections and Future Policies*. Eds Curaj A., Matei L., Pricopie R., Salmi J., Scott P. Springer Cham Heidelberg New York Dordrecht London. 2013, pp. 13–27.

- Jaggi O. *History of Science, Philosophy and Culture in Indian Civilization*. Oxford University Press, 2011.
- Kumar B. Cabinet nod not needed for foreign collaborations by IITs, IIMs, *Hindustan Times*, New Delhi, 2015, July 16.
- Luchinskaya D. Russia: Modernising the higher education system, *University World News*, Issue no. 192, 09 October 2011. Available at: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20111007130249809> (Accessed 02.05.2016).
- Obama-Singh *21st Century Knowledge Initiative Announces First Round of Awards*, *Media Note, Office of the Spokesperson*. Washington, DC. 2012. June 12.
- Open Doors Report on International Educational Exchange* "Fields of Study of Students from Selected Places of Origin, 2013/14." Institute of International Education. 2014. Available at: <http://www.iie.org/opendoors> (Accessed 02.05.2016).
- Peterson P.M. Diplomacy and education: A changing global landscape, *International Higher Education*, 2014, no. 75, pp. 2–3.
- Shimmi Y. and Stanfield D. Indian Bilateral Higher Education Development Initiatives, *International Briefs for Higher Education Leaders*, 2013, no. 3. Available at: <https://www.acenet.edu/news-room/Documents/International-Briefs-2013-April-India.pdf> (Accessed 02.05.2016).
- Sugden J. New U.K. Student Visa Charges for Indians: What to Know, *The Wall Street Journal*, 2015, March 20. Available at: <http://blogs.wsj.com/indiarealtime/2015/03/20/new-u-k-student-visa-charges-for-indians-what-to-know/> (Accessed 02.05.2016).
- Sellgren K. Decline of overseas students at England's universities, *BBC News*. Available at: <http://www.bbc.com/news/education-26836962> (Accessed 02.05.2016).
- Screening Test Regulation, 2002, Medical Council of India, Dwarka, New Delhi*. Available at: <http://studymbbsinrussia.co.in/wp-content/uploads/2016/06/Screen-Test-Regulations.pdf> (Accessed 02.05.2016).
- UKIERI: *Enhancing Excellence, Partnering Progress*. Information booklet. UKIERI 2014. Available at: http://www.ukieri.org/images/pdf/UKIERI_information_book-let.pdf (Accessed 02.05.2016).
- UKIERI Program Background, official web-site*. Available at: <http://www.ukieri.org/program-background.html> (Accessed 02.05.2016).
- UKIERI Trilateral Research in Partnership*, British Council Web-site, 2016. Available at: <http://www.britishcouncil.us/programmes/education/past-programs/UKIERI> (Accessed 02.05.2016).
- USIEF, United States-India Educational Foundation*. U.S.-India Institutional Partnership Grants. 2016. Available at: <http://www.usief.org.in/Institutional-Collaboration/Obama-Singh-21st-Century-Knowledge-Initiative-Awards.aspx> (Accessed 02.05.2016).
- U.S. Department of Commerce*. ITA Education Top Markets Report. Education. Country Case Study. India. 2016. Available at: http://trade.gov/topmarkets/pdf/Education_India.pdf (Accessed 02.05.2016).
- Van der Wende M. Internationalisation Policies: About New Trends and Contrasting Paradigms, *Higher Education Policy*, 2001, no. 14 (3), pp. 249–259.

РОССИЯ – США: ДВА БЕРЕГА

УДК 327 (470:73)

DOI: 10.17223/2312461X/13/4

АЛЯСКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

Андрей Знаменский

Аннотация. Автор исследует сюжеты, связанные с историей Русской Америки и ее последующей продажей США, как они представлены в российской популярной исторической беллетристике, и открывает окно в мир воображаемой истории и географии, конструируемых современными российскими публикациями имперско-националистической направленности. Предпринимается попытка выявить источник интереса к теме российского присутствия в Северной Америке, анализируется содержание основной массы книг и статей, которые формируют представления российского общества об Аляске. Статья демонстрирует, что эмоционально-политические всплески вокруг такой маргинальной и малопонятной темы, как Русская Америка, берут свое начало в самой природе нынешнего русского национализма, все еще крепко связанного с идеей империи. Несмотря на то что часть русских националистов сегодня активно выступает с резкой критикой геополитических амбиций политического руководства страны и своих проимперских настроенных коллег, историческая ностальгия по Российской и советской империи остается все еще сильной в современной политической жизни страны. Кроме того, пристальное внимание к истории российского присутствия на северо-западе североамериканского континента, по сравнению с такими сюжетами, как, скажем, экспансия России в Центральную Азию и на Дальний Восток в XIX в., очевидно, указывает на то, насколько значимую роль антиамериканизм играет в развитии современного русского национализма.

Ключевые слова: Русская Америка (Аляска), продажа Аляски, империя, русский национализм, Россия, США

Аляска обречена оставаться в российско-американских отношениях как единица сравнения, своего рода политико-литературный троп – стилистический оборот, в котором произошел семантический сдвиг слова от прямого значения к переносному.

Писатель Владимир Рокот (Рокот 2007: 341)

18 октября 1867 г. сибирский линейный батальон и отряд солдат из девятой американской пехотной дивизии встретились на центральной площади Ново-Архангельска, столицы Русской Америки (рис. 1), чтобы принять участие в официальной церемонии спуска государственного флага России и подъема звездно-полосатого флага США. Церемония

знаменовала окончательную передачу этой территории Россией в пользу Соединенных Штатов за 7,2 миллиона американских долларов. В 16:00 капитан Алексей Пещуров отдает приказ спустить российский триколор. Вслед за этим представитель правительства США, генерал Лавель Руссо приказывает поднять американский флаг. Так завершилось непродолжительное семидесятилетнее присутствие Российской империи на северо-западе Северной Америки (рис. 2) (Black 2004: 286–287).

Рис. 1. Ново-Архангельск, столица Русской Америки (Wumpser 1869: 590)

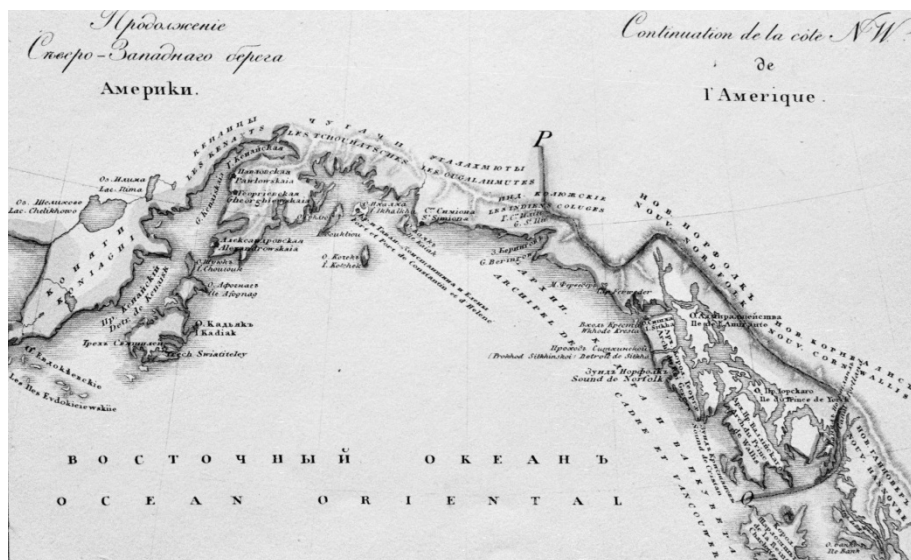

Рис. 2. Карта российских владений на северо-западном берегу Северной Америки (Пядышев 1823)

Руководствуясь краткосрочными внешнеполитическими и внутриполитическими интересами, Александр II и узкий круг его приближенных приняли решение избавиться от своего заморского владения, составлявшего 6% всей территории империи. Едва ли зная о самом существовании Русской Америки, мало кто из российских жителей тогда обратил внимание на это событие. За исключением держателей акций Российско-американской компании (РАК), чьи финансовые интересы пострадали вследствие этого неожиданного решения императора, мало кто также огорчился по поводу продажи Аляски.

В наше время в средствах массовой информации и популярной исторической беллетристике сюжеты, связанные с историей Русской Америки и ее последующей продажей США, встречаются часто, особенно в последние пятнадцать лет.

Цель данной статьи – во-первых, обозначить источник такого пристального внимания к теме российского присутствия в Северной Америке; во-вторых, проанализировать содержание той основной массы книг и статей, которые формируют представления российского общества об Аляске. Главный мой тезис заключается в том, что эмоционально-политические всплески вокруг такой маргинальной и малопонятной темы, как Русская Америка, берут свое начало в самой природе нынешнего русского национализма, который испытывает серьезную психологическую ломку, с трудом освобождаясь от имперской идеи.

Несмотря на то что часть русских националистов сегодня активно выступает с резкой критикой геополитических амбиций политического руководства страны и своих проимперски настроенных коллег, историческая ностальгия по Российской и советской империи остается все еще сильной в современной политической жизни страны. В значительной степени эта имперская идея мутировала в концепцию евразийства, которая ныне превратилась в неофициальную идеологию российской элиты и доминирует в образовательном и медийном мейнстриме. Аляска может служить примером того, как эта имперская риторика «осваивает» и преподносит в качестве «наших» те территории, которые никогда прежде не считались русскими этническими землями.

Нельзя также забывать о том, что пристальное внимание к истории российского присутствия на северо-западе североамериканского континента, по сравнению, скажем, с такими сюжетами, как экспансия России в Центральную Азию и на Дальний Восток в XIX в., очевидно, указывает на то, насколько значимую роль антиамериканизм играет в развитии современного русского национализма¹. Хотя в последнее время вышел ряд обстоятельных работ, исследующих различные сюжеты из истории Русской Америки (Болховитинов 1997–1999; Black 2004; Виньковецкий 2015), до сих пор Аляска как геополитическая и историческая метафора на службе российской патриотической рито-

рики не рассматривалась. Данная статья имеет целью восполнить этот пробел.

Шутка, воспринятая всерьез

Я впервые обратил внимание на Аляску как геополитическую мифологию после того, как увидел, какую острую реакцию в России вызвал фельетон под названием «Аляска чувствовала бы себя как дома в России», написанный Стивеном Перлстайном для популярной в доинтернетовскую эпоху газеты «Вашингтон пост». Подшучивая над текущим экономическим состоянием Аляски, в значительной мере существующей за счет федеральных субсидий, а также над кумовством ее политиков, автор с иронией заметил, что с такой «корпоративной» культурой Аляска вполне чувствовала бы себя как дома в современной России (Washington Post 2005: Nov. 25).

Удивительно, но эта публикация всколыхнула российские патриотически настроенные СМИ. И хотя данный юмористический текст предназначался для американской аудитории, писатель Рокот отмечает, что идея, высказанная в нем, нашла отклик у части читающей российской публики: «Идея возвращения была запущена в массы и обрела независимую от контекста судьбу» (Рокот 2007: 344). Уместно в этой связи также вспомнить вопрос, заданный президенту Путину в эфире «Прямой линии» в 2014 г. и касавшийся того, когда же Россия наконец поставит перед США вопрос о возвращении Аляски (АиФ 2014: 17 апр.). Ряд авторов очень серьезно восприняли ироничное предложение Перлстайна вернуть Аляску «домой», в Россию. Александр Дугин, видный поборник идеи евразийства, подчеркнул: «Шутка? А мы не поняли, что это шутка. Мы хотим Аляску. Давайте договоримся» (Россия 2005). Другие оскорбились этой публикацией, усмотрев в ней моральное покушение на Россию со стороны «беспринципных янки» с целью высмеять слабые стороны страны: «Отвратительные американские газетные шутки. Над чем нам смеяться? Над собственными неудачами? Больше похоже на истерику, на агонию умирающего. Кто еще выиграл от публикации Перлстайна, помимо самолюбия американской нации и демократических русофобских кругов, получивших дельный повод для очередных издевательств над последствиями “извечной русской дремучести, отсталости”?» (Русский журнал 2005: 15 дек.).

Несмотря на многообразие взглядов, большинство патриотически настроенных авторов единодушны в своей скорби по поводу утраты этого большого участка земли, который, что они неустанно подчеркивают, мог бы обеспечить России отличную геостратегическую позицию на североамериканском континенте. Одержимые страхом перед лицом последствий неблагоприятной демографической ситуации в Россий-

ской Федерации и маячащей угрозы потерять другие территории, многие из этих авторов проводят исторические аналогии между продажей Аляски в 1867 г. и нынешними геополитическими страхами по поводу западных и восточных соседей России (Русский журнал 2005: 15 дек.; Комсомольская правда 2016: 30 марта).

Например, журналист Сергей Пыхтин убежден, что история продажи Аляски есть серьезный исторический урок, значение которого актуально и по сей день. Вспоминая историю разграничения российских и американских позиций в регионе Берингова моря в 1990 г., которое он считает предательством российских интересов, Пыхтин проводит параллели между этой недавней «изменой» и «изменой» 1867 г., являющейся, по его мнению, примером антипатриотического падения, открывшего путь для будущих территориальных уступок: «И если неизвестно или известно недостаточно, как были утрачены американские владения России, если массовое сознание относилось прежде и относится теперь к этому историческому факту безразлично, то разве не может с таким же точно чувством отнестись оно и к повторению подобных уступок» (Пыхтин 2005)².

Сам факт того, что с такой легкостью часть Российской империи была продана другому государству, неизбежно подпитывает уязвленные патриотические чувства. Особенно скандально, с точки зрения сегодняшних патриотов, то, что страной, которая приобрела эту землю, являются Соединенные Штаты Америки. Как известно, для многих националистов и традиционалистов в России и за ее пределами Америка служит олицетворением сатанинских наднациональных финансовых и политических сил, стремящихся оторвать нации от своей почвы и традиций. Один проимперски настроенный историк Аляски прямо заявляет, что Россия представляет собой носительницу вечных сил «добра», а США являются воплощением сил «тьмы» (Кремлёв 2005: 5).

Сегодня, в связи с усилением антиамериканских настроений в России, Аляска и история ее продажи США являют собой прекрасное поле для риторических упражнений писателей и журналистов, которые обозначают себя как патриотов. В их уязвленном воображении сделка 1867 г. по Аляске, которая на самом деле была инициирована самим царским двором и которую с трудом удалось пробить через американский Конгресс, легко превращается в категорию заговора проамериканских сил, желавших отчуждения от России ее наиболее значимого геополитического куска. Рассматриваемая мною в данной работе литература не столько освещает историю российского присутствия в Северной Америке, сколько открывает окно в мир воображаемой истории и географии, конструируемых современными российскими публикациями имперско-националистической направленности.

Кто главные авторы, занимающиеся темой Русской Америки, и кто представлен здесь? Среди них писатель Александр Кердан – бывший офи-

цер, работавший в армейской прессе Советского Союза. После выхода на пенсию в период перестройки он стал несгибаемым приверженцем русского православия. Как известно, подобная трансформация была достаточно частым и закономерным явлением для многих выходцев из советского идеологического и военного аппарата. Желая как-то подстегнуть российский патриотизм, он стал писать героические романы о русских исследователях Аляски и советском присутствии в Афганистане. Другой автор – Сергей Кремлёв – инженер, работавший в советском военно-промышленном комплексе. После непродолжительного сотрудничества в советском журнале для малышей под названием «Мурзилка» (Медвежонок), он сменил свой имидж, став плодовитым патриотическим писателем. Кремлев – автор большого исторического произведения «Русская Америка: открыть и продать» (2005), которое он преподносит как взгляд на историю Аляски, изложенную «с русской точки зрения» (рис. 3).

Рис. 3. Обложка книги публициста Сергея Кремлёва «Русская Америка: открыть и продать» (Кремлёв 2005), в которой проводится мысль о том, что продажа Аляски – результат жидомасонского заговора

Еще один автор, придерживающийся тех же взглядов, – это вышеупомянутый журналист, ныне покойный, Сергей Пыхтин – активист националистического толка, постоянно публиковавшийся в различных патриотических изданиях.

Среди этих авторов есть и один профессиональный историк – Иван Миронов, получивший степень кандидата наук в Московском педагогическом университете. Миронов также являлся активным членом то умирающей, то вновь воскрешаемой партии «Родина». Он, в частности, стал известен тем, что вместе со своими друзьями участвовал в «ритуальном» сожжении «антироссийской» и «сионистской» литературы в центре Москвы. В то же время, в отличие от прочих патриотических работ по Аляске, книга Миронова «Роковая сделка: как продавали Аляску» (2007) выгодно отличается тем, что в ней широко используются первоисточники, включая архивные документы. Наконец, важно также упомянуть плодовитого сибирского писателя Александра Бушкова, чьи работы продаются практически везде, включая книжные киоски аэропортов и железнодорожных вокзалов (рис. 4).

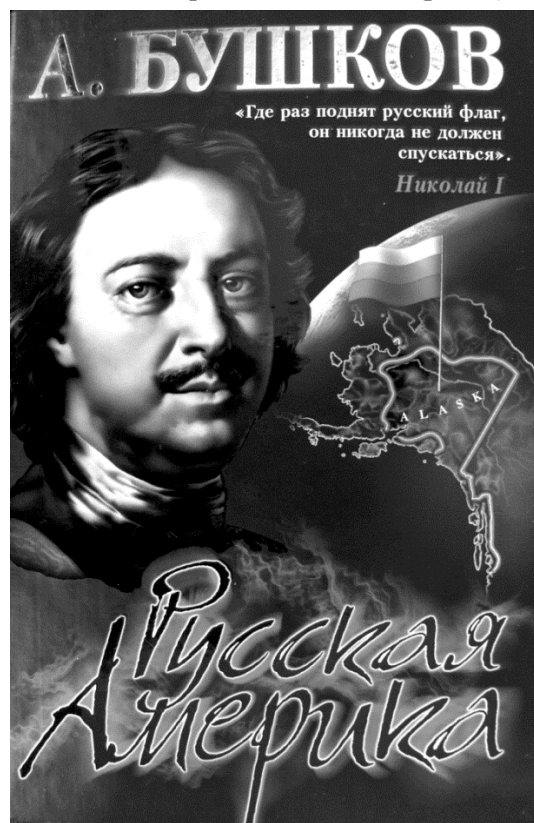

Рис. 4. Писатель Александр Бушков предварил свою книгу о русской Аляске цитатой Николая I

Начав свою карьеру в 1980-е гг. и специализируясь на жанре научной фантастики, он впоследствии стал автором многочисленных популярных биографий и произведений по истории, в которых неизменно апеллирует к настроениям сегодняшнего дня. Очевидно почувствовав с начала нулевых годов, что люди начали тяготеть к патриотической тематике, он выпустил популярную книгу «Русская Америка: слава и позор» (2006), в которой героизировал различные сюжеты из истории Русской Америки и привязал их к нынешним реалиям.

Советские наработки

Многое из того, что написано сегодня по истории Аляски с «русской точки зрения», есть прямое переложение клише и оценок, сформировавшихся в советское время, особенно в 40-е и 50-е гг. XX в., проходивших под знаком борьбы с космополитизмом и «тлетворным» влиянием Запада. До Второй мировой войны продвижение России в Сибирь и на Аляске рассматривалось в советской историографии как процесс колонизации, аналогичный экспансии других европейских держав. Хорошей иллюстрацией этого является монография С.Б. Окуня «Русско-американская компания» (1939). С подъемом русско-советского патриотизма во время и после Второй мировой войны сталинский режим стал все чаще стимулировать ксенофобию, а также пропагандировать окрашенную в социалистические тона героiku Российской империи. Важной частью этого нового тренда стало осуждение американского и английского колониализма и империализма и одновременно обеление российской колониальной экспансии.

С конца 40-х гг. XX в. советская историческая наука начинает подчеркивать «прогрессивную природу» русской колонизации Сибири и Аляски, а также «демократический» классовый состав русских колонизаторов и их дружественные отношения с коренным населением. Русская колонизация отныне предстает как более гуманная и благожелательная, в отличие от колониальной политики западных стран. Вскоре сам термин «колонизация» исчезает из оборота, уступив место нейтральному термину «освоение». Бунты коренного населения Сибири и Аляски против русского продвижения либо не упоминались вовсе, либо объяснялись подрывной деятельностью иностранцев (Гринев 1996: 16–17).

Применительно к истории Аляски шаблон для ее нового прочтения с патриотических позиций был задан в конце 40-х гг. прошлого века двумя авторами: историком-любителем, писателем и поэтом Сергеем Марковым³ и писателем Иваном Краттом. Именно они впервые заговорили о русском присутствии на Аляске в категориях «освоения». Включившись в разворачивавшуюся официальную кампанию против так называемого

космополитизма, направленную на искоренение элементов западной культуры в Советской России, оба писателя также придали своим произведениям антизападный и антиамериканский оттенок.

В самом конце Второй мировой войны в одном из литературных журналов была опубликована работа Кратта «Остров Баранова» (Кратт 1945). Роман повествует о приключениях Александра Баранова (1746–1819), первого главного правителя РАК, и его товарищей. Причем Кратт изображает Баранова не столько как коммерческого директора меховой компании, сколько как строителя империи и стражника русской славы на ее дальних рубежах. В конце романа мы видим, как Баранов с вершины холма осматривает вновь приобретенные владения; в результате успешной победы над враждебными индейцами-глинkitами и злыми английскими и американскими «пиратами» русские прочно утвердились в районе Ситки. Взирая на завоеванные окрестности, Баранов в патриотическом экстазе восклицает: «Россия! Свое, родное!» (Кратт 1989: 124).

Подобные послевоенные патриотические мотивы, связанные с Аляской, можно увидеть в солдатской строевой песне «Запевала» (1951), где есть, в частности, следующие строки:

Наши прадеды бывали за Курильскою грядой –
край суровый обживали, не грозя другим бедой.
На Аляске по Юкону до хребта Скалистых гор
Знали русских поименно, помнят русских до сих пор.

Примечательно, что и книга Маркова «Русские на Аляске» (1946) – первая популярная история Аляски, опубликованная в Советском Союзе после Второй мировой войны (рис. 5), и роман Кратта «Остров Баранова», изданный в том же году в виде книги, вышли в Военном издательстве Министерства вооруженных сил СССР. Помимо этого, книга Маркова была включена в серию «Библиотека офицера ВМФ» (Кратт 1946; Марков 1946). В следующем году Марков издает роман «Юконский ворон». Основанный на подлинных путевых заметках исследователя лейтенанта Лаврентия Загоскина, ставшего первым европейцем, составившим карту бассейна реки Нижний Юкон в 40-х гг. XIX в. (Загоскин 1847–1848), роман преподносит путешественника в качестве скрытого революционера и патриота, критикующего коррумпированных царских бюрократов, не заботящихся о благе Родины. В отличие от них, Загоскин стремится противостоять англо-американским силам, посягающим на российские владения в Северной Америке (Марков 1947)⁴.

В произведении «Последний год» (1961) другой писатель – Михаил Зуев-Ордынец, который, как и Марков, за годы пребывания в сталинском ГУЛАГе познакомился с широкими северными просторами, создал образ Андрея Гагарина – гротескного, карикатурного клона вышеупомянутого Загоскина. В то время как Загоскин Маркова сочувствует революционерам, Гагарин уже предстает как член подпольной группы

революционеров. У Маркова лейтенант-путешественник исследует дебри Аляски, а у Зуева-Ордынца главный герой вживается в эти дебри и становится их частью. После того как его предает невеста, Гагарин бежит от царской тайной полиции на Аляску, где удаляется в труднодоступные места и становится охотником-следопытом. Смело противостоя силам природы, он случайно натывается на группу индейцев, еще не испытавших на себе тлетворное влияние западной цивилизации, и помогает им, обучая основам сельского хозяйства и ремеслам.

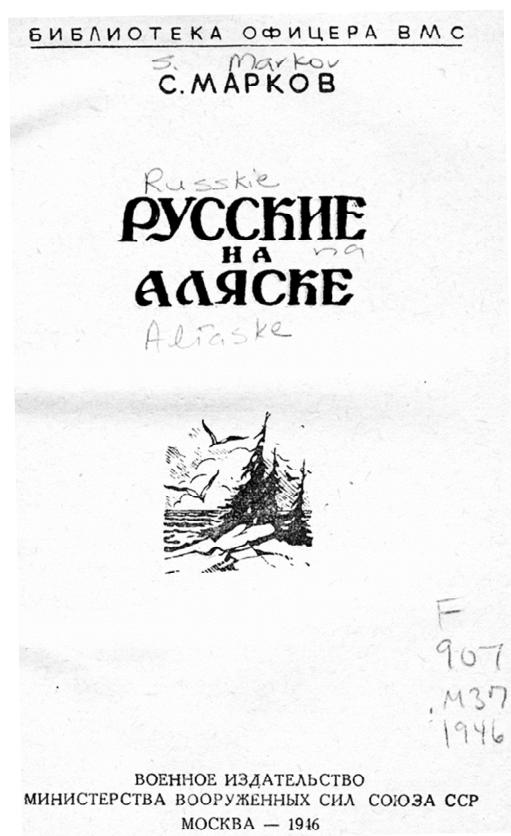

Рис. 5. Обложка популярной книги «Летопись Аляски» писателя и поэта Сергея Маркова (Марков 1946), вышедшей в «Библиотеке офицера»

В соответствии с канонами приключенческого жанра, заданными Майн-Ридом в его знаменитом романе «Белый вождь», Гагарин Зуева-Ордынца становится предводителем этого индейского племени. Действие романа разворачивается в 1867 и 1868 гг., когда Русская Америка стала американской территорией (рис. 6). В аляскинской глуши Гагарин находит следы «хищных» янки, в том числе труп американского

золотоискателя с охотничьим ножом, торчащим из его спины. Нож имеет характерную рукоятку с гравировкой в виде золотого доллара – символический образ того, что уготовано этой девственной земле.

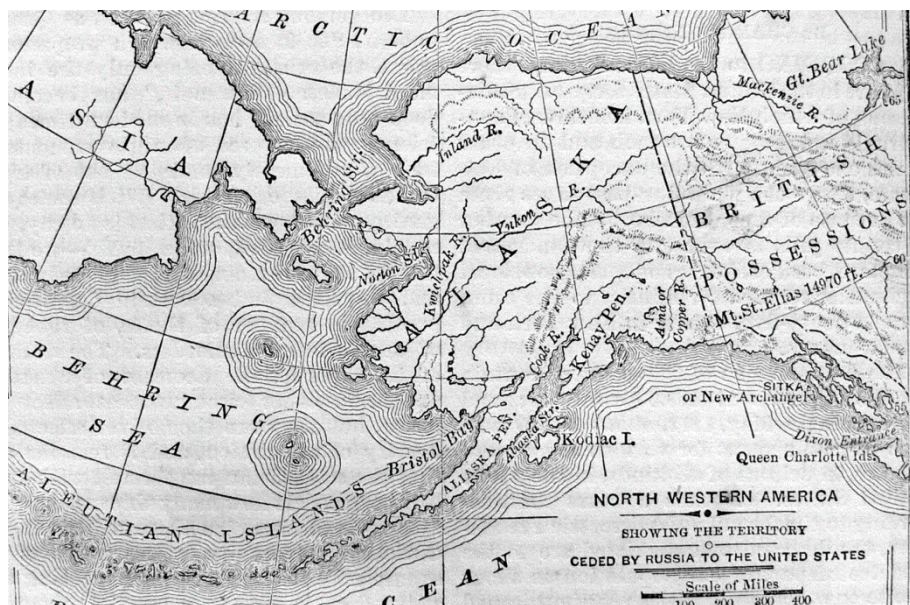

Рис. 6. Карта Аляски, составленная спустя шесть лет после продажи колонии Соединенным Штатам (Harper's Magazine 1873)

Будучи отрезанным от мира, революционно-настроенный русский следопыт еще не подозревает, что Аляска была уже продана США. Когда во время случайного визита в столицу бывшей Русской Америки Гагарин узнает об этом, его душа негодует по поводу «гнусной сделки». Вооружившись, он выводит своих индейцев на тропу войны и начинает партизанское сопротивление продвижению алчных американцев, не только захвативших землю, которую он считает частью своей Родины, но и стремящихся развратить местное население алкоголем и материальными ценностями. Хотя книга Зуева-Ордынца явно апеллировала к популярной в 60-е гг. прошлого века идеологии – национально-освободительным движениям «третьего мира», поддерживаемым Советским Союзом, роман продолжает издаваться и пользоваться популярностью и по сей день. Представляется, что востребованность этой книги в наши дни связана с ее мощным антиамериканским посылом (Зуев-Ордынец 1961, 1966, 1995, 2005)⁵.

Вскоре профессиональные историки, этнологи и географы подхватили оформившийся идеологический тренд. Географ Г.А. Агранат сравнил и противопоставил «хищнические» действия английской Ком-

пании Гудзонова залива (КГЗ) в Канаде «благожелательной» политике РАК. По мнению ученого, английская компания «завоевала» и «ограничила» индейцев, в то время как «прогрессивная русская колонизация Аляски» привела к установлению благоприятного режима для коренных аляскинцев (Агранат 1971). В действительности, будучи коммерческим предприятием, КГЗ была заинтересована в стабильных поставках меховых шкур и не стремилась покорить индейские территории. Стараясь поддерживать мирные отношения с коренным населением, компания, через сложную систему кредитов, привязала индейских охотников к своим торговым фортам. РАК же обратила коренное население побережья Аляски в каменных слуг, обязав их добывать для компании меха морской выдры. Воспроизводя систему крепостной зависимости, существовавшую в метрополии, РАК закрепила коренных жителей за определенными деревнями и запретила им покидать свои места без официального разрешения. В то время как коренное население внутренней части Аляски находилось вне досягаемости РАК, что позволило им сохранить свою независимость, статус коренного населения на побережье был очень схож с тем положением, на котором находились крепостные крестьяне в материковой части России.

Советские ученые также пересмотрели историю вооруженных столкновений между коренными жителями Аляски и русскими, переложив ответственность за эти конфликты и войны на западных торговцев. Подчеркивалось (Василий Дивин), что в попытке ослабить российские позиции в Северной Америке, западные нации, такие как Англия, США и Испания, вооружали местное население и «наускивали» их на русские поселения и корабли. Другие авторы (Раиса Макарова) просто игнорировали факты конфронтации между аляскинцами и русскими. В некоторых работах (Р.Г. Ляпунова) описывалась и вовсе радужная картина отношений русских и населения Аляски: совместный труд, взаимное уважение, терпимость и отсутствие этнических предрассудков. Этим идиллическим картинам в духе советской дружбы народов противопоставлялась жестокая истребительная политика западных держав, направленная против коренных американцев (Макарова 1968; Дивин 1971; Ляпунова 1975; Гринев 1996).

Аляска как часть воображаемой географии имперского национализма

Российская экспансия как мирное «освоение» аляскинских земель – один из самых популярных мифов в современной патриотической литературе и историографии по Русской Америке. Здесь русские выступают как культурные герои, носители высоких моральных ценностей, с распростертыми объятиями принятые представителями коренного насе-

ния. Более того, в патриотической литературе на этот миф накладывается и другой: Аляска якобы была тесно связана с Российской империей не только в культурном и политическом отношениях, но также в духовном плане, посредством особой «органической» связи. Историк-патриот Миронов подчеркивает: «В отличие от колоний Англии, Франции, Испании и Португалии, заокеанские владения России были привязаны к материнскому государству прочной духовной связью». Он также добавляет, что в противоположность западным соперникам России, которые не смогли, по его словам, создать прочных духовных скреп со своими заморскими колониями, «русские владения оставались незыблемой твердыней империи и со временем могли оказаться опорной точкой для российской экспансии на юг континента» (Миронов 2007: 77).

Необходимо подчеркнуть, что, ссылаясь на некую «духовную связь», патриотические авторы включают в сферу русской земли не только коренное население к востоку от Уральских гор, которое было обращено в православие и смешалось с русскими, но также те земли и народы, что когда-то в прошлом были частью Российской империи, но не мыслились как часть русской этнической территории. Тон этому был задан уже в середине XIX в., когда русские писатели славянофильского толка стали считать процессы ассимиляции восточных земель этапом в формировании русской нации (Miller 2004: 19). Сегодня имперская география относит все эти земли к категории «наших» территорий, поскольку там или имелись русские поселенцы, или часть местного населения либо вступила в брак с русскими, либо научилась говорить на ломанном русском языке. После продажи Аляски в 1867 г., а затем отделения Финляндии и Польши в 1917 г., и особенно сегодня, после развала СССР, вся эта воображаемая география приходит в противоречие с современными государственными границами.

Подобная историческая «география» опосредованно «исследует» и включает бывшие куски империи в категорию русских этнических земель. В конечном итоге такое интеллектуальное «освоение», посредством печати и Интернета, пространств ушедшей Российской империи и ее наследника СССР приводит к тому, что в воображении патриотически настроенных писателей и читателей колониальная периферия XIX в. превращается в этническую территорию России. По сути, именно на это направлены усилия многих так называемых евразийцев в современной России. По убедительному замечанию французского историка Марлен Ларюэль, большая часть этого популярного течения в нынешнем российском национализме стремится представить Россию и «русскость» в качестве матрицы для всей Евразии и реанимировать имперское призвание страны (Laruelle 2008: 9–10). Аляска здесь выступает как неотъемлемая часть этой символической евразийской географии, что, естественно, выливается в новое прочтение всей истории региона с

«русской точки зрения». Например, патриотические средства массовой информации утверждают, что русская культура на Аляске не только взяла вверх над всеми остальными традициями, но продолжает существовать и процветать здесь и по сей день, что просто-напросто является неправдой. Наиболее экзотические попытки «освоить» Аляску можно увидеть в работах, содержащих рассуждения о том, что новгородские первопроходцы исследовали эти земли и основали здесь поселения еще в XVI в. (Жданович 2007; Коршунов 2007: 31–32).

Восприятие Аляски как этнически русской территории лучше всего выражено в словах известной песни «Не валяй дурака, Америка» (1991) в исполнении группы «Любэ» (любимой группы президента Владимира Путина)⁶:

Не валяй дурака, Америка,
Вот те валенки, мерзнешь небось.
Что Сибирь, что Аляска – два берега,
Баня, водка, гармонь и лосось.
Баня, водка, гармонь и лосось.
Не валяй дурака, Америка,
Не обидим, кому говорят.
Отдавай-ка землю Алясочку,
Отдавай-ка, родимую, взад.
Отдавай-ка, родимую, взад.

Сегодняшние писатели-патриоты настаивают на том, что население Аляски было включено в состав Российской империи мирным способом и добровольно восприняло черты русской культуры и язык. Имперская историография указывает на доброжелательное гуманное продвижение русских на Аляске. Миронов отмечает, что оно выражалось в бережном отношении к коренным аляскинцам и продуманной политике постепенной ассимиляции аборигенного населения в российском обществе с помощью системы образования, медицинского обслуживания, патронажа, приема на имперскую службу детей смешанных браков и предоставления им социальных льгот. Все вышеназванное он обозначает как «особый дух русского подданства» и приходит к следующему выводу: «Покорность Российской Империи коренных жителей Аляски определялась не страхом перед русскими колонистами, а просвещением и убеждением в истинности исповедуемых русскими жизненных принципов, основанных на Православной вере». Подчеркивая исключительно сердечное, «традиционное по-русски доброе отношение колониальных властей и простых колонистов к туземцам» Аляски и Сибири, Миронов, без тени сомнения, противопоставляет этот подход «жесткой колониальной политике других европейцев» (Миронов 2007: 63–64).

А. Бушков – писатель, работающий в жанре исторической беллетристики, признает, что в самом начале своего присутствия русские дей-

ствительно плохо обращались с коренным населением Алеутских островов. В то же время, сравнивая эти действия с английской колонизацией Северной Америки, он утверждает, что имевшие тогда место акты насилия были лишь крайними проявлениями начального, хаотичного по характеру этапа русской колонизации. Потом, утверждает он, все успокоилось, облагородилось, а если и случались эксцессы, то они, как говорили в бывшем СССР, являлись лишь отдельными недостатками и искривлениями. Полной противоположностью этому является процесс колонизации Северной Америки англичанами, у которых, как пишет Бушков, оказывается, существовал план полного истребления коренного населения. В дополнение к прочим злодеяниям, совершенным, по мнению Бушкова, англичанами, он вменяет им в вину такие экзотические преступления, как намеренное и планомерное уничтожение индейских младенцев и повсеместное использование бактериологического оружия против коренных жителей Америки⁷ (Бушков 2006: 70, 117).

В свою очередь, Сергей Кремлев, автор ультрапатриотической ориентации, пишет: «Запад посылал в заморские владения вначале хищных авантюристов, затем – миссионеров, а затем уж – администраторов, колонистов. А русский Иван, сын Ивана да Марьи, шел в новые земли Западной, Средней, Восточной Сибири сразу как выразитель общей русской воли – в силу широты характера. И даже если он шел вроде бы за ясаком и “мягкой рухлядью”, то – в итоге – он шел за судьбой Русской земли» (Кремлёв 2005: 594).

Как видим, чтобы оттенить положительные моральные качества своих соотечественников, отважившихся отправиться на Аляску, Кремлёв и его коллеги доходят до абсурда, нивелируя или же полностью исключая какие бы то ни было корыстные мотивы, стоящие за продвижением русских к северной части Тихого океана. Так, Бушков делает ошеломляющее заявление о том, что русские в своем продвижении на восток не преследовали никакой личной выгоды. Оказывается, их главной целью было исключительно процветание Родины (Бушков 2006: 32–33). В отличие от благоприятного воздействия русского «осовения» на Аляску, американское присутствие обычно ассоциируется с хищническим использованием ресурсов и экономическим упадком. По яркому замечанию Кремлёва, «раньше тут были хозяева, а теперь пришли хищники, шакалы» (Кремлёв 2005: 500).

По мнению авторов-патриотов, Аляска не просто была в культурном и духовном планах связана с метрополией – здесь, оказывается, процветала экономическая и культурная жизнь, строились города и бурно развивалась современная индустрия. Воображение Кремлёва рисует Аляску до 1867 г. как цитадель цивилизации на Тихоокеанском побережье. Согласно его видению, Русская Америка отличалась своими офицерскими балами, библиотеками, школами, где дети учили фран-

цузский язык, и даже высокоразвитой промышленностью. В своем патриотическом воображении другой автор, Роман Жданович, идет еще дальше, увеличивая численность русского и коренного населения Аляски – подданных русского императора – и изображая здесь процветающие, хорошо защищенные города: «В 1837 году в Русской Америке жило 11 тыс. русских и креолов, 50 тыс. русско-подданных алеутов и метисов; крупные города защищались фортами и артиллерийскими батареями» (Жданович 2007). Более того, порой это стремление показать Аляску в качестве хорошо освоенной и процветающей русской земли приводит к комическим выводам. Так, Миронов доходит до того, что характеризует Аляску как «второй по значимости полюс экономического и политического развития Российской империи» после Санкт-Петербурга (Миронов 2015).

В действительности, и это будет мягко сказано, российское присутствие в Северной Америке было далеко не всеобъемлющим. Прежде всего, стоит отметить, что колонизация Аляски никогда не была исключительно русским предприятием. А ведь именно такой вывод стремятся навязать читателю патриотические писатели. Если воспользоваться модным на Западе леволиберальным идеологическим штампом, то российское «освоение» северо-западной части Тихого океана можно назвать мультикультурным предприятием. До продажи колонии численность «русского» населения Аляски, включавшего русских, финнов, шведов, балтийских немцев, поляков и представителей коренных народов Сибири (саха, ительменов и эвенков), никогда не превышала 550 человек. Из этих 550 «русских» только 113 было разрешено зарегистрироваться в качестве постоянных жителей колонии (Гринев 2005: 178–179). Остальные вновь прибывшие считались временно проживающими и должны были вернуться в Россию по истечении срока действия их контрактов с РАК. Печальная действительность Русской Америки была такова, что ни самодержавное правительство России, ни сама РАК не были заинтересованы в колонизации и освоении этой территории.

Империя очень неохотно разрешала людям самовольно сниматься с места и уезжать в такие отдаленные места, как Аляска. Полукрепостническая самодержавная система опасалась, что свободное передвижение людей расшатает установленную систему зависимости податного населения, его регистрацию и налогообложение. Чиновники постоянно саботировали даже скромные обращения РАК за разрешением временно нанимать квалифицированных мастеров – представителей разных категорий крепостных. С учетом такого отношения со стороны властей вполне естественно, что компания обратила свое внимание на Финляндию и немецко-балтийский регион – западные, более развитые российские пограничные области, свободные от крепостного права. Регистрация по месту и обязательная паспортная система прописки, которые, к

тому же, сохраняются в России по сей день, были важными барьерами для предотвращения отъезда людей на Аляску. Наконец, РАК смотрела на колонии лишь как на источник мехов и не была заинтересована в массовом перемещении туда населения, которое и вряд ли было бы возможно в силу климатических условий. Вдобавок, компания не хотела взваливать на свои плечи ненужный груз возможных расходов по переселению.

Патриотически ориентированные авторы также игнорируют тот факт, что из примерно 30 тыс. индейцев, алеутов и инуитов – коренных жителей Аляски – большинство едва ли знали о том, что они, оказываясь, являлись подданными империи. Фактически сама РАК официально классифицировала большинство коренного населения как независимое или лишь частично зависимое. Более того, сотрудники РАК никогда не чувствовали себя в безопасности даже в своей вотчине – форте Ново-Архангельска (Ситка), являвшимся столицей Русской Америки. В этом районе «русским» приходилось иметь дело с воинственными и хорошо вооруженными индейцами-тлинкитами, сохранявшими полную независимость на протяжении всего периода существования колонии и представлявшими постоянную угрозу для форта вплоть до 1855 г.⁸ Тот факт, что РАК смогла утвердиться лишь на узкой полоске побережья Аляски, не позволял составить сколько-нибудь внятное представление о ресурсах и населении колонии. До самых последних дней жизни Русской Америки ее внутренние территории оставались в буквальном смысле слова *terra incognita*. Это фактически означало, что большая часть колонии не была собственностью империи, а представляла собой лишь территорию, свободную от амбиций других мировых держав. Неудивительно, что долгое время РАК даже не подозревала о том, что к западу от канадско-алюскайской границы, прямо в самом сердце Русской Америки, английская Компания Гудзонова залива основала свой форт Юкон (1847) и вела там выгодную торговлю мехами с местными индейцами (рис. 7).

Наконец, сам статус Аляски в качестве куска земли, отданного в монопольное управление РАК, не позволял укрепить связи между империей и ее североамериканскими владениями. В Русской Америке не существовало российской административной и судебной систем. Например, лиц, совершивших преступление на Аляске, отправляли на Камчатку, поскольку здесь не было даже суда, перед которым они могли бы предстать. Меры, принятые в середине 60-х гг. XIX в. и имевшие целью объединить Аляску в административном плане с остальной частью империи, оказались запоздалыми и остались, по большей части, на бумаге. В своей недавней книге историк И. Виньковецкий хорошо показал, что причинами, по которой Аляска с самого начала была передана в ведение РАК, были нежелание империи нести финансовые расходы по управлению этой отдаленной территорией, а также стремление

снизить политические риски в случае конфликта с какой-либо из великих держав в данной части света. Иными словами, РАК, будучи полугосударственной монополией, была удобным инструментом для продвижения интересов империи в северной части Тихого океана. В то же время, в случае конфликта РАК с интересами США, Испании и Англии в этом районе, все можно было свободно списать на «частную» компанию и ее руководство (Виньковецкий 2015).

Рис. 7. Форт Юкон – торговая фактория английской мехоторговой Компании Гудзонова залива (Wymper 1869: 599)

С таким своеобразным статусом Русская Америка представляла, в полном смысле этого слова, пограничной территорией, чье административное положение не было четко определено, и где большинство коренного населения не рассматривало себя частью империи, а также местом, где колонисты считались временными рабочими по контракту, с обязательством вернуться в Россию по завершении работ. Учитывая эти и другие обстоятельства, изложенные выше, можно утверждать, что Аляска никоим образом не была надежной опорой Российской империи в Северной Америке.

«Добрые» русские и немцы, «наивные дикари» и «злые» англосаксы

В современной патриотической художественной и исторической литературе, посвященной Аляске, можно найти несколько типичных персонажей, перебирающихся из одного произведения в другое. Первую группу составляют строители империи, такие как Баранов и Резанов.

Вторая группа персонажей состоит из таких исследователей, как вышеупомянутый Загоскин. Яркий энергичный Баранов – первый администратор Аляски – является наиболее любимым героем писателей-патриотов. Его, как правило, изображают самоотверженным государственнымником, чьей единственной страстью было продвижение русских интересов на Аляске, а не обеспечение прибылей РАК.

В 1945 г. Кратт в романе «Остров Баранова» задал необходимую тональность, рисуя своего героя таким образом: «Слава Российской империи становилась и его славой, но он ее не искал. Все отдал родине» (Кратт 1946: 166). Такая оценка личности Баранова воспроизводится во многих современных произведениях. Например, в своем романе «Ключи от заколдованного замка» (1980), дважды переиздававшемся в 1990-е гг. (рис. 8), Константин Бадигин пишет, что, хотя Баранов, безусловно, действовал в коммерческих интересах РАК, «самое главное, о чем никогда не забывал Баранов, это слава и польза родине. Ради горячо любимой России он не жалел себя и шел на любую жертву» (Бадигин 1993: 178).

Рис. 8. Мускулистые русские богатыри сражаются с индейскими «дикарями». Иллюстрация к роману Константина Бадигина «Ключи от заколдованного замка» (1993)

В патриотической «Аляскиане» коренные жители обычно выступают как наивные, пассивные дикари, чья жизнь определяется теми, кто

желает ими управлять. Индейцы, инуиты и алеуты предстают таким мягким человеческим материалом, пешками, которыми могли воспользоваться различные добрые и недобрые силы. Те же представители коренного населения, кто вступал в противостояние с сотрудниками РАК, как правило, изображаются в качестве отсталых дикарей, просто не оценивших благожелательности и преимущества русской цивилизации. И вновь в своем романе «Остров Баранова» Кратт задает тон, на этот раз в оценке коренных жителей Аляски. Описывая вождя индейцев-тлинкитов Котлеана (реальный исторический персонаж), который противодействовал русскому продвижению на земли Ситки в начале XIX в. (рис. 9), Кратт рассуждает: «Старый вождь упрямо и свирепо боролся уже не один год, и не только за берег и острова. Он боролся за старую жизнь. Русские несли новую. Они гибли и защищались, кровью своей заливали найденную землю, но продолжали строить и созидать... Они становились опасными, потому что были непоколебимы» (Кратт 1946: 53).

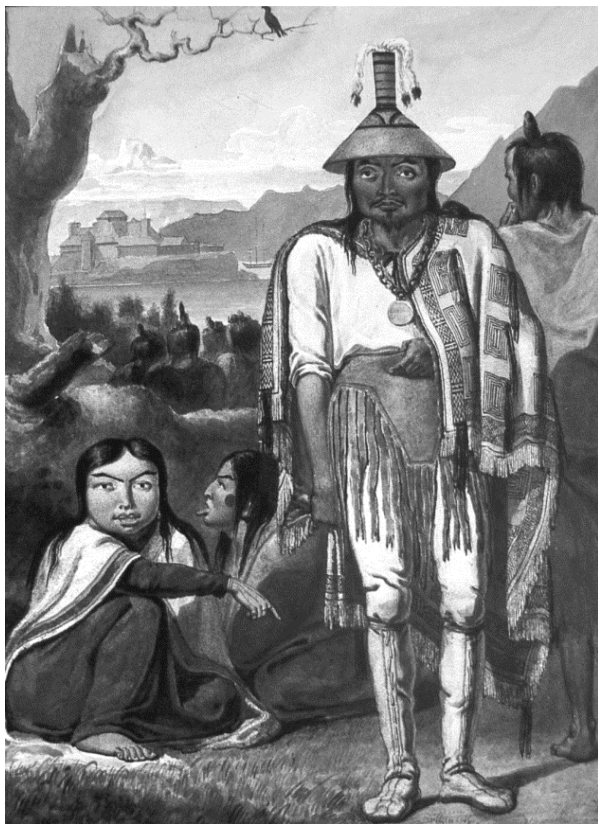

Рис. 9. Индейский вождь Котлеан из племени тлинкитов, реальный исторический персонаж, любимый образ «злого индейца» в советской и русской исторической беллетристике. Акварель Михаила Тиханова (1818 или 1819 г.) (Головин 1949)

По мнению авторов-патриотов, если такие аборигены, как, например, Котлеан, и восставали против русских, то только потому, что их к этому подстрекали американцы или англичане. Кремлёв в своих рассуждениях даже указывает историкам, занимающимся историей Аляски, как надо «правильно» освещать восстания коренного населения колонии: «Русский историк обязан прежде всего в свете подстрекательства и провокаций англосаксов видеть все наши конфликты с индейцами» (Кремлев 2005: 533). В свою очередь, Бушков добавляет, что индейцы-тлинкиты, самые грозные противники РАК, просто-напросто не были достаточно умны, чтобы организовать выступление против русских самостоятельно. По этой причине он приписывает создание «индейской НАТО», направленной против русских, стратегическому гению англосаксонских морских капитанов, таких как Генри Барбер и Уильям Каннингем (Бушков 2006: 135).

Барбер и Каннингем, также реальные исторические личности, являются любимыми героями-злодеями у Кратта, Кремлёва, Бушкова, Кердана и Бадигина. Эти англо-американцы изображаются ими в качестве контрабандистов-торговцев виски, рабами и оружием. Они предстают исчадием капиталистической грабительской этики, ради наживы готовыми предавать всех и вся. В романе Бадигина капитан Роберт Хейли наставляет жаждущего власти Котлеана в следующей манере: «Необходимо захватить крепость на Ситке и уничтожить русских по всему берегу». Не удовлетворившись этим инструктажем, англичанин заставляет Котлеана повторить следующую клятву: «Обещаю разрушить крепость на острове Ситке и убивать всех русских на своей земле» (Бадин 1993: 112–113). В конечном итоге англосаксонский капиталист-грабитель убивает одним выстрелом двух зайцев: уничтожает русских и попутно надувает индейцев. После того, как тлинкиты расправляются с русскими в порту Ново-Архангельска, англичанин заманивает своих союзников на корабль и казнит их. В результате меха, закупленные русскими и затем захваченные индейцами, оказываются в руках контрабандиста.

В противовес такому примитивному изображению тлинкитов в качестве пешек профессиональные историки (Гринев, Кан и Зорин), подробно изучавшие русско-тлинкитские отношения, показывают, что индейцы были независимыми игроками на аляскинском поле и свободно воевали, торговали, вели переговоры и заключали союзы с русскими, английскими и американскими мореплавателями, а также со своими земляками (Гринев 1991; Зорин 2002; Кан 1999). Так, проанализировав документы о деятельности Барбера и Каннингема, Зорин приходит к выводу о том, что корни литературного стереотипа англо-американских мореплавателей как вдохновителей аборигенных бунтов надо искать в докладах самой РАК, которая часто списывала на ино-

странцев свои просчеты, беды и конфликты с коренными жителями. Интересно также то, как патриоты-писатели преподносят читателю разные группы западных колонизаторов, что хорошо передает сегодняшние этнические симпатии и антипатии этих авторов. Обвиняя Запад в геноциде и подавлении коренных народов, они, порой, исключают из списка виновных «доброжелательных» испанских и французских колонизаторов и противопоставляют их «хищным» англичанам и американцам. Абсолютистские и патриархальные империи Испании и Франции XVI–XVII вв., видимо, в большей степени импонируют нынешним русским патриотам, нежели космополитичные и заматериализованные англосаксонские общества.

Бушков уравнивает русских колонизаторов Сибири и Аляски с «благожелательными» испанскими и французскими колонизаторами. Рисуя, например, образ Эрнана Кортеса, завоевателя «Империи» ацтеков, писатель утверждает, что этот знаменитый конкистадор руководствовался не только идеей расширения и процветания испанской империи, но, так же, как и его русские коллеги, мыслью об объединении коренного населения и новых поселенцев в мирное содружество (Бушков 2006: 34–35). А вот англичан, «нацию лавочников и ростовщиков», Бушков оценивает как худших из худших. В то же время валлийцы, ирландцы и шотландцы кажутся ему добрыми и щедрыми лишь по той простой причине, что они были завоеваны и стали жертвами англичан.

Враждебный настрой Бушкова и его презрение по отношению к англичанам достигают иррациональных масштабов. В частности, писатель прямо объявляет своему читателю, что он ненавидит англичан как нацию. Затем он подчеркивает следующее: «Вообще, во многих своих книгах я защищаю не хитрый, но представляющийся мне верным тезис: какие бы неприглядные поступки ни имелись на совести русских – и прочих европейских народов – никому, никогда, нигде не удавалось перешеголять англичан» (Бушков 2006: 117). Когда автор касается примеров английского благочестия на Аляске, как в случае с капитаном Джоном Генри Коксом, обеспечившим провиантом голодавших русских в 1791 г., он объясняет эти действия таким образом: «Поступок для английского морехода немыслимо благородный. Подобного рыцарства за англичанами не замечено. И потому у меня есть стойкие подозрения, что Кокс был кем угодно, шотландцем, ирландцем, валлийцем – но только не англичанином». О капитане Хью Муре, с которым у Баранова сложились дружеские отношения, Бушков вскользь замечает: «Мур был вполне приличный человек – не англичанин, а ирландец». В глазах писателя «достойным человеком» также является известный исследователь Джордж Ванкувер. В отличие от своего знаменитого соотечественника Джеймса Кука, Ванкувер не менял названия областей Аляски, которые были уже изучены и отмечены русскими, на англий-

ские. Наоборот, он в полной мере отдавал должное русским за то, что они стали первопроходцами в этой части Тихоокеанского региона. Такое отношение определенно нравится Бушкову, и по этой причине он выносит следующий вердикт: «Странный англичанин. Неправильный. Англичане обычно так себя не вели. Нужно будет поискать шотландские, ирландские или валлийские корни Ванкувера» (Бушков 2006: 88–89, 104).

В патриотической «Аляскиане» можно найти и ряд героев-поляков, выступающих обычно в качестве предателей. Это, очевидно, исторический отголосок реакции на польский сепаратизм, призрак которого преследует русских патриотов с 60-х гг. XIX в. Как правило, эти антигерои – сотрудники РАК, выжидающие подходящего момента, чтобы предать интересы русских и переметнуться на сторону англичан или американцев. В романе Кратта – это Лещинский, польский предатель, который желает ни больше ни меньше как отделить Аляску от России и сделать ее независимой территорией в союзе с США и Англией (Кратт 1946: 49–52, 384). В недавнем романе Кердана мы находим скупого поляка по фамилии Гузнищевский. В отличие от Лещинского, у Гузнищевского нет каких-либо ясных идеологических или политических установок. Он просто предстает скупым и злым по определению, потому что он – поляк. Коррупированный и беспринципный агент РАК, он, не колеблясь, присваивает себе деньги компании и в конце концов бежит на Камчатку, где вступает в банду разбойников, которые грабят тамошних людей (Кердан 2003).

Образ прибалтийских и других немцев, служивших морскими офицерами в Российской империи или работавших в качестве сотрудников РАК, более двойствен. В романах Кратта и Маркова, написанных в конце Второй мировой войны, когда немцы были явным злом в глазах русских, они практически не присутствуют, несмотря на то что в реальной истории Русской Америки их было более чем достаточно. Напомним, что значительная часть старой российской военной, административной и дипломатической элиты пополнялась из аристократических родов Прибалтики немецкого происхождения. Из этой привилегированной, прикормленной российским двором диаспоры выходили, выражаясь марксистским языком, наиболее верные слуги самодержавия. Поэтому в современной художественно-исторической литературе (Бадигин, Бушков и Кремлёв) немцы всегда предстают в позитивном свете. С их, по мнению патриотов, любовью к традиции и государственности немцы оказываются, безусловно, более привлекательными героями, чем англосаксы – рационалисты и космополиты (Chamberlain 2007: 101–102, 121, 154). Поэтому в изложении патриотических беллетристов «космополитическая» европейская подноготная таких исторических персонажей, как, например, Иоганна Адама Крузенштерна, морского офицера и мореплавателя из прибалтийских немцев, всячески

затушевывается, и он становится русским мореплавателем, выступающим всегда под именем Ивана Федоровича Крузенштерна. Кремлёв, который позиционирует себя как суперпатриота, и вовсе считает, что все немцы, состоявшие на русской службе, были хорошими людьми. Их служба Российской империи и царскому двору преподносится как верность русской земле и почве, как отсутствие космополитизма. Говоря как о германских, так и российских немцах в целом, Кремлёв подчеркивает, что более других западных людей они ценили красоту служения Родине. Вдобавок он подчеркивает, что один из основных посылов читателям его книги по истории Аляски состоит в том, что стратегически России всегда следует держаться вместе с Германией и сторониться США, которые, по его мнению, являются притоном космополитизма, интернационализма и масонства, а также врагом всех стран, отстаивающих свою государственность.

Интересно, что Бушков и Кремлёв атакуют «предателей» с русскими именами, таких как Александр II и его брат, великий князь Константин – главный поборник сделки по продаже Аляски. Их «безнравственная» сущность противопоставляется образцовому поведению патриотов с иностранными именами, таких как Крузенштерн, Федор Петрович (Фердинанд фон) Врангель, некогда главный администратор в Русской Америке, и Федор Романович (Рейнхольд Фридрих фон) Остен-Сакен, этнограф и чиновник средней руки в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, который активно ратовал за сохранение присутствия империи в северной части Тихоокеанского региона. Более того, Бадигин обобщает судьбу «русских патриотов» с иностранными именами таким образом: «Невыносимо тяжело на Руси инородцу! Будь ты семи пядей во лбу, будь патриотом России, во сто крат большим, чем любой кичащийся своей родословной великоросс, все равно найдется гад среди современников и особенно потомков, кто попрекнет тебя твоим происхождением и усмотрит корысть в твоих делах» (Бадигин 1993: 123).

В отличие от многих других писателей-единомышленников, Бушков даже «реабilitирует» Карла Нессельроде (1780–1862), министра иностранных дел при Николае I. Патриотические авторы (Кремлёв) обычно всегда подчеркивают, что он был сыном еврейки, обращенной в протестантизм, что по умолчанию предполагает скрытую антирусскую направленность деятельности чиновника; отец Нессельроде был, кстати, выходцем из вышеупомянутой немецко-прибалтийской диапоры, поставлявшей кадры для имперской элиты, и служил российским послом в Португалии. В отличие от Кремлёва, Бушков вполне корректно изображает этого министра смешанного происхождения как хорошего и верного «чиновника, добросовестно выполнявшего свою работу и успешно продвигавшего интересы Российской империи. Например, пи-

сатель подчеркивает, что в свое время Нессельроде прочно закрепил за Россией Форт Росс – форпост РАК, просуществовавший в Калифорнии с 1812 по 1841 г. (Бушков 2006: 245). Кроме того, этот министр возглавил успешную кампанию по продвижению российских интересов в Японии, а также усилил влияние России на Балканах.

Бушков даже укоряет своих коллег по патриотическому цеху за перенос различных иудейско-масонских теорий заговора, ныне популярных в русском националистическом дискурсе, на историю Русской Америки. Сам не лишенный этнической предвзятости, он все же подчеркивает, что происхождение чиновников не имело значения. Что действительно имело значение – насколько хорошо они отстаивали интересы Российской империи. Логика Бушкова, как он сам поясняет, проста: то, что было выгодно Российской империи и затем России, надо оценивать как благородное дело, даже если это было сопряжено с преступлениями, нарушением прав человека и лишением суверенитета других народов и наций. Переходя от событий прошлого к делам настоящего, писатель наставляет своих читателей, объясняя им, что применение силы и обмана – весьма хорошо, если это способствует расширению границ твоей страны.

«Либералы-предатели», евреи и масоны

В кривом зеркале патриотической историографии продажа Аляски представлена как результат тайного сговора космополитических либеральных сил с целью ослабить стратегическое положение Российской империи в Северной Америке. Это утверждение обычно сопровождается проведением обязательных исторических параллелей с распадом Советского Союза в 1991 г. С точки зрения националистов-имперцев, то что произошло в 1867 и 1991 гг., является примером мирового заговора против территориальных интересов России в целом и русского народа в частности. Сопоставляя две эти даты, писатели-патриоты размышляют о преемственности антинациональной либеральной политики начиная с XIX в. и по сей день. Первая в Новой истории уступка российской территории иностранному государству, случившаяся в 1867 г., видится им как опасный прецедент, открывший путь для последующих территориальных потерь. Так, например, патриотическое издательство «Алгоритм», рекламируя опубликованную им книгу Миронова «Роковая сделка», подчеркивало: «Иван Миронов – патриот и человек сильной воли. Его книга – голос о том, как во имя корыстных интересов кучки высокопоставленных коррупционеров разбазаривали и продавали российские территории в XIX веке. Приводятся уникальные факты и называются имена тех, кто виновен в отторжении от Российской империи Аляски. Тема тем более актуальна, что в прессе постоянно появляется информация о современных планах Запада по расчленению России» (Миронов 2007).

Патриотические авторы списывают продажу Аляски не на своевольное решение Александра II, самодержца-автократа, который, как и все его предшественники, задавал тон всей «вертикали власти», естественным образом игнорируя общественное мнение, а на его «вредоносные» либеральные реформы. Александра II обычно противопоставляют его патриотически настроенному, консервативному предшественнику Николаю I и консервативному преемнику Александру III. Так, Миронов подчеркивает: «Только “либеральный” Александр мог решиться на подобную сделку в XIX веке; его отцу – “реакционеру” Николаю I, а уж тем более сыну – Александру III, для которого армия и флот оставались единственными верными союзниками во внешней политике, и в голову не могла прийти мысль торговать русской землей» (Миронов 2001, 2013). Некоторые наиболее радикальные авторы не скупятся на ругательства в адрес Александра II, называя его царем-предателем. Бушков с негодованием пишет: «Кто же мог предполагать, что на престоле сидит ублюдок, без зазрения совести за гроши торгующий дедовскими и отцовскими приобретениями?» (Бушков 2006: 330).

Некоторые авторы-патриоты даже не в состоянии спокойно писать о продаже Аляски. Так, в своем обращенном в прошлое порыве возмущения против Александра II Кремлёв говорит о том, как бы ему хотелось на машине времени отправиться в тот роковой мартовский день 1883 г., чтобы добавить свою гранату к бомбе народника-революционера, убившего царя-реформатора. Он также признается своим читателям, что, когда он смотрит на сегодняшнюю карту Аляски, обозначенной как часть США, его охватывает инстинктивный порыв схватиться за автомат Калашникова (Кремлёв 2005: 504–505).

В глазах патриотических писателей сам факт того, что Александр II и его либеральное окружение стали обсуждать вопрос о продаже части имперской территории, низводит их в категорию предателей. Миронов замечает, что такой шаг был бы вполне естествен для американцев или англичан с их коррумпированным меркантилизмом, но для русских, которые, по его мнению, наделены особым бережным и духовным отношением к земле, сама идея продажи таковой кажется абсолютно неприемлемой. Ссылаясь на известную метафору «крови и почвы», он подчеркивает, что «для русских, привыкших, что территория приобретается потом и кровью, подобное решение проблемы укладывается в сознании с трудом» (Миронов 2007: 238).

Вместо того чтобы обвинять некие абстрактные либеральные прозападные силы в гибели Русской Америки, ряд авторов конкретизирует предмет своих атак. Например, Кремлёв делает прямое предположение, что продажа Аляски была заговором иудейско-масонских наднациональных сил (где США и Англия выступают в качестве их покорных слуг) с тем, чтобы выдворить Россию с тихоокеанского северо-запада.

Виктор Филатов, генерал-майор в отставке и бывший редактор «Военно-патриотического журнала», доводит эту теорию о заговоре до крайности. По его мнению, сделка по Аляске была срежиссирована вполне определенной группой давления – американскими евреями-торговцами, стремившимися заполучить русские ресурсы в северо-западной части этого континента. Рассуждая о еврейском факторе в истории Аляски, отставной генерал-майор утверждает, что евреи исподволь тихой сапой стали проникать в Русскую Америку еще до того, как она была продана Штатам. В качестве подтверждения он ссылается на фамилию Николая Розенберга, одного из главных администраторов РАК на Аляске в 50-е гг. XIX в. (Филатов 2007: 148–164). Очевидно, что Филатов не в курсе того, что Розенберг был российским морским офицером, происходившим из старого немецко-прибалтийского рода, обосновавшегося в Ливонии еще в XVI столетии. По иронии судьбы, из среды немецко-российских Розенбергов вышел Альфред Розенберг, интеллектуал-архитектор, ставший впоследствии одним из видных идеологов национал-социализма в Германии⁹.

В книге «Роковая сделка» (2007) Миронов выдвигает свое более «мягкое» объяснение «еврейского фактора» и того, каким образом он мог привести к утрате Русской Америки. Историк предполагает, что идейными вдохновителями сделки по продаже были российские железнодорожные компании, действовавшие от имени западных еврейских кругов железнодорожников и банкиров, во главе которых, в свою очередь, стоял клан Ротшильдов; попутно надо заметить, что Ротшильды – излюбленные герои конспиратологических теорий заговора как на Востоке, так и на Западе. Подтолкнуло Миронова к спекуляциям относительно роли железнодорожных компаний в «роковой сделке» то обстоятельство, что 90% денег, полученных Россией от продажи Аляски, были потрачены на месте, в США, на приобретение локомотивов и оборудования для железнодорожной отрасли, бурно развивавшейся в России в 1860–1870-х гг. (Петров 2004: 291–292). В частности, в эти годы протяженность железнодорожного полотна в России возросла с 1 000 до 14 000 километров. Тем не менее для Миронова это строительство и прочие попытки интегрировать Россию в мировую экономику, как и вся программа по модернизации страны, – лишь дымовая завеса, прикрывающая великий заговор против великой империи (Миронов 2007).

Помимо фигуры либерального «предателя» Александра II, патриотические авторы пытаются идентифицировать и других возможных лиц, ответственных за продажу Аляски, а также тех, кому, возможно, эта сделка была выгодна. Известно, что ее инициатором был великий князь Константин, брат Александра и главный сторонник либеральных реформ в России в 60–70-е гг. XIX в. Кремлёв и Миронов предполагают, что в ходе его длительных визитов в западные страны Константина

подкупили и сделали «агентом влияния»¹⁰ западных иудейско-масонских кругов¹¹. Коррупция, кстати сказать, действительно, сопровождала мероприятия по продаже Аляски, однако взятки пошли в руки нескольких американских конгрессменов, которые, по мнению российских властей, должны были ускорить сделку. Кроме того, Александр II официально удостоил представителя России в США Эдуарда де Стекля (1804–1892) специального денежного бонуса за переговоры по продаже Аляски. Между прочим, Мионов сам на это указывает.

Согласно патриотически настроенным историкам Аляски, кроме Константина группа «заговорщиков» включала Михаила Рейтерна (1820–1890), министра финансов, руководившего вышеупомянутым проектом по железнодорожному строительству и экономической модернизацией России в целом. Другим обвиняемым является Николай Краббе (1814–1870), министр военно-морского флота, продвигавший модернизацию российского флота и усиливший позиции России на Дальнем Востоке. Прочие «заговорщики» представлены министром иностранных дел Александром Горчаковым (1798–1883) и вышеназванным представителем де Стеклем.

Другой популярный аргумент, приводимый авторами-патриотами, состоит в том, что РАК, будучи невероятно успешной компанией, встала на пути у Константина и его либерального окружения. По мнению Мионова, Кремлёва и Пыхтина, для того чтобы устранить это препятствие, Константин решил довести РАК до банкротства и тем самым провалить продажу территории. Мионов пишет: «Продаже Аляски предшествовала деятельность узкой группы высших правительственных чиновников, носившая характер заговора, целью которого было разорение колоний и создание искусственных предпосылок для ликвидации североамериканских территорий России и передачи их США» (Мионов 2007: 254). Проводя параллели между ситуацией с Русской Америкой и сегодняшним положением дел, Мионов усматривает в событии 1867 г. историческую прелюдию к хаосу 1990-х гг., когда фабрики и промышленные заводы были намеренно доведены до банкротства с целью их последующей передачи определенным «олигархам».

В действительности РАК начала терять прибыль в конце 1850-х гг. на фоне общего упадка торговли мехами. Помимо этого, РАК не всегда была успешной компанией, как утверждают авторы-патриоты. Хотя с 1857 по 1861 г. продажа мехов принесла компании прибыли на сумму в 4 228 632 руб., ее административные расходы достигли 5 268 143 руб. Последнее означает, что финансовые потери составили более одного миллиона рублей. Компании удалось частично решить эту проблему за счет увеличения цен на товары, продаваемые в колонии. Однако даже после этого дефицит был равен 113 326 руб. (Гринев 1997–1999: 386). Более того, РАК не была исключительно частным бизнесом, а пред-

ставляла собой полугосударственную коммерческую монополию, которая по своей структуре напоминает сегодняшний энергетический гигант «Газпром». Состав ее «правления» весьма красноречив и указывает на статус компании. Так, за исключением Баранова, с самого начала все посты главных администраторов Русской Америки были заняты, как теперь принято говорить, силовиками – старшими офицерами флота, которые не очень хорошо разбирались в бизнесе. Позднее, в 1850–1860-е гг. можно наблюдать тот же профессиональный состав директоров РАК – морские и военные офицеры. И лишь только в 1865 г. в правление компании включили купца Н. Любавина. Даже если бы компания выжила с такими «бизнес-руководителями», она никогда не смогла бы добиться успеха в условиях свободной конкуренции на мировом рынке в 1860–1870-е гг. (Гринев 2002).

На протяжении всего периода существования Русской Америки РАК генерировала значительные прибыли за счет кабального труда коренного и креольского населения, привязанного к своим деревням и видам деятельности и обязанного выполнять трудовые повинности в пользу РАК. То обстоятельство, что РАК не была готова и не хотела конкурировать на открытом рынке, объясняет, почему компания стремилась сохранить свой монопольный статус и привилегии, включая право эксплуатировать подневольный труд.

Обвинение Константина в антинациональном заговоре с целью предательства империи не выдерживает серьезной критики. К примеру, помимо прочего, этот «главный виновник» многое сделал для модернизации российского флота, заменив старые деревянные корабли на пароходы-броненосцы, что, в конечном счете, усилило военный потенциал империи (Антонова 2010: 24–25). Патриотические авторы также не любят упоминать, что первым, кто выступил с идеей продажи Аляски США, был граф Муравьев-Амурский – ярый патриот России, многое сделавший для наращивания российского влияния на Дальнем Востоке. Он, в частности, придерживался той позиции, что Российская империя выиграла бы больше, если бы не распыляла свои ресурсы на северотихоокеанский регион, а свернула бы свое, и без того слабое, присутствие на Аляске и сконцентрировалась на продвижении в южном направлении, на Дальний Восток, который мог бы стать житницей страны (Bassin 1999).

Среди факторов, подкреплявших план Муравьева-Амурского, был также и сдвиг в стратегических приоритетах империи в 1860-е гг. с целью выхода не только на Дальний Восток, но и в Центральную Азию, к хлопковым ресурсам. И действительно, оставив северо-западные американские владения, империя одновременно стала расширять свои границы далеко на юг. Так, в 1867 г. (год продажи Аляски) Россия завершила завоевание Центральной Азии, где было образовано Туркестан-

ское генерал-губернаторство. В этой связи отдаленная и слабо населенная Русская Америка, естественно, не представлялась значимым стратегическим владением, заслуживающим имперской защиты. Большие месторождения золота, часто упоминаемые в качестве основного ресурса Аляски, в то время еще не были достаточно исследованы. Таким образом, патриотическая риторика относительно сокращения имперских территорий, вследствие продажи Русской Америки, не выдерживает критики.

Не менее важен и тот факт, что деятельность РАК не укладывалась в планы Александра II и Константина по модернизации страны, особенно после ликвидации крепостного права в России. РАК как монополия, пользовавшаяся особыми привилегиями и эксплуатировавшая подневольный труд аборигенного населения, представлялась Константину обветшалой бюрократической структурой, стоявшей на пути к обновлению страны. В работах авторов националистической ориентации вышеназванные меры по сворачиванию монополии РАК изображаются в качестве тщательно спланированного заговора, профинансированного иудейско-масонскими силами. Гораздо ближе к истине историк Гринев, который показывает, что в действительности весь «план» Константина и его сподвижников был всего лишь стратегическим просчетом, совершенным в условиях самодержавного правления, когда политические решения принимались келейно и никогда не обсуждались с общественностью¹². Примечательно, что директора компании, которых царский двор даже не проинформировал о переговорах с США, узнали о продаже Аляски из телеграфных новостей, пришедших в Россию из-за рубежа.

Эпилог: патриоты против «болховитинцев»

Писатели-патриоты подвергают нападкам тех историков, которые отказываются освещать историю Аляски под «русским» углом зрения, а продажу Аляски рассматривать как хорошо спланированный заговор финансистов-космополитов против интересов России¹³. Бушков, Пыхтин и Кремлев любят атаковать так называемых болховитинцев – термин, который они используют для обозначения ученых-историков, профессионально занимающихся Русской Америкой: покойного Н.Н. Болховитинова, А.В. Гринева, А. Истомина и некоторых других, написавших, в частности, трехтомную «Историю Русской Америки» (Болховитинов 1997–1999). Патриоты называют этих авторов интеллектуалами-предателями.

Главный «обвиняемый» среди них – Болховитинов, издавший в 1990 г. работу, которая вскрывает истинные причины продажи Аляски и ее место в общем контексте русско-американских отношений XIX в. (Болховитинов 1990). Согласно журналисту Пыхтину, эта книга «несет

на себе печать горбачевского “смутного времени”, ельцинско-чубайсовской ксенофилии и сводится, главным образом, к повествовательному описанию, а не к глубокому, вдумчивому, критическому анализу процесса. Она написана не с русской, а с объективистской, абстрактной точки зрения. Специальной научной русской работы, посвященной уступке Русской Америки, пока что не написано» (Пыхтин 2005: 144). Кремлёв делает еще более эмоциональное высказывание насчет Болховитинова: «В сорок первом году за такие “рассуждения” ставили к стенке. Сегодня – дают гранты. Ведь идейно он ничем не отличается от продавших Русскую Америку стеблей, рейтернов и краббе» (Кремлёв 2005: 578).

Обвиняя академических авторов, которых они с иронией называют «хранителями универсальных человеческих ценностей», за их попытки реконструировать историю Аляски с разных точек зрения, Бушков заклеил вышеназванный трехтомный труд по истории Русской Америки как продукт «тлетворного дыхания перестройки», проект, произведенный «горластой интеллигенцией», в 1990-е гг. «получившей ненадолго возможность дурачить согражданам мозги» (Бушков 2006: 189).

Несмотря на то что в вымышленной географии и истории патриотической «Аляскианы» даты, места, события, имена свободно меняются, искажаются и даже стираются, для российского читателя эта литература в настоящее время является главным источником информации об Аляске¹⁴. Истории Аляски, написанные Бушковым, Филатовым, Керданом, Кремлёвым и Мироновым, широко доступны в книжных магазинах и, конечно, в публичных и университетских библиотеках. Эта литература является естественной производной патриотических настроений, охвативших многих россиян после «унизительных» 1990-х. Вышеназванные авторы, часть которых состоит в радикальных националистических организациях, обслуживают эти настроения. Так, один из них (Кердан) прямо подчеркивает, что движущей силой, подтолкнувшей его к написанию своего романа о русских исследователях Аляски, было желание «сохранить русскую самобытность». Этот отставной советский полковник, превратившийся в плодовитого приключенческого писателя, также добавляет, что поскольку Россия сейчас нуждается в национальной идее, важно оглянуться и хорошенько подумать о тех временах, когда пассионарность¹⁵ русского народа была на подъеме (Кердан 2003: 498).

Книги и статьи, рассмотренные в данной работе, – отражение так называемой патриотической печатной продукции, во все большей мере формирующей сегодня восприятие истории как среди интеллектуальных элит, так и среди широких масс российской публики. Также очевидно, что значительная часть этой продукции питается осколками имперского национализма. Об этой естественной интеллектуальной реак-

ции государствообразующего русского этноса на неожиданный коллапс Советского Союза и его последующее унижение со стороны местного национализма в странах ближнего зарубежья уже много писалось и говорилось. Как отражение этих настроений сегодня книжный рынок России и ее интернет-пространство наводнены текстами, проповедующими особую культурно-историческую миссию России, вскрывающими различные антирусские «заговоры» и рисующими апокалиптические картины упадка Запада. Подобные книги и статьи уже давно стали неотъемлемой частью российского культурного мейнстрима. Все вместе они формируют образ России, которая в глазах российского читателя все больше выглядит как «национальная крепость», осажденная различными недругами (рис. 10).

Рис. 10. Памятный знак, установленный летом 2016 г. в г. Евпатория (Крым), с надписью: «В назидание потомкам! Мы вернули Крым, вам вернуть Аляску»

Примечания

¹ Как отмечают многие наблюдатели, мнение о том, что у России нет иного выбора, кроме как противостоять Соединенным Штатам, разделяется повсеместно как элитой общества, так и широкими слоями населения (Laruelle 2008: 11).

² Более того, писатель С. Казаков прямо говорит: то, что он называет российским «политическим мазохизмом», началось с тех пор, как Россия продала Аляску США (Казаков 2007: 201).

³ Примечательно, что в 1932 г. С. Марков стал одной из жертв ОГПУ по делу так называемой Сибирской бригады – молодых литераторов, симпатизировавших областническим и колониально-имперским идеям в противовес еще господствовавшим тогда официальным левацким классовым установкам. Поскольку это имело место до начала

«большого террора», Марков и несколько других членов «бригады» отделались тремя годами ссылки. Примечательно также, что все последующие годы, когда в сталинском СССР постепенно возобладали национал-большевистский тренд, Марков уже никак не пострадал, хотя одного из его друзей по кружку все же расстреляли в 1937 г. в рамках выполнения плана по расстрелам.

⁴ С 1947 г. книга многократно переиздавалась, и ее общий тираж достиг одного миллиона экземпляров. В последнее издание вошли два произведения: «Юконский ворон» и «Летопись Аляски» (Марков 2001).

⁵ Примечательно, что после погружения в этот роман один из читателей так проникся патристическими мифами о «нашей» Аляске, что решил поделиться своими эмоциями в онлайн-обзоре книги: «Читаешь эту книгу и плакать хочется! Так замечательно показал автор русскую трагедию – дурачки-бессмысленную и подлую продажу за копейки жалкие богатейшей нашей территории – Русской Америки! Вся она усыпана костями русских людей, полита реками их крови и пота. И вот так бездарно “распорядиться” мог только “великий реформатор” Александр Второй. Прочтите и почувствуете, каково это, когда землю с могилами ваших предков (а ведь там уже были открыты и золото, и уголь, и нефть) отдают без войны чужакам и вы вынуждены бросать все и уезжать». Последнее предложение хорошо передает нынешние настроения тех русских, кто оплакивает утрату советской империи, и тех, кто вынужден был покинуть страны «ближнего зарубежья», спасаясь от всплесков местного национализма, развернувшегося там после 1991 г. (Рецензии...).

⁶ Группа «Любэ» способствовала усилению ультрапатристических настроений, исполнив эту песню в своем музыкальном видеоклипе, в котором представлен ряд ярких символов: пистолет, выстреливающий Аляску с карты США; лидер группы, одетый в военную форму, строго смотрящий в бинокль на американский берег, и марширующие солдаты Красной армии раннего советского времени (Группа «Любэ», видеоклип).

⁷ См. исследование исторического эпизода (легенда о зараженных оспой одеялах), который породил миф о планомерной «бактериологической войне» против индейцев (Ranlet 2000). Попутно хочется заметить, что этот миф, который был запущен левой исторической беллетристикой США в 1970–1980-е гг., до сих пор пользуется популярностью у «индейских патриотов», которые винят «гнилой» Запад во всех мыслимых и немыслимых грехах.

⁸ Подробное описание русско-тлинкитских отношений, в том числе вооруженных столкновений и атаки на Ситку в 1855 г., см.: (Гринев 1991; Кап 1999). Кроме этого, историк Александр Зорин выпустил специальную работу, целиком посвященную тлинкитской войне против российских колонистов (Зорин 2002). Оба исследователя едины во мнении, что РАК никогда не имела какого-либо контроля над этой крупной группой индейского населения Аляски.

⁹ Хотя Филатов не приводит своих источников, в частности по Розенбергу, с большой долей вероятности могу утверждать, что эти размышления он основывает на информации, полученной им на еврейском веб-портале, где размещено эссе «Еврейские торговцы купили Аляску» Марии Лифшиц, которая с гордостью описывает роль евреев в истории Аляски. Стараясь выпятить роль своих соплеменников в освоении этой территории, она собрала воедино все имена, включая и такие немецко-прибалтийские фамилии, как Розенберг, которые сочла еврейскими (Лифшиц 2002). Если мое предположение верно, это может служить интересным примером того, как противоборствующие националистические мифологии взаимно обогащают и питают друг друга.

¹⁰ Наряду с кланом Ротшильдов и иудеями-масонами, «агент влияния» – еще одна популярная метафора в современном российском патристическом дискурсе. Этим выражением они часто клеймят политиков, писателей и работников культуры, ориентирующихся на западную культурную и политическую традицию и стремящихся к интеграции России в западноевропейское цивилизационное пространство.

¹¹ Другую экзотическую версию «еврейского заговора» по поводу «похищения» у России Аляски можно найти в статье Александра Зинухова (Зинухов 2000), а также в книге «Загадки и легенды русской истории» С. Казакова (Казаков 2007: 196, 198). Они утверждают, что через своих «агентов влияния» некий Август Бельмонт, банкир, представляющий клан Ротшильдов, воздействовал на решение Константина продать Аляску.

¹² О действительных причинах, приведших к продаже Аляски, см.: (Болховитинов 1987, 1998; Grinev 2004).

¹³ Интересно отметить, в плане сравнения, что в современной американской историографии Аляски появилось множество попыток переписать историю этой территории с точки зрения индейцев, алеутов и прочих «униженных и оскорбленных». Этот индейский «патриотический» нарратив преподносит русских, американцев и англичан исключительно как хищников и грабителей, а коренные народы рисуются «белыми» и «пушистыми», защитниками природы и обладателями самой духовной религии. См., например: (Williams 2009). Подобные работы являются естественным отражением идеологии мультикультурализма, ныне популярной в гуманитарном мейнстриме США. Подобно патриотической историографии и евразийству в России, идеология мультикультурализма замешана на конспиралогии, возвеличивании особой духовности и коллективизма коренных народов и стойком презрении к западной цивилизации.

¹⁴ Примечательное исключение составляет книга Рокота «Князь Русской Америки» (Рокот 2007). Хотя автор главным образом уделяет внимание фигуре Дмитрия Максимова, последнего главного администратора Русской Америки, он одновременно дает хорошо изложенный и сбалансированный обзор всей истории Аляски, когда она еще была частью Российской империи. Рокоту особенно хорошо удалось показать, что колонизация Русской Америки была мультиэтничным проектом. Среди популярных историй Аляски, изданных в России, это, пожалуй, один из немногих текстов, свободных от истерических выпадов против «зловредного Запада» и «иудейско-масонских» кругов. Автор даже идет дальше и намекает на то, что считает свою книгу вызовом агрессивным патриотическим писателям, захватившим в последнее время тему Русской Америки.

¹⁵ Выражение «пассионарность» – это отсылка к одному из столпов ныне популярной идеологии евразийства – Льву Гумилёву (1912–1992). Наиболее полный анализ взглядов Гумилёва см.: (Laruelle 2008: 10–11, 50–82).

Литература

- Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1999.
- Black L. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks, AK: University of Alaska Press, 2004.
- Chamberlain L. Motherland: A Philosophical History of Russia. New York: The Rockery Press, 2007.
- Grinev A. Why Russia Sold Alaska: The View from Russia // Alaska History. 2004. № 1–2. P. 1–22.
- Harper's Magazine. 1873. Vol. 47. P. 42.
- Kan S. Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Orthodox Christianity through Two Centuries. Seattle; London: University of Washington Press, 1999.
- Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2008.
- Miller A. The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism // Imperial Rule / ed. Alexei Miller and Alfred J. Rieber. Budapest and New York: Central European University Press, 2004.
- Ranlet P. The British, the Indians, and Smallpox: What Actually Happened at Fort Pitt in 1763? // Pennsylvania History. 2000. Vol. 67, No. 3. P. 427–441.
- Washington Post. 2005.

- Williams M.* (ed.) *The Alaska Native Reader: History, Culture, Politics.* Durham, NC: Duke University Press, 2009.
- Уэтерер F.* An Artist in Alaska // *Harper's Magazine.* 1869. Vol. 38. P. 590.
- Азранат Г.А.* Об освоении русскими Аляски // *Летопись Севера.* 1971. № 5. С. 180–193. *АиФ.* 2014.
- Антонова Т.В.* Программа «Политической новизны» великого князя Константина Николаевича Романова // *Локус.* 2010. № 1.
- Бадигин К.* Ключи от заколдованного замка. Саранск: Кворум, 1993.
- Болховитинов Н.Н.* Как продали Аляску // *Международная жизнь.* 1987. № 7. С. 120–131.
- Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990.
- Болховитинов Н.Н.* (ред.) *История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т.* М.: Международные отношения, 1997–1999.
- Болховитинов Н.Н.* Еще раз о продаже Аляски // *США. Экономика, политика, идеология.* 1998. № 10. С. 94–103.
- Бушков А.* *Русская Америка: слава и позор.* М.: Нева, 2006.
- Виньковецкий И.* *Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867 гг.* М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Головин В.М.* *Сочинения.* М.; Л., 1949. С. 335.
- Гринев А.* Российский политаризм как главная причина продажи Аляски // *Acta Slavica Iaropica.* 2005. № 23.
- Гринев А.* Русская Америка в 1850-е годы и Крымская война // *История Русской Америки, 1732–1867 / ред. Н. Болховитинов.* М.: Международные отношения, 1997–1999. Т. 3.
- Гринев А.В.* Динамика высшей управленческой элиты Российско-американской компании // *Клио.* 2002. № 3. С. 72–84. URL: <http://america-xix.org.ru/library/grinev-elite/> (дата обращения: 03.05.2016).
- Гринев А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-е, 1991.
- Гринев А.В.* Русская колонизация Аляски: некоторые тенденции советской историографии // *Американские индейцы: новые факты и интерпретации / под ред. В. Тишкова.* М.: Наука, 1996.
- Группа «Любэ».* «Не валяй дурака, Америка», видеоклип. URL: <http://www.youtube.com/user/kunschikov> (дата обращения: 03.12.2008).
- Дивин В.* *Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке.* М.: Мысль, 1971.
- Дугин А.* Нам все нужно // *Россия.* 2005. № 48. URL: <http://www.evrazia.info/> (дата обращения: 03.03.2008).
- Жданович Р.* К вопросу о продаже Аляски // *Арт & Факт.* 2007. № 3 (7). URL: <http://artifact.org.ru/content/view/345/80/> (дата обращения: 05.08.2008).
- Загоскин Л.* Пешеходная опись части русских владений в Америке: произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах: в 2 т. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1847–1848.
- «Запевала». Музыка Г. Фельдмана, слова А. Ситковского (1951 г.), исполняет И. Скобцов. URL: <http://www.sovmusic.ru/> (дата обращения: 03.05.2016).
- Зинухов А.* Как продали Аляску // *Совершенно секретно.* 2000. № 4. С. 2–27.
- Зорин А.* *Индейская война в Русской Америке.* Курск: Курский гос. мед. ин-т, 2002.
- Зуев-Ордынец М.* *Последний год.* Калининград: Калининград. книжн. изд-во, 1961. 1-е изд.; Новосибирск: Новосиб. книжн. изд-во, 1966. 2-е изд.; Новосибирск: Новосибир. книжн. изд-во, 1995. 3-е изд.; М.: Вече, 2005. 4-е изд.
- Казаков С.* *Загадки и легенды русской истории.* Ростов н/Д: Феникс, 2007.

- Как и зачем Россия продала Аляску? // Аргументы и факты. 2014. 17 апр. URL: http://www.aif.ru/dontknows/file/kak_i_zachem_rossiya_prodal_a_alyasku (дата обращения: 05.10.2015).
- Кердан А. Берег отдаленный. Екатеринбург: Сократ, 2003.
- Кориунов Ю. Россия какой она могла бы быть: история приобретений и потерь заморских территорий. М.: Эксмо, 2007.
- Кратт И. Остров Баранова. М.: Военное издательство министерства вооруженных сил СССР, 1946.
- Кратт И. Остров Баранова // Звезда. 1945. № 1. С. 29–63; № 2. С. 51–71; № 3. С. 83–101; № 4. С. 31–57.
- Кратт И. Остров Баранова // Кратт И. Великий океан. М.: Правда, 1989.
- Кремлев С. Русская Америка: открыть и продать. М.: Яуза, 2005.
- Лешуков В. Почему нынче Аляска // Русский журнал. 2005. 15 дек.
- Лифшиц М. Еврейские торговцы купили Аляску, 2002. URL: <http://www.ijs.ru/istoki68.html> (дата обращения: 02.12.2008).
- Ляпунова Р. Очерки по этнографии Алеутов: конец XVIII – первая половина XIX в. Л.: Наука, 1975.
- Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968.
- Марков С. Русские на Аляске. М.: Военное издательство министерства вооруженных сил СССР, 1946.
- Марков С. Юконский ворон. М.: Сов. писатель, 1947.
- Марков С. Юконский ворон; Летопись Аляски. М.: ТЕПРА, 2001.
- Миронов И. Без Аляски // Родина. 2001. № 3. URL: <http://www.istrodina.com> (дата обращения: 05.08.2008).
- Миронов И. Роковая сделка: как продавали Аляску. М.: Алгоритм, 2007.
- Миронов И. Как продавали Русскую Америку // Мнение ТВ. 2015. 25 сентября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=idWkv20FzCU> (дата обращения: 03.05.2016).
- Миронов И. Продажа Аляски: мифы и факты: презентация на конференции «Фальсификации российской истории», Российская национальная библиотека, 24 окт., 2013. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_9K2Ub1npvU (дата обращения: 04.01.2016).
- Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л.: Соцэкгиз, 1939.
- Петров А.Ю. Деньги, полученные от продажи Аляски США, пошли на железнодорожное строительство в России // Американский ежегодник. М., 2004.
- Пыхтин С. Как продавали Аляску: темная сторона русско-американских отношений с 1824 по 1867 г. // Москва. 2005. № 8. С. 144–165. URL: <http://www.rusk.ru/> (дата обращения: 03.03.2008).
- Пядышев В.П. Географический атлас Российской Империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского, расположенный по губерниям на двух языках. СПб., 1823. Л. 58.
- Рецензии и отзывы на книгу «Последний год» // Интернет-магазин Лабиринт.ру. URL: <http://www.labirint-shop.ru/books/90246> (дата обращения: 15.08.2008).
- Рокот В. Князь Русской Америки: Дмитрий Петрович Максutow. М.: Центрполиграф, 2007.
- Филатов В. Новые иудейские войны. М.: Алгоритм, 2007.
- Чесноков Э. Мнение историка: не продай мы Аляску, русский десант стоял бы под Лос-Анджелесом // Комсомольская правда. 2016. 30 марта. URL: <http://m.kp.ru/daily/26510/3379393/> (дата обращения: 05.10.2015).

Znamenski Andrei A.

ALASKA IN MODERN RUSSIAN GEOPOLITICAL RHETORIC

Abstract. The article explores the issue of Russian America and its sale to the United States as represented in Russian popular historical fiction that uncovers not so much the history of the Russian presence in North America but rather constitutes a window into the symbolic geography and history constructed by current Russian nationalist media. It seeks to identify the source of keen attention to the Russian presence in northwestern North America through the analysis of the print media that shape Russian understanding of Alaska. The major argument of the article is that the rhetorical outbursts around such marginal and obscure topic as Russian America originated from the very nature of current Russian nationalism, which is still heavily entangled with the idea of empire. Although the imperial component has been increasingly undermined by dissent nationalists, who assail geopolitical and foreign policy schemes of their empire-oriented colleagues, it remains the dominant trend in current Russian nationalism. It is also argued that the disproportional attention to the history of Russian presence in northwestern North America compared, say, to the nineteenth-century Russian expansion to Central Asia and the Far East clearly points to the large role anti-Americanism plays in the development of current Russian nationalism.

Keywords: Russian America (Alaska), sale of Alaska, empire, Russian nationalism, Russia, USA

DOI: 10.17223/2312461X/13/4

References

- Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1999.
- Black L. *Russians in Alaska, 1732–1867*. Fairbanks, AK: University of Alaska Press, 2004.
- Chamberlain L. *Motherland: A Philosophical History of Russia*. New York: The Rockery Press, 2007.
- Grinev A. Why Russia Sold Alaska: The View from Russia, *Alaska History*, 2004, no. 1–2, pp. 1–22.
- Harper's Magazine*, 1873, Vol. 47. pp. 42.
- Kan S. *Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Orthodox Christianity through Two Centuries*. Seattle and London: University of Washington Press, 1999.
- Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2008.
- Miller A. The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism, *Imperial Rule*. Ed. by Alexei Miller and Alfred J. Rieber. Budapest and New York: Central European University Press, 2004.
- Ranlet P. The British, the Indians, and Smallpox: What Actually Happened at Fort Pitt in 1763? *Pennsylvania History*, 2000, Vol. 67, no. 3, pp. 427–441.
- Washington Post*. 2005.
- Williams M. (ed.) *The Alaska Native Reader: History Culture, Politics*. Durham, NC: Duke University Press, 2009.
- Wymper F. An Artist in Alaska. *Harper's Magazine*, 1869, Vol. 38, pp. 590.
- «Zapevala». Muzyka G. Fel'dman, slova A. Sitkovskii (1951 g.), ispolniaet I. Skobtsov [‘Leading Singer’. Music by G. Feldman, lyrics by A. Sitkovskiy (1951), performed by I. Skobtsov]. Available at: <http://www.sovmusic.ru/> (Accessed 03.05.2016).
- Agranat G.A. Ob osvoenii russkimi Aliaski [On the exploration of Alaska by the Russians], *Letopis' Severa*, 1971, no. 5, pp. 180–193.

- Antonova T.V. Programma «Politicheskoi novizny» velikogo kniazia Konstantina Nikolaevicha Romanova [The 'political innovation' programme by Grand Duke Konstantin Nikolaevich Romanov], *Lokus*, 2010, no. 1.
- Badigin K. *Kliuchi ot zakoldovannogo zamka* [The keys to the enchanted castle]. Saransk: Kvorum, 1993.
- Bolkhovitinov N.N. Kak prodali Aliasku [How Alaska was sold], *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 1987, no. 7, pp. 120–131.
- Bolkhovitinov N.N. *Russko-amerikanskii otnosheniia i prodazha Aliaski, 1834–1867* [The Russian-American relations and the sale of Alaska, 1834–1867]. Moscow: Nauka, 1990.
- Bolkhovitinov N.N. (red.) *Istoriia Russkoi Ameriki, 1732–1867: V 3 tomakh* [The history of Russian America (1732–1867)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1997–1999.
- Bolkhovitinov N.N. Eshche raz o prodazhe Aliaski [Once again on the sale of Alaska], *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya*. 1998, no. 10, pp. 94–103.
- Bushkov A. *Russkaia Amerika: slava i pozor* [Russian America: glory and disgrace]. Moscow: Neva, 2006.
- Vin'kovetskii I. *Russkaia Amerika: zaokheanskaiia koloniia kontinental'noi imperii, 1804–1867 gg.* [Russian America: an overseas colony of the continental empire, 1804–1867]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.
- Golovin V.M. *Works*. Moscow, Leningrad, 1949.
- Grinev A. Rossiiskii politarizm kak glavnaia prichina prodazhi Aliaski [Russian politarism as the main reason for selling Alaska], *Acta Slavica Iaponica*, 2005, no. 23.
- Grinev A. Russkaia Amerika v 1850-e gody i Krymskaia voina [Russian America in the 1850s and the Crimean War], *Istoriia Russkoi Ameriki, 1732–1867* [The history of Russian America, 1732–1867]. Ed. by N. Bolkhovitinov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1997–1999. Vol. 3.
- Grinev A.V. Dinamika vysshei upravlencheskoi elity Rossiisko-amerikanskoi kompanii [The dynamics of the higher managerial elite of the Russian-American company], *Klio*, 2002, no. 3, pp. 72–84. Available at: <http://america-xix.org.ru/library/grinev-elite/> (Accessed 03.05.2016).
- Grinev A.V. *Indeitsy tlinkity v period Russkoi Ameriki (1741–1867 gg.)* [Tlingit Indians in the times of Russian America (1741–1867)]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e, 1991.
- Grinev A.V. Russkaia kolonizatsiia Aliaski: nekotorye tendentsii sovetskoi istoriografii [The Russian colonization of Alaska: some trends in the Soviet historiography], *Amerikanskii indeitsy: novye fakty i interpretatsii* [American Indians: new facts and interpretations], ed. by V. Tishkova. Moscow: Nauka, 1996.
- Gruppa «Liube», «Ne valiai duraka, Amerika», videoklip [The band 'Lube', 'Don't fool around, America', a video clip]. Available at: <http://www.youtube.com/user/kunschikov> (Accessed 03.12.2008).
- Divin V. *Russkie moreplavaniia na Tikhom okeane v XVIII veke* [Russian sea expeditions in the Pacific in the XVIII century]. Moscow: Mysl', 1971.
- Dugin A. Nam vse nuzhno [We do need it all], *Rossia*, 2005, no. 48. Available at: <http://www.eurasia.info/> (Accessed 03.03.2008).
- Zhdanovich R. K voprosu o prodazhe Aliaski [On the sale of Alaska], *Art & Fakt*, 2007, no. 3(7). Available at: <http://artifact.org.ru/content/view/345/80/> (Accessed 05.08.2008).
- Zagoskin L. *Peshekhodnaia opis' chasti russkikh vladenii v Amerike: proizvedennaiia leitenantom L. Zagoskinym v 1842, 1843 i 1844 godakh: V 2 tomakh* [Travel account of some Russian possessions in America: produced by Lieutenant Lavrentiy Zagoskin in 1842, 1843, and 1844]. SPb.: tip. Karla Kraiia, 1847–1848.
- Zinukhov A. Kak prodali Aliasku [How Alaska was sold], *Sovershenno sekretno*, 2000, no. 4, pp. 2–27.
- Zorin A. *Indeiskaia voina v Russkoi Amerike* [The Indian war in Russian America]. Kursk: Kurskii gos. meditsinskii institut, 2002.

- Zuev-Ordynets M. *Poslednii god* [The last year]. Kaliningrad: Kaliningradskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. 1-e izd.; Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 2-e izd.; Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 3-e izd.; Moscow: Veche, 2005. 4-e izd.
- Kazakov S. *Zagadki i legendy russkoi istorii* [Secrets and legends of the Russian history]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2007.
- Kak i zachem Rossiia prodala Aliasku? [How and why did Russia sell Alaska?] *Argumenty i fakty*, 2014, 17 April. Available at: http://www.aif.ru/dontknows/file/kak_i_zachem_rossiya_prodala_alysku (Accessed 05.10.2015).
- Kerdan A. *Bereg otdalennyi* [Faraway coast]. Ekaterinburg: Sokrat, 2003.
- Korshunov Iu. *Rossiia kakoi ona mogla by byt': istoriia priobretenii i poter' zamorskikh territorii* [Russia as it could have been: the history of gains and losses of overseas territories]. Moscow: Eksmo, 2007.
- Kratt I. *Ostrov Baranov* [The Island of Baranov]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo ministerstva vooruzhennykh sil SSSR, 1946.
- Kratt I. Ostrov Baranova [The Island of Baranov], *Zvezda*, 1945, no. 1, pp. 29–63; no. 2, pp. 51–71; no. 3, pp. 83–101; no. 4, pp. 31–57.
- Kratt I. Ostrov Baranova [The Island of Baranov], Kratt I. *Velikii ocean* [The great ocean]. Moscow: Pravda, 1989.
- Kremlev S. *Russkaia Amerika: otkryt' i prodat'* [Russian America: to discover and to sell]. Moscow: Iauza, 2005.
- Leshukov V. Pochem nynche Aliaska [How much is Alaska?], *Russkii zhurnal*, 2005, 15 Dec.
- Lifshits M. *Evreiskie torgovtsy kupili Aliasku* [The Jewish merchants bought Alaska]. 2002. Available at: <http://www.ijc.ru/istoki68.html> (Accessed 02.12.2008).
- Liapunova R. *Ocherki po etnografii Aleutov: konets XVIII – pervaiia polovina XIX v.* [Essays on the ethnography of Aleuts: the late XVIII to the first half of the XIX centuries]. Leningrad: Nauka, 1975.
- Makarova R.V. *Russkie na Tikhom okeane vo vtoroi polovine XVIII v.* [Russians in the Pacific in the second half of the XVIII century]. Moscow: Nauka, 1968.
- Markov S. *Russkie na Aliaske* [Russians in Alaska]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo ministerstva vooruzhennykh sil SSSR, 1946.
- Markov S. *Iukonskii voron* [Yukon Raven]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1947.
- Markov S. *Iukonskii voron; Letopis' Aliaski* [Yukon raven; the Chronicles of Alaska]. Moscow: TERRA, 2001.
- Mironov I. Bez Aliaski [Without Alaska], *Rodina*, 2001, no. 3. Available at: <http://www.istrodina.com/> (Accessed 05.08.2008).
- Mironov I. *Rokovaia sdelka: kak prodavali Aliasku* [The fateful deal: how Alaska was sold]. Moscow: Algoritm, 2007.
- Mironov I. *Prodazha Aliaski: mify i fakty: prezentatsiia na konferentsii «Fal'sifikatsii rossiiskoi istorii», Rossiiskaia natsional'naia biblioteka, 24 oktiabria, 2013* [The sale of Alaska: myths and facts: a paper presentation at the conference 'Falsification of Russian History', Russian National Library, October 24, 2013]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=_9K2Ub1npvU (Accessed 04.01.2016).
- Mironov I. *Kak prodavali Russkuiu Ameriku* [How Russian America was sold], *Mnenie TV*, 2015, 25 Sept. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=idWkv20FzCU> (Accessed 03.05.2016).
- Okun' S.B. *Rossiisko-amerikanskaia kompaniia* [The Russian-American company]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz, 1939.
- Petrov A.Iu. Den'gi, poluchennye ot prodazhi Aliaski SShA, poshli na zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v Rossii [Money received as a result of the sale of Alaska to the USA was spent on the Russian railroad construction], *Amerikanskii ezhegodnik*. Moscow, 2004.
- Pykhtin S. *Kak prodavali Aliasku: temnaia storona rusko-amerikanskikh otnoshenii s 1824 po 1867 gg.* [How Alaska was sold: the dark side of the Russian-American relations from

- 1824 to 1867], *Moskva*, 2005, no. 8, pp. 144–165. Available at: <http://www.rusk.ru/> (Accessed 03.03.2008).
- Piadyshch V.P. *Geographical Atlas of the Russian Empire, The Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland, divided into governorates, in two languages*. St. Petersburg, 1823.
- Retsenzii i otzvyvy na knigu «Poslednii god»* [Reviews of and comments on the book ‘The last year’], Internet-magazin Labirint.ru. Available at: <http://www.labirint-shop.ru/books/90246> (Accessed 15.08.2008).
- Rokot V. *Kniaz' Russkoi Ameriki: Dmitrii Petrovich Maksutov* [The Duke of Russian America: Dmitriy Petrovich Maksutov]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007.
- Filatov V. *Novye iudeiskie voyny* [New Jewish wars]. Moscow: Algoritm, 2007.
- Chesnokov E. Mnenie istorika: ne prodai my Aliasku, russkii desant stoial by pod Los-Andzhelesom [A historian's view: if we had not sold Alaska, Russian troops would have been near Los Angeles now], *Komsomol'skaia Pravda*, 2016, 30 March. Available at: <http://m.kp.ru/daily/26510/3379393/> (Accessed 05.10.2015).

УДК 327 (470:73)

DOI: 10.17223/2312461X/13/5

СИБИРСКИЕ ПИСЬМА ДЖОРДЖА КЕННАНА-СТАРШЕГО, 1866–1867 гг.*

Сьюзан Смит-Питер

Аннотация. Джордж Кеннан-старший (1845–1924) является ключевой фигурой в истории российско-американских отношений и первым американским экспертом по России. Его карьера была тесно связана с Сибирью: именно здесь он впервые побывал в России в рамках проекта компании «Вестерн Юнион» по строительству телеграфа в 1865–1867 гг., целью которого было соединить Европу и Северную Америку не посредством трансатлантического кабеля, а через Берингов пролив. После успешной реализации проекта сибирская экспедиция завершилась. Письма, представленные здесь, были написаны Дж. Кеннаном в ходе этой экспедиции. В 1865 г. ему было всего лишь 20 лет. В письмах можно увидеть впечатления Кеннана от сибирской природы, от общения с людьми, его увлеченность и способности к наблюдению, раскрывшиеся в труде «Палаточная жизнь в Сибири» – частично основанном на этих письмах классическом произведении американской литературы о путешествиях XIX в. У Кеннана, как и у других американцев в середине XIX в., было положительное представление о России. Его мнение изменилось после того, как он столкнулся с сибирскими тюрьмами. Свои впечатления от этих встреч он изложил в произведении «Сибирь и ссылка» (1891). Опыт пребывания в Сибири является ключом к пониманию жизни и деятельности Кеннана в качестве преподавателя, писателя и эксперта по России.

Ключевые слова: Джордж Кеннан, Сибирь, телеграф, Россия, США

Джордж Кеннан-старший является первым американским экспертом по России; его именем назван Институт Кеннана в Вашингтоне (США, Округ Колумбия). Среди основателей Института был его племянник – Джордж Фрост Кеннан (1904–2005), ведущий эксперт по России времен холодной войны. Кеннан-старший сыграл исключительно важную роль в истории русско-американских отношений. В период с 1776 до середины 1880-х гг. Россия и Америка являлись, по меткому замечанию одного исследователя, «дальними друзьями» (Saul 1991). Обе страны поддерживали сдержанно дружеские отношения. Проявлением добрых чувств в этих отношениях можно считать, например, переписку между Томасом Джефферсоном и Императором

* Данная работа была впервые опубликована в тематическом выпуске Института Кеннана № 310, доступном по адресу: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-siberian-letters-george-kennan-the-elder-1866-1867-2016>.

Александром I, а также визит русских военно-морских сил в порт Нью-Йорка в 1863 г., воспринятый как знак поддержки Россией Севера в американской Гражданской войне.

Александра II, отменившего крепостное право в 1861 г., часто сравнивали с Авраамом Линкольном (Saul 1991). И русские, и американцы нередко сравнивали друг с другом Сибирь и американский Запад и видели в них землю будущего (Bassin 1999). В 1880-е гг. Кеннан стал инициатором серьезного сдвига в американском общественном мнении в отношении России – от в целом позитивного к более критическому и скептическому. Причиной этого сдвига стало знание о том, как российское правительство обращается с политическими заключенными в Сибири. В качестве такового оно утвердилось на долгое время (Good 1982; Travis 1990; Fogelsong 2007). Тем не менее Кеннан продолжал уважать русский народ и возлагать на него большие надежды.

Цель данной работы – оживить образ Кеннана-старшего посредством его писем из первого путешествия в Сибирь. Кеннан отправился работать в составе экспедиции по проекту «Русско-американский телеграф» с 1865 по 1867 г. в один из самых суровых регионов мира, когда ему было всего 20 лет. Он родился в 1845 г. и, согласно его неопубликованной автобиографии, рано заинтересовался путешествиями. «До того, как мне исполнилось 5 лет, – писал Кеннан, – у меня был целый флот маленьких деревянных кораблей – грузовых, военных – а также пиратов, изготовленных отцом или вырезанных мною из бруса; их я использовал для совершения плаваний через ковер в столовой комнате к тропическим портам позади печки или к арктическим берегам в пустующей спальне, где не было камина» (Daniloff 1999: 604–605). В 12 лет, вследствие финансовых проблем, с которыми столкнулась его семья, Кеннан был вынужден оставить школу и стал работать телеграфистом. В то время телеграф, транслировавший информацию посредством азбуки Морзе, связал мир воедино и позволял быстро передавать новости всюду, где были телеграфные провода.

Жизнь самого Кеннана оказалась тесно связана с телеграфом; как он впоследствии размышлял: «Сети окружения... в которые я попался в самом раннем детстве, были сетями телеграфных проводов... Именно телеграф сделал из меня помощника кормильца семьи, моего отца, до того, как мне исполнилось 12 лет; главным образом из-за телеграфа я не получил университетского образования, именно благодаря телеграфу я впервые отправился в Сибирь; он сделал меня путешественником, исследователем и пробудил во мне интерес к России; телеграфу я обязан своим вхождением в журналистику, литературу и преподавание. Порой я странствовал в далеких краях, но телеграфной линией, ее воздействием я всегда и всюду был связан» (Travis 1990: 4).

Кеннану пришлось рано повзрослеть и стать добытчиком для семьи; это не давалось ему легко из-за незавершенного обучения, пробелы в котором он самостоятельно восполнял ненасытным чтением, а также из-за испытываемого им чувства необходимости быть мужчиной, в то время как в действительности он все еще оставался мальчиком. К этому добавились другие испытания: в 13 или 14 лет он стал свидетелем страшной процедуры ампутации, спровоцировавшей у него приступ тошноты и слабости (Travis 1990: 8; Daniloﬀ 1999: 601). Вдобавок, в силу юного возраста и по состоянию здоровья, его не взяли в ряды армии Севера, что заставило Кеннана усомниться в собственной мужественности. В итоге он поступил на службу в Военный телеграфный корпус, работая на Север, но не имея возможности принимать участие в военных действиях и проявить свою храбрость (Travis 1990: 6).

После службы в разных местах долгие часы за телеграфным ключом, которые он проводил в Цинциннати в 1863–1864 гг., начинают угнетать его. Кеннан целенаправленно испытывает себя, гуляя после окончания своего рабочего дня в два часа пополудни по неприветливым улицам все еще пограничного городка и наблюдая за опасными происшествиями, например, за тем, как кому-то перерезают горло; таким образом, приступы головокружения проходят. Однако этого было недостаточно. Он понимает, что нервный срыв неизбежен, если он не покинет Цинциннати (Travis 1990: 7). Узнав о возможности поехать в Сибирь в рамках масштабного проекта по соединению Европы и Америки с помощью телеграфной линии, он не мог не воспользоваться этим шансом.

Телеграфные сети в Америке и Европе в 1830-е гг. развивались быстрыми темпами, но здесь имелись большие недоработки. Так, не существовало способа прямого телеграфного сообщения между двумя континентами, что означало, что новости нередко устаревали на недели и месяцы до прибытия кораблей, доставлявших их. Тот, кто первым сумел бы организовать такое сообщение, имел возможность стать технологическим лидером и мог установить высокую плату за пользование сетями, по крайней мере, до тех пор, пока конкурентам не удастся сделать то же самое. Было предпринято несколько попыток проложить телеграфный кабель по дну Атлантического океана, однако различного рода проблемы не позволили добиться успеха (Gordon 2003). Сайрус Филд работал над выполнением этой задачи со стороны Атлантики, Перри Коллинз же предложил связать телеграфные сети Соединенных Штатов и России через Канаду, Русскую Америку (с 1867 г. известную как Аляска) и далее, через Берингов пролив, с Сибирью (Dwyer 2001).

Несмотря на серьезные трудности, Коллинз смог достичь соглашения между британскими и русскими властями по данному вопросу и извлечь из этого выгоду, продав соглашение компании «Вестерн Юни-

он». Кеннан присоединился к сибирской группе компании, известной под названием экспедиции «Русско-американский телеграф», и стал самым видным американским путешественником по Сибири после Джона Ледьярда, который странствовал по этому региону в 1787 и 1788 гг. (Ledyard 1966). Кеннан, желавший на деле доказать свое мужество, посчитал, что испытание Сибирью – это то, что ему было нужно.

Трудностей, с которыми ему пришлось здесь столкнуться, действительно, оказалось немало. Первый этап путешествия по Камчатке был изнурительным (и бессмысленным, так как телеграфная линия здесь не проходила). Работа при минусовых температурах изматывала, но была необходима, поскольку в теплые месяцы тундра становилась слишком сырой для установки телеграфных столбов. Неэффективное управление внутри компании «Вестерн Юнион» привело к тяжелому положению участников экспедиции: начался голод, и только Кеннан, не без риска для самого себя, сумел прийти им на помощь. Вдобавок к этому корабли снабжения, которых они ждали в течение нескольких месяцев, прибыли слишком поздно, застряв во льдах и вынудив Кеннана, ответственного за подразделение, базировавшееся в Гижиге на Охотском море, разделить свои истощающиеся припасы с экипажем.

В 1866 г., после успешной прокладки трансатлантического кабеля, компания «Вестерн Юнион» приняла решение завершить проект по строительству телеграфа, однако Кеннан получил известие об этом лишь почти год спустя. Он вложил *большую* часть своих сбережений в акции данного проекта и мог бы обменять их на обычные акции компании, но узнал о завершении проектных работ слишком поздно (Travis 1990: 18) и, таким образом, потерял *большую* часть своих средств, а также возможность выплатить долги своего отца и создать основу собственного финансового благополучия.

Тем не менее, несмотря на все трудности, Сибирь стала его судьбой. В 1870 г. он опубликовал свой труд «Палаточная жизнь в Сибири», который был многократно переиздан и оценивается специалистами как одно из великих произведений XIX в. о путешествиях (Wrobel 2015). В книге Кеннан предстает как отважный путешественник, и читателя впечатляют сила автора, его невозмутимость и способность к наблюдению. Эта работа принесла ему необычайный успех и на преподавательском поприще.

В приведенных ниже письмах Кеннана-старшего мы видим более сложную историю человека в разных его состояниях: игривом, сердитом, смиренном и открытом. Он часто пишет о том, что у него достаточно сил для работы в экспедиции (об этом он сообщал разным членам своей семьи), и это обнажает не покидавшее его чувство необходимости убедить в этом своих друзей и близких. Представленные здесь письма хранятся в Отделе рукописей и архивов Нью-Йоркской публич-

ной библиотеки. До сих пор они не изучались, поскольку основные работы о жизни Кеннана в этот и другие периоды опирались на более крупный его архив, находящийся в Библиотеке Конгресса. Однако именно эти письма позволяют сформировать более глубокое понимание личности Кеннана-старшего в тот период, когда он подвергался испытаниям судьбы.

Не стоит удивляться тому, что Россия в письмах Кеннана и его работе «Палаточная жизнь в Сибири» предстает в положительном свете, учитывая, что таковым было общее восприятие страны до того, как сам Кеннан инициировал сдвиг в сторону негативной оценки действий русского правительства в середине 1880-х гг. К тому же Кеннан был горячим сторонником Севера в Гражданской войне в Штатах, и, как уже упоминалось выше, Россия также поддерживала северян. Благоприятное отношение к российскому государству объяснялось и личными мотивами Кеннана, связанными с его желанием утвердиться в качестве независимого, взрослого человека и сильного мужчины. Если бы Кеннан выражал негативное отношение к России, его читатели, возможно, подумали бы, что это – следствие его неспособности преодолеть физические трудности экспедиции, чего он, безусловно, не хотел.

Кеннан поддерживал русское правительство. Выступая в разных городах США в качестве лектора, в 1870 г. он отправился на Кавказ за дополнительным материалом для своих открытых лекций. В военных действиях русских против чеченцев и других местных горцев он видел достойную сожаления, но необходимую кампанию русской цивилизации (Kennan 2002). В начале 1880-х гг. Кеннан был уже очень хорошо известен американской публике как лектор и автор «Палаточной жизни», и в это время он направляется в Сибирь, чтобы составить собственное представление о положении ссыльных в регионе (Stults 1970).

В 1885 г. Кеннан отправился в масштабное путешествие по местам сибирской ссылки; это оказалось поворотным моментом в его жизни. Русское правительство оказало ему поддержку в данном мероприятии. В ходе поездки он встречает Николая Ядринцева, сибирского областника, который был обвинен в провозглашении независимой республики под названием «Соединенные Штаты Сибири» в 1865 г. и выслан из Сибири (von Mohrenschildt 1981: 105). Позднее Ядринцев написал труд «Сибирь как колония», в котором доказывал, что русское правительство эксплуатирует Сибирь, и куда включил информацию о масштабах и условиях ссылки. Именно он познакомил Кеннана с сибирскими политическими заключенными и ссыльными, чьи свидетельства и рассказы усилили негативное отношение Кеннана к системе ссылки (Hundley, без даты).

Так, Кеннан вернулся из поездки по Сибири признанным критиком русского правительства. Его лекции, посвященные сибирской ссылке, стали сенсацией. На свои открытые занятия он приходил в типичной

одежде сибирского ссыльного с кандалами (Wrobel 2015: 301). Кеннан стал еще более известным после выхода в 1891 г. его работы «Сибирь и ссылка», которую, по силе воздействия на читателя, часто сравнивают с произведением Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

1890-е гг. стали наиболее важными в жизни Кеннана. Он оказывал значительное влияние на общественное мнение, выступая в поддержку политических заключенных – порой смягчая их радикальные и революционные идеи – и против русского правительства. Он подчеркивал, что является критиком русского правительства точно так же, как он является другом русского народа. Он писал: «Что касается меня, то мои симпатии – на стороне русского народа, но не России царей, они – с Россией провинциальных собраний, но не с Россией тайной полиции, они с Россией будущего, но не с Россией прошлого» (Stults 1970: 276).

Политическая деятельность Кеннана, однако, была не единственным увлечением в его жизни. Во второй половине 1890-х гг. он стал отказываться от чтения лекций о ссылке, объясняя это тем, что данная тема – очень тяжелая, и вновь обратился к материалу о своих первых приключениях в Сибири в 1860-е гг. (Stults 1970: 281). Приход к власти большевиков и установление однопартийной системы в России глубоко разочаровали Кеннана, состоявшего в дружеских отношениях с представителями разных партий в стране. Кеннан ушел из жизни в 1924 г., но и по сей день он продолжает оставаться самым влиятельным экспертом по России в американской истории.

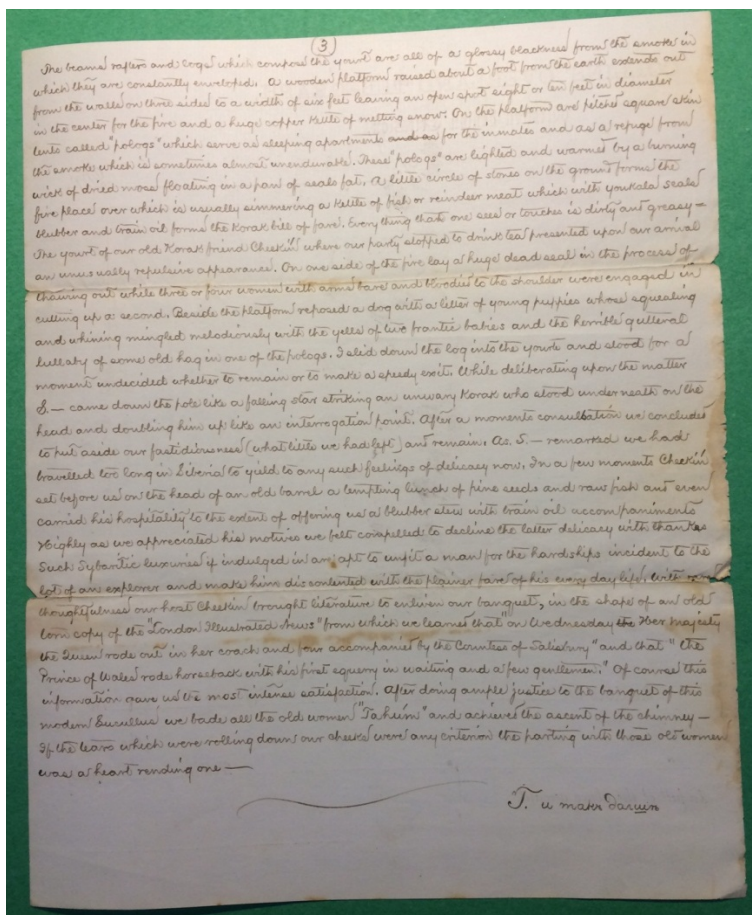
Давайте обратимся к его письмам, во время написания которых он еще не был «старшим». Он был молодым человеком, искавшим самоутверждения в приключениях.

Письма Джорджа Кеннана-старшего

Примечание С. Смит-Питер 1: В первом письме, приведенном ниже, мы видим, как Кеннан работает над описанием своих наблюдений, проявляя склонность к противопоставлениям. Здесь он сравнивает возвышенную красоту сибирской природы с грязными интерьерами полуземлянок оседлых коряков, одного из коренных народов Сибири. Письмо содержит фрагмент из записной книжки Кеннана, послужившего одним из источников для написания 21-й главы книги «Палаточная жизнь в Сибири», в которой он также дает описание жилища местного населения.

Дэвид Роубл отмечает, что Кеннану значительно больше нравились так называемые бродячие коряки, которые казались ему мужественными, сильными и независимыми, в отличие от оседлых коряков, воспринявших, по его ощущению, лишь пороки цивилизации, но не ее добродетели (Wrobel 2015: 293). В зрелом возрасте Кеннан начал выступать в поддержку прав американских индейцев на землю, пребывая, отчасти,

под влиянием добрых воспоминаний о сибирских коренных народах (307). Надстрочные записи Кеннана приведены здесь в фигурных скобках { }, те же части текста, что оказались вычеркнутыми из оригинала, даны в квадратных скобках []. Все подчеркивания, имеющиеся в письмах, соответствуют оригиналу.

Главный штаб, Азиатское подразделение
Гижига, Северо-Восточная Сибирь
31 января – 12 февраля 1866 г.

Моя Дорогая Сестра Хэтти;

Свое последнее письмо я написал тебе, полагаю, во время метели на реке Парень, где я провел одну ночь по пути в «Лагерь Кеннана» на реке Тигиль – нынешнее расположение группы лейтенанта Сэнфорда. Письмо, конечно, не было ни особо длинным, ни особо интересным, учитывая

эти обстоятельства. Я скорее писал из любопытства и с целью скоротать длинную, длинную полярную ночь, всячески надеясь, что она окажется интересной. Не каждый день, однако, получаешь письма, написанные посреди сибирского бурана в сотнях миль от ближайшего дома. Возвращаясь в Гижигу, я столкнулся с целым рядом не очень приятных приключений, часть из которых я изложу здесь, чтобы тебя поразвлечь. По предложению Сэнфорда я назову эту зарисовку «Телеграфирование в Сибири». Ты можешь поместить ее в ряд с остальными моими очерками и соберешь в результате достаточно большую коллекцию. Описания пейзажей и прочего в том, что последует, можешь считать точными. Я вовсе не пытался что-то преувеличить или приукрасить.

Телеграфирование в Сибири

Часть II

Лист, вырванный из блокнота телеграфиста

Ясное, необычайно холодное утро на берегу Пенжинского залива. Несмотря на то что уже почти десять часов, солнце еще не встало, но единственная белая звезда на востоке уже едва дрожит в наступающем оранжевом восходе, и заснеженные горы Каменной все отчетливее вырисовываются в усиливающемся приливе дневного света. Глубокая тишина воцарилась над одинокой «юртой» в лесу, опоясавшем реку, но если бы не груженные нарты, лежавшие среди деревьев, и собаки, свернувшиеся, словно черные мячи на снегу, в некоем огромном сугробе перед собой, вряд ли кто-либо мог бы признать жилище человека. Пейзаж был, в каждой своей составляющей, отчетливо сибирским: удивительно ясный, прозрачный воздух; густой серый туман, нависающий над водной гладью залива; обширные заснеженные степи, простирающиеся от окраины леса до белых призрачных гор в отдалении; здесь и там – беспорядочное скопление собак и нарт между деревьями впереди. Все это составляло картину, подобную которой нельзя найти за пределами Северо-Восточной Азии. Когда край солнечного диска показался между далекими, похожими на облака вершинами Каменной, взгляду предстал завораживающей красоты пейзаж. Горизонтальные лучи света, расцвеченные легкими колебаниями воздуха, казалось, не просто окрашивают поверхности, которых касаются, но вливаются в них, заряжая сиянием, до самой их сердцевины так, что кажется, будто в действительности свет был внутри и изливался вовне посредством полупрозрачного медиума. Деревья вокруг юрты, покрытые плотным инеем от испарений с открытой воды залива, сияли неопишуемой славой. Каждая ветвь и веточка не только переливались и сверкали, будто нить украшений, но казались исполненными света зари цвета розового кварца. Одно из них, склонившись над юртой, представало взгляду сложной сетью розового, высво-

бождаемого ослепительными вспышками, когда нежный утренний воздух шевелил его ветви – само прославление дерева. По мере того, как нараставший свет описывал очертания гор на западном горизонте, начинало казаться, что прикосновение волшебной палочки не обошло и их. Они демонстрировали фантастические, непрестанно меняющиеся силуэты и были равно прекрасны в своем цвете, как и новы в своей форме – великолепные колонны, высеченные из розового кварца, вытянутые, вероятно, на тысячи футов в высоту, эти горы, казалось, были обращены друг к другу, внизу же царил совершенный хаос из ужасающих обрывов, массивных острых скал и живописных долин. Пока наблюдаешь и восхищаешься ими, колонны постепенно смыкают свои вершины, создавая громадную арку, подобную воздушному portalу, сквозь который проступает голубое небо. Затем все преобразается {незаметно} в огромную крепость с массивными бастиянами и опорами, боковыми башнями, глубокими бойницами и выступающими и вогнутыми углами, тени и вид которых естественны как сама действительность. Вообразите, как лучи восходящего солнца заливают этот изумительный мираж нежным розовым светом, и тогда вам, возможно, удастся получить поверхностное представление об одном из самых прекрасных явлений. Ничто из того, что я когда-либо видел на севере, не может превзойти это по красоте, за исключением северного сияния февраля 1865 г.

Со своей острой тягой к прекрасному наша небольшая группа лишь ненадолго могла позволить себе созерцание такового, поскольку в тот день нам предстояло отправиться к реке Парень, через сорок верст по степи. Эстетика уступила место практике, и уже вскоре мы принялись за исполнение привычных каждодневных обязанностей, запрягая собак, пакуя нарты, готовясь в общей суматохе к началу путешествия. Поочередно все повозки выдвинулись со своим грузом в путь, и длинная вереница по извилистой траектории отправилась по степи в направлении корякского села Куэл. Я должен извиниться за то, что называю Куэл селом. Тому нет никаких причин – лишь то, что оно не похоже ни на что иное на земле и должно называться селом, без оглядки на Вебстера и всех прочих лексикографов. Вначале пред путником предстает нагромождение из гигантских песочных часов, грубо сооруженных из дерева, которые в какое-то отдаленное время обрели свою форму в результате вертикального давления на них и были постепенно доведены до состояния обветшания и упадка. Он, возможно, станет изучать их с любопытством антикварщика как свидетельство прошлых эпох и жизни неизвестных людей, едва ли предполагая, что сегодня в них кто-то живет. Узнав о том, что невзрачная конструкция перед ним – это дом, озадаченный путник, конечно, заинтересуется, а где же дверь. И его проводник с лоснящейся кожей и широкой ухмылкой на лице укажет на гладкий черный шест, приставленный к верхнему краю покосившейся

конструкции под углом к земле. Пока путник колеблется, пытаясь установить связь между шестом и входом, его гид с ловкостью, выработанной годами, взберется на шест и, бросив взгляд с высоты, неразборчиво буркнет то, что, по-видимому, означает «поднимайся». Легко сказать, но очень трудно сделать тому, кто своей физической подготовке когда-то уделял так мало внимания. Со сбитым дыханием и грязными руками путник взбирается в тот момент, когда его проводник уже исчезает в черной круглой дыре, похожей на устье трубы, извергающей черные клубы дыма. Задыхающийся и ослепленный дымом, он следует примеру своего провожатого и сгибается, чтобы пролезть в отверстие, с вполне обоснованным опасением оказаться, в конечном итоге, либо в печи, либо в огне. Полагаясь на удачу, он соскальзывает вниз по еще одному засаленному шесту, пока, наконец, не достигает земной тверди под аккомпанемент хора протяжного приветствия «zda-ro-o-o-va-a-a's»¹, и, открыв испуганные глаза, оказывается перед полудюжиной худых пожилых женщин, которые сидят со скрещенными ногами на возвышении вокруг огня и шьют одежду из меха. Интерьер корякской юрты странен и не слишком привлекателен для того, кто, будучи более удачливым, чем я, не привык к ее дыму и холодной атмосфере. Единственный свет, и тот – унылый и мрачный – проникает в нее через круглое отверстие наверху, которое служит окном, дверью и дымоходом, и к которому ведет перпендикулярно установленный в центре столб.

Плахи и жерди, составляющие юрту, – все покрыты глянцевочерным налетом от дыма, постоянно окутывающего их. Деревянная платформа, примерно на фут возвышающаяся над землей, с трех сторон выступает за пределы стен на шесть футов, оставляя в центре открытый участок восьми–десяти футов в диаметре для очага и огромного медного котла с талым снегом. На платформе растянуты квадратные кожаные навесы «пологи», служащие спальными местами [и в качестве] для больных и в качестве убежища от дыма, который часто просто невыносим. Эти «пологи» освещаются и обогреваются горящим фитилем из сухого мха, плавающего в плошке с тюленьим жиром. Небольшой круг из камней на земле обозначает очаг, над ним обычно медленно кипит котел с рыбой или олениной, которые вместе с юколой, ворванью, мозгом и жиром составляют меню коряков. Все, что видно и к чему прикасаешься, покрыто грязью и заляпано. Юрта нашего старого корякского друга Чикина, у которого мы остановились выпить чаю, в момент нашего прибытия выглядела необычайно отталкивающе. С одной стороны очага оттаивал один огромный мертвый тюлень, в то время как три или четыре женщины с голыми и окровавленными по плечи руками занимались разделкой второго. Рядом с возвышением отдыхала собака с щенками: их визг и писк мелодично смешивались с криками двух беспокойных малышей и ужасной горловой колыбельной песней в ис-

полнении какой-то старой карги, доносящейся из одного из пологов. Я спустился в юрту по столбу и замер на мгновение в нерешительности – остаться или поскорее удалиться. Пока я обдумывал это, С. слетел вниз по шесту, словно падающая звезда, ударил по голове ничего не подозревавшего коряка, стоявшего внизу, и согнул его в форму вопросительного знака. После минутного совещания мы решили отбросить в сторону свою брезгливость (то немногое, что от нее оставалось) и не уходить. Как заметил С., мы слишком долго путешествовали по Сибири, чтобы сейчас поддаться приступу деликатности. Через несколько мгновений Чикин подал нам на старой бочке соблазнительный обед из кедровых орехов и сырой рыбы и поднялся до такой вершины гостеприимства, что предложил нам похлебку из ворвани с жиром. При всем своем уважении к его намерениям, мы были вынуждены отклонить второе лакомство со словами благодарности. Погружение в подобного рода удовольствия способно лишить человека сил, необходимых, чтобы справляться с трудностями исследовательской доли, а также отбить у него желание довольствоваться простыми радостями повседневной жизни. Проявив редкую заботу, наш хозяин Чикин, чтобы оживить застолье, извлек литературу в виде старой потрепанной копии «Иллюстрированных лондонских новостей». Так, мы узнали, что «В среду Ее Величество Королева выехала в своей карете с четверкой в сопровождении Графини Солсбери», и что «Принц Уэльский ехал верхом в сопровождении своего главного конюшего и нескольких джентльменов». Разумеется, эта информация нас необычайно порадовала. Отдав должное столу этого современного Суцелла, мы, сказав «Tahum», простились со всеми пожилыми женщинами в юрте и взобрались на дымоход. Если оценивать ситуацию по слезам, катившимся по нашим щекам, можно сказать, что расставание с этими старыми леди было просто душераздирающим. ----

Т. и так дальше²

От Джорджа Кеннана Хэтти Кеннан, 31 января – 12 февраля 1866 г., ящик 1, файл 1, документы Джорджа Кеннана, Отдел рукописей и архивов, Нью-Йоркская публичная библиотека.

Примечание С. Смит-Питер 2: Следующее письмо имеет большое значение, поскольку показывает, что Кеннан видел себя в качестве сибирского ссыльного уже в 1866 г. Несмотря на утверждение, что он не писал о сибирских ссыльных в ходе своей первой поездки в Сибирь, тот факт, что он озаглавил свои воспоминания «Жизнь, страдания и плен сибирской ссылки» является важным и указывает на степень его идентификации с сибирскими ссыльными. Даже если предположить, что все началось с шутки дабы показать своей семье, насколько остро он переживал разлуку с родными, эта идентификация со временем укрепилась и привела Кеннана к тому, что свои лекции он стал читать в робе сибирского

ссылного и кандалах. Он всегда подчеркивал крепость своего телосложения. Возможно, что представление себя сибирским ссылкой было для него способом отделиться от семьи и утвердиться во взрослом качестве. Письмо также ясно объясняет структуру телеграфной экспедиции и дает интересное описание опыта работы Кеннана врачом в Сибири. В нем, как и в нескольких других письмах, приведенных здесь, отсутствуют завершающая часть и подпись. Письмо адресовано доктору Чарльзу Морриллу из Норуолка, Огайо – родного города Кеннана. Моррилл (1820–1892) был врачом-гомеопатом, дожил до 72 лет, работая до последних дней. Он выезжал к своему последнему больному за день до собственной смерти (Commemorative Biographical 1894: 265–266).

Гижига, внутренняя часть Гижигинского залива
Понедельник 4–16 июля 1866 г.

Уважаемый Доктор,

Полагаю, Доктор, вы впервые узнали, что существуют такие места, как то, чье непроизносимое название размещеноверху этого листа. С удовольствием представляю, как вы открываете конверт и бросаете взгляд на письмо; вы разворачиваетесь в своем офисном кресле и с изумленным видом вопрошаете: «Гижига! Где, ----- во имя всего географического, это находится?» Не нужно заглядывать в какой-нибудь старый атлас Колтона или потрепанный географический справочник, чтобы найти его: до нашего прибытия оно не продемонстрировало достаточной значимости, чтобы привлечь внимание издателей карт и составителей справочников, так что нас по всем практическим соображениям можно рассматривать в качестве первооткрывателей. Это небольшая деревня в Северо-Восточной Сибири у внутренней части Гижигинского залива, одного из северных рукавов Охотского моря – деревня, обреченная в будущем на дурную славу в качестве «Главного штаба Азиатского подразделения Русско-американской телеграфной компании». Я праздно проживаю здесь с 27 марта – момента своего возвращения из Анадырска, ожидая прибытия наших судов, но так как они, похоже, про нас совсем забыли, я принялся за написание собственных мемуаров в трех томах со множеством иллюстраций, чтобы они {были} переданы потомству, в случае если упомянутые суда никогда не придут и у меня не получится вновь добраться до какого-либо цивилизованного места. Я озаглавлю их *«Жизнь, страдания и плен сибирского ссылкой»*, написанные им самим. В перерывах по ходу этой серьезной работы, в качестве отдыха, я, в слабой надежде получить хоть какой-то ответ, также пишу письма всем своим друзьям – уже четырнадцать месяцев не было слышно ничего ни от них, ни из дома.

Я намеревался написать вам прошлой зимой до своего отъезда в Анадырск, но был полностью занят подготовкой собак, нарт и экипировки нашей небольшой группы к зимним путешествиям, так что у меня не было возможности черкнуть пару строк даже домашним. С тех пор я непрерывно странствовал, как неутомимый коряк, по всему региону – от сего места и до Анадырского залива, днем управляя нартами, а ночью засыпая на снегу под голубым полярным небом, так что я не смог бы написать, даже если бы захотел. Я ни разу не получил письма из дома после того, как написал им, что вот-вот собирался отправиться на Камчатку, и мне очень любопытно, что же они подумали, когда узнали, что мы поехали на север через Камчатку верхом на лошадях. Уверен, что много было встревоженных разговоров по этому поводу в нашем небольшом семейном кругу у камина, так как приближались долгие зимние вечера, и росли опасения за нашу безопасность. Я знаю точно, как они говорили об этом: Отец разглагольствовал о моих чрезмерных амбициях, безрассудстве и авантюризме и высказал опасение, что я могу вызваться участвовать в рискованных и трудных экспедициях, слишком изнурительных для моих сил. Мать всегда представляла себе картину, как ее блуждающий сын лежит больной в какой-то лачуге посреди диких мест, без друзей и поддержки и без доктора Моррилла, который мог бы помочь выбраться из трудностей. Дженни с тревогой рассказывала о лишениях, штормах, экстремальном холоде и опасности, что мое «хрупкое телосложение» даст о себе знать в этих многих испытаниях, которым я подвергнусь. Хэтти с искрой гордости за отважность своего брата противостояла мнению Отца, и все же, вздохнув, подумала, как трудно быть так долго вдали от дома, друзей, общества и страны. Прочтите им это письмо и убедитесь, что именно об этом они сотни раз думали. Тем временем неосознанным предметом их обсуждений были: управление собачьими упряжками, охота на оленя, блуждание в горах во время бурана и жизнь в юртах коряков и чукчей в бескрайней заснеженной степи за шесть тысяч миль от дома. К счастью, ни одно из их мрачных предчувствий не осуществилось. Я побывал в одной или двух несколько опасных экспедициях, но везение и доброе здоровье не покинули меня, и я имею удовольствие сознавать, что ни одно из моих предприятий не провалилось. Думаю, что крепость моего телосложения отныне получила триумфальное подтверждение: я сам сейчас лучшего мнения о нем, чем я когда-либо был прежде, ведь оно выдержало все испытания, что нам пришлось пережить, и у моей Матери больше не будет основания плакать из-за моего хрупкого здоровья и «нехватки жизнестойкости»!! Возможно, она думает, что не требуется особой жизнестойкости, чтобы спать на снегу при –50 градусов, ехать верхом в течение недели, промокнув насквозь, днем и ночью без еды, и когда за пять месяцев преодолеваешь на лошадях, оленях и саних свы-

ше шести тысяч верст по сибирской земле. Возможно, это не так, но я считаю, что молодому человеку хрупкого телосложения было бы несколько трудно пройти через все это.

Я отправил домой описание наших «путешествий и приключений», которые, я предполагаю, Отец вам показал, так что не стану повторять его здесь, но резюмирую ту работу, что была проделана Азиатским подразделением с момента нашего прибытия сюда в декабре, а также напишу о том, что есть перспективы успешного создания здесь линии. Путь в шесть тысяч верст между рекой Амур и Беринговым проливом был исследован и установлен, хотя в одном или двух местах желательно провести дальнейшее изучение в летнее время. Дома и здания для нашего пользования были приобретены или построены в Охотске, Ямске, Гижиге, Пенжине, Анадырске и других местах вдоль этого пути. Для транспортировки были приобретены и находятся у нас под рукой собачьи упряжки и олени. Работа шла во множестве мест отсюда и до Охотска, и уже поставлено значительное число столбов. Пятьдесят работников было привлечено к работе в Анадырске в апреле, и мы полагаем, что все столбы для Анадыри к настоящему времени готовы и распределены, так как Мистер Буш приказал спустить их вниз по реке, как только позволит лед. Через каждые тридцать или сорок миль между Анадырском и устьем реки были построены юрты и дома для укрытия, и все, так сказать, находится в состоянии рвения. Этого удалось достичь, начиная с декабря месяца, усилиями пяти человек. Мы исключительно довольны проведенным исследованием, и я полагаю, что ни у кого из тех, кто участвовал в нем, нет сомнения, что можно успешно построить и поддерживать телеграфную линию в Азии. Я определил маршрут отсюда и до устья Анадыри, и об этом участке я могу говорить с уверенностью. Я гарантировал бы, что, при должной поддержке, построю линию за два года и смогу управлять ею так же успешно и недорого, как и любой, равной ей по протяженности, линией в Штатах. Я не пишу эти слова в спешке или необдуманно; я проходил ее всю два или три раза и детально знаком с препятствиями и трудностями. Путь от реки Амур до пролива может быть разделен, в соответствии с природными условиями, на три четких и во многом отличающихся друг от друга участка, каждый из которых связан с определенными сложностями и требует своего подхода при прокладывании линии. Сначала это – лесистая местность, простирающаяся от Амура до участка в двух сотнях миль западнее Гижиги. Затем бесплодная земля – оттуда и до реки Аклан – еще пять сотен верст. Третий участок – речной – от Аклана до устья Анадыри на протяжении восьми сотен верст. На первом участке самая тяжелая работа будет заключаться в очистке территории от густого, ненужного леса, для того, чтобы проложить дорогу для линии. На втором трудность состоит в транспортировке столбов на большие

расстояния с помощью собачьих упряжек, поскольку на протяжении всех пятисот верст, за исключением некоторых отрезков по берегам ручьев, здесь едва ли найдется одно дерево. На третьем участке, речном, серьезных сложностей нет: линия проследует вдоль рек, по большей части, судоходных и окруженных лесом, где не потребуются ни спиливать деревья, ни транспортировать столбы издалека. Территория изобилует дичью и рыбой, а также прекрасными местами для строительства станций. Мы в течение всего года сможем снабжать их свежим мясом, которое можно закупать по ничтожной цене у многочисленных племен тунгусов, коряков и чукчей, повсюду скитающихся с огромными стадами оленей. В большинстве мест лошади и крупный скот не требуют внимания в течение года. На Колыме, на 71° широты, их тысячи. Здесь можно выращивать капусту и репу, а на территории отсюда и до Амура – еще и картофель, пастернак, морковь и бобы. Рыба, гуси и утки изобилуют в летнее время. Вы понимаете, таким образом, что пропитание не тот вопрос, который должен нас волновать. Что касается цинги, едва ли стоит говорить, что я никогда не слышал здесь о ней. Когда линия будет сооружена и начнет работать, когда удобные дома будут построены через каждые тридцать–сорок миль и будут обеспечены собаками, лошадьми, скотом и небольшими дворами, журналы и новые книги станут циркулировать по всей линии от Санкт-Петербурга (договоренности об этом уже достигнуты), я, в самом деле, не считаю, что жизнь здесь будет так уж трудна. Сотрудники будут беспрепятственно работать и хорошо отдыхать. Летом они смогут выращивать свой сад, ездить на лошадях, плавать по рекам, охотиться на медведя и оленя, а зимой – читать, писать, спать, ездить на собачьих упряжках, ловить лисиц, зайцев и куропаток, не говоря уже о маскарадах, танцах, гонках на собаках и хождении на снегоступах, которые составляют одну из забав этого времени года. Мы будем всегда получать мировые новости так же скоро и регулярно, как если бы мы жили дома. Я могу быть странным в своих оценках, но я бы предпочел прожить два года такой жизни здесь, вместо года унылого, монотонного существования в Цинциннати. Пожалуй, я подвергся таким же большим испытаниям, каким подвергается любой другой путешественник в этой стране и даже *большим*, чем те, с которыми может в дальнейшем столкнуться любой из сотрудников компании. И все же, в целом, я довольно хорошо провел время – настолько хорошо, что не против остаться здесь еще на год или два. Вот и все о жизни в Сибири, какой она будет.

Полагаю, вы не знаете, что здесь я заработал приличную репутацию в качестве врача. Это так и иллюстрирует то, на каком, порой, хрупком основании может зиждиться репутация. В Анадырске меня считают очень подготовленным в деле врачевания, а бесчисленные случаи, которыми я занимался там, позволили бы молодому врачу сколотить состояние. Ха-ха.

Это было бы забавное зрелище, если бы вы увидели доктора Кеннана, объезжающего своих пациентов на собачьей упряжке ясным зимним утром в Анадырске. Я довольно часто ездил в дом русских, что расположен в трех милях вверх по реке – к одной пожилой женщине, страдавшей от воспаления легких. Обычно меня отвозил туда на отличной упряжке один казак, и это было очень приятное путешествие. У дома всегда стояли часовые, которые подавали сигнал о том, что я приближался, и когда я подъезжал, меня неизменно приветствовали залповыми выстрелами из четырех или пяти ружей. Дом всегда был убран до блеска, женщины – одеты в свои лучшие наряды и в цветастые платки, чайник весело кипел на ярком огне очага, и посреди комнаты стоял стол с местными деликатесами – оленьими языками и пирогами, покрытый белой скатертью. Раньше мне казалось, что нужды пациента – превыше потребностей врача, но в Сибири это не так. Я должен был сначала пообедать, выпить чаю и покурить, и лишь затем мог уделить внимание пациенту, а после того, как это было сделано, я выписывал рецепт.

От Джорджа Кеннана доктору Морриллу, 4–16 июля, 1866 г., ящик 1, файл 1, документы Джорджа Кеннана, Отдел рукописей и архивов, Нью-Йоркская публичная библиотека.

Примечание С. Смит-Питер 3: В следующем письме мы видим Кеннана в легком и игривом настроении: он пишет своей сестре Харриет (Хэтти) всякую милую чепуху, в том числе обсуждая, стоит ли ему писать в игривом или в серьезном настроении. Тот посыл, что исходит из этого, однако, во многом схож с содержанием предыдущего письма доктору Морриллу: Кеннан не обессилен и не болен, и родным не следует переживать за него. Он вновь называет себя сибирским ссыльным. Интересная деталь письма – краткая биографическая заметка, которую Кеннан пишет о своем друге, Джеймсе Додде – американце, прожившем здесь несколько лет и занимавшимся бизнесом до того, как присоединиться к экспедиции (Saul 1991: 365). В этом письме впервые упоминается о том, что они ждут корабли снабжения, которым предстоят еще несколько месяцев пути и которые доставят еще больше беспокойства после своего прибытия. Как и предыдущее, это письмо не окончено.

Гижигинский маяк,
внутренняя часть Гижигинского залива
Американская экспедиционная служба
Понедельник, 9 июля 1866 г.

Моя дорогая Сестра Хэтти,

Я, с волнением и нетерпением, три бесконечных месяца ждал, когда придут ----- (подумай о каком-нибудь крепком ругательстве) наши

суда с новостями из дома и от друзей и время от времени откладывал написание письма, думая, что скоро получу известия и смогу ответить с большим пониманием и настроем, лучше учитывающим обстоятельства моих адресатов, которые, несомненно, значительно изменились с того момента, как мы списывались в последний раз. Например (в качестве иллюстрации, ты понимаешь), я знаю только то, что за тринадцать месяцев, прошедших с тех пор, как я уехал из Америки, ты последовательно прошла через все стадии отношений: изучения, восхищения, объявления, обсуждения, согласия, приготовления, осуществления, поздравления и уехала жить за город, став рассудительной, степенной замужней женщиной, и считаешь, что бессмысленные подшучивания и безрассудство твоего брата совершенно не под стать твоим изменившимся взглядам, вкусам и обстоятельствам, и я сомневаюсь, оценишь ли ты это письмо хоть немного так, как оно того заслуживает. Сейчас пришлось бы кстати что-то в стиле трактата по ведению домашнего хозяйства или пара нравственных аксиом, необходимых для управления им, а также некоторые размышления по поводу ответственности, взаимоотношений и обязательств, сопряженных с замужеством. Я уже мысленно, на всякий случай, сделал наброски такого письма. При теперешних обстоятельствах не знаю, как лучше и писать: весело, живо, с чуткостью (пожалуй, мое состояние и местонахождение исключают возможность последнего) или серьезно, спокойно и вдумчиво, чтобы соответствовать настроению, в котором ты, возможно, пребываешь. Если бы я писал в согласии со своим настроением в данный момент, то письмо получилось бы неприятным, поскольку расположение моего духа далеко от того, что можно было бы назвать дружелюбным из-за неприбытия этих треклятых судов, которых мы ждем, затаив дыхание, с первого мая. Бриг «Хэтти Джэксон» прибыл к нам из Сан-Франциско более трех недель назад, но, к моему глубокому разочарованию, писем для меня не было. «Nine illae lachimae»³. До тех пор, пока мои друзья не подадут сигнал, что помнят о своем друге, им не следует надеяться на яркие, живые и искрометные приветы из сибирской ссылки. Их друг может предположить, что он вычеркнут из их памяти, и удалиться из привычных окрестностей и веселого общества у Гижигинского маяка, чтобы уединиться в корякской юрте в горах, где проведет остаток своих дней в раздумьях о том, как коротка человеческая память и как неблагонадежны почтовое сообщение и суда телеграфной компании «Вестерн Юнион». – Tak i boodet⁴.

Гижигинский маяк, Северо-Восточная Сибирь
В первый месяц после прибытия наших судов
и седьмой день 1866 года.

Бесполезность любого искусственного способа вычисления времени в этой стране побудила меня проставлять даты своих писем с момента при-

бытия судов, точно так же как римляне вели отсчет с «основания города» или мусульмане – с «Хиджры» – событий, имевших огромное значение в истории и жизни людей. Дело в том, что я не знаю точно, что это за день, и ставлю ближайшую, по моему предположению, дату. Я сел пополудни написать ответ Элле Дулиттл, письма от которой я не получал, но поскольку этот ответ будет своего рода рассудительным и осмысленным творением, в чем я не очень силен, я продвигаюсь медленнее, чем хотелось бы и решил временно его отложить, а также немного оживить свои идеи, написав тебе. – Ты должна быть очень польщена тем, что все свои рассудительные письма я пишу кому-то другому и выливаю всю свою бессмыслицу на тебя; должен признать, что это не очень благодарный ответ за все добрые сестринские письма, что ты писала мне, но ты можешь утешить себя мыслью о том, что во взбалмошных и беспечных моих письмах ты получаешь более точную картину того, что думает и чувствует твой брат, чем та, которую ты бы составила из бесчисленного множества банальных настроений, продуманно выраженных безупречным языком. Тебе в большей мере открывается личность автора, а это для меня есть самое большое очарование в письмах. Если мои адресаты предпочтут стиль, которым я руководствуюсь (примечание С. Смит-Питер: часть письма вырвана), чего я хочу от них, им стоит лишь сообщить мне об этом, и я с огромным удовольствием последую их пожеланиям. Мне более близок первый стиль, нежели второй.

Не могу тебе высказать, как много радости мне подарили твои добрые письма. То наслаждение, что я извлек из них до настоящего момента, практически не поддается измерению, а так как я прочел их всего лишь на пять раз – впереди остается, конечно, еще немало удовольствия. Письма, которые я получил в Сан-Франциско пятнадцать месяцев назад, я перечитал почти на сорок раз в Гижиге за день или два до прибытия наших судов, и они ни в коей мере не исчерпали себя, хотя отсутствие дальнейших писем, как и перспективы получения каких-либо дальнейших писем, сделали их прочтение чем угодно, только не вдохновляющим и приободряющим занятием. Додд не стал читать своих, заявив, что если начнет это делать, то будет страдать ностальгией неделю, и, понимая, что так оно и было бы, я не хотел вгонять его в то состояние ума, при котором он перестает быть приятной компанией. Ты, наверное, любопытствуешь, кто же этот Додд, который за последний год стал моим «fidus Achates»⁵, и о котором ты находишь так много рассуждений в моих письмах. «Он родился в 1842 году в семье богатых, но уважаемых людей» в пригороде города Трентон в Нью-Джерси. Как и в случае с Шекспиром и другими знаменитыми личностями, начало его жизни затерялось в неизвестности, но из скудной информации, полученной от его биографа, можно сделать вывод, что он рано стал проявлять признаки таланта по поглощению всего съестного и ту

робость в присутствии представительниц прекрасного пола и отвращение к ним, что с тех пор выдавали его и сделали светочем для любителей красивой жизни и убежденных холостяков. Он впервые вышел на сцену активной жизни в Петропавловске-Камчатском, несколько тесноватую для исчерпывающей демонстрации своих способностей, но ожившую в его присутствии и преобразившуюся в свете его талантов на шесть лет. Несмотря на последнюю из вышеупомянутых черт характера, он всегда был в центре внимания самой изысканной части камчатского общества, что объясняется его красотой и врожденным превосходством {характера}, нежели какими-либо усилиями с его стороны по обретению подобного положения. После появления в Петропавловске Русско-американской телеграфной экспедиции, глава предприятия не стал терять времени, стараясь заполучить такую ценную находку, как Мистер Додд, в свою компанию – обстоятельство, которое говорит о проницательности первого и о значимости второго. С того времени Мистер Додд, участвует в исследованиях северной Сибири под руководством Мистера Джорджа Кеннана, молодого и одаренного члена экспедиции, чье имя, несомненно, известно нашим читателям в связи с нехваткой сушеной рыбы в Северо-Восточной Сибири. А именно ввиду опасения, высказанного им по поводу того, что ее поставки в текущем году не удовлетворят его спроса. Под руководством того, чьи вкусы и привычки были такими близкими ему по духу, Мистер Додд провел приятный год, неся благодатный свет и легкую обходительность цивилизованной жизни в {к} юрты {-ам} коряков и чукчей, своим примером и наставлением делая многое для спасения этих людей от варварства, а также распространяя среди них удобства цивилизации. По возвращении в Гижигу, в качестве признания за его ценную службу, он был назначен «суперинтендантом отдела» в «Земельном отделе» Северного подразделения, заведовавшего территорией между Гижигой и Анадырском – позиция, которой он, несомненно, добавит компетентности и добьется уважения к себе и к компании. Здесь нам придется завершить нашу краткую биографическую заметку с пожеланиями успеха и счастья ее субъекту и с предвосхищением того, что таланты, возведшие его в нынешнее значимое и влиятельное положение, не будут утрачены, но укрепят его репутацию и приведут к новым высотам. Мы убеждены, что читатели присоединятся к нашему сердечному пожеланию: «Да будет он всегда развиваться».

– Гижигинский ежедневный вестник прогресса –

Вот! Кто скажет, что здешний редактор «Гижигинского вестника прогресса» не может написать биографию. Я со спокойствием указываю на вышеизложенное как на документальное свидетельство

того, что он может. Редактор желает, чтобы я, ради общественного блага, сказал, что заявкам на письменные биографии будет уделено оперативное внимание на настолько разумных условиях, насколько они соответствуют текущей цене на сушеную рыбу, тюлений жир и прочие предметы первой необходимости. Гарантируем: вы будете довольны, в противном же случае мы вернем вам деньги. В качестве аванса, если таковой будет предложен, принимается сушеная рыба. Ха-ха. Я составил эту «биографию» по аналогии с тем, как была оформлена «заметка», которую доставили Мистеру Кнаппу в редакцию «Журнала штата Огайо» в Колумбусе, в тот момент, когда я был там. Он помнит о ней. Конечно, это – карикатура на Мистера Додда.

Полагая, что его знание русского лучше моего, он в последнее время неоправданно много подшучивал надо мной перед русскими и местными леди, так что я с полным правом могу сейчас делать то же самое с ним. Однако он действительно застенчив. Если он вернется со мной домой, я излечу его от этого. Я прислал бы тебе его фотографию, но у него их нет. Мы вместе путешествуем уже как раз год, и я понял, что он надежен в момент опасности и не унывает в трудных условиях, которых испугался бы человек более слабый духом, он всегда – [настоящий], добрый друг –

Немного позднее

Я только что перечитывал твои письма, и майор, наблюдая улыбку на моем лице, подметил, что «они, по-видимому, доставляют мне огромное удовольствие». Да, доставляют, за одним исключением. Ты слишком много беспокоишься о моей безопасности. В своем письме я уже всем вам написал все – о чем я мог подумать – чтобы избавить вас от этого страха. Вы знаете, я никогда вас не обманывал, верьте мне, когда я говорю, что считаю, что будущей зимой я здесь ни на чутьточку в большей опасности, чем, если бы я был дома. Действительно, я думал, что поездка прошлой осенью, которую я собирался предпринять в северном направлении, была довольно серьезным мероприятием, и я написал вам, находясь, под этим впечатлением – тем хуже – но опытным путем я убедился в том, о чем писал тебе выше: мы – в такой же безопасности здесь, как и в любом другом месте. Если кто-нибудь, пытаясь посочувствовать тебе, станет с грустью говорить в том, что твой брат в опасности, испытывает тяготы, у него – «хрупкое телосложение» и тому подобные вещи, заставляющие тебя беспричинно волноваться и беспокоиться, смейся над ними, как смеялся бы я, если бы был там, а потом, вернувшись домой, прочти это письмо.

С тех пор, как я здесь, я подвергся опасности только два или три раза, и это случилось в условиях, которые, вероятно, никогда больше не

повторятся. Что до тех случаев: один из них был в горах Samanea, другой – в Тигильских горах и третий – в устье реки Анадырь – я тебе их все описывал. Но я определенно больше не буду тебе писать, если ты начинаешь от этого волноваться. Сейчас я чувствую себя преступником, потому что написал тебе об этом, что, как я полагал, я должен был сделать прошлой зимой, и это усилило твои страхи. Что же до моей неспособности пережить вторую зиму, я бы мог посмеяться над этим, если бы ты не воспринимала это так серьезно. Потому что, моя дорогая «Харриет», опасность того, что я не переживу следующую зиму здесь – в два раза ниже, чем была вероятность не пережить прошлую зиму, когда я был в Цинциннати, но никто не задумывался о том, что эта вероятность была столь неизбежна, чтобы вызвать тревогу. Скажу больше: я гораздо охотнее провел бы еще одну зиму здесь, чем ту, что была там. Поверь мне, я искренен. Не позволяй своему воображению рисовать меня замерзающим до смерти или голодающим в одной из безлюдных степей; думай лучше о том, как я танцую на местном балу, под музыку двухструнной гитары, трех оловянных ложек и гребешка или как я сижу вместе с Доддом на коряжской юрте.

От Джорджа Кеннана Хэтти Кеннан, 9 июля 1866 г., ящик 1, файл 1, документы Джорджа Кеннана, Отдел рукописей и архивов, Нью-Йоркская публичная библиотека.

Примечание С. Смит-Питер 4: Следующее письмо представляет черновик письма Кеннана, которое ему, наверное, было трудно писать, поскольку он вынужден критиковать начальника, но не хочет настроить его против себя. Корабли, о которых Кеннан уже писал своей сестре Хэтти, не появлялись все лето. Глава экспедиции, полковник Чарльз Балкли, бывший глава военного телеграфа Севера на юге Штатов, «обещал, что корабли с персоналом, материалом и снабжением для незамедлительного выполнения работ будут в Гижиге и в устье реки Анадырь, как только лед позволит им войти» (Saul 1990: 364; Kennan 2007: 365). Однако Балкли не сдержал своего обещания. Майор Сергей Абаза, хорошо знавший Сибирь и телеграф, был назначен главой всего Сибирского подразделения, однако Балкли, которого большинство историков считают неэффективным руководителем, не проинформировал его о сложившейся ситуации. В своем письме Балкли Кеннан должен был рассказать о положении дел вместо Абазы, которого Кеннан очень уважал и который не знал о происходящем, с тем, чтобы выяснить, каковы были распоряжения Балкли, и обратить его внимание на тот факт, что корабли прибыли слишком поздно, чтобы успеть отплыть обратно до того, как лед снова встанет. Путаница, которую эта задержка вызвала, живо описана Кеннаном в главах 32 и 33 книги «Палаточная жизнь».

Гижига, Северо-Восточная Сибирь
Сентябрь [] Октябрь [] 1866 г.

Полковнику Чарльзу С. Балкли
Главному инженеру

Сэр (примечание С. Смит-Питер: в оригинале имеется пропуск) майор Абаза отправился из порта 19 сентября / 1 октября на русском правительственном пароходе «Сахалин» в Охотск (примечание С. Смит-Питер: пропуск). В [это] {его} отсутствие [майора Абазы] имею честь доложить, что корабль «Пальметто» прибыл в Гижигу из Сан-Франциско 8/20 сентября по прошествии 112 дней. Из-за своей осадки судно не смогло зайти в реку, но поскольку его лучший становой якорь был поврежден несколько дней спустя после прибытия, было решено, что небезопасно оставлять его так и, соответственно, насколько это было возможно, его завели в пределы реки и закрепили в устье, где оно сейчас и находится. Благодаря нашим настойчивым усилиям удалось разгрузить практически все, однако была проделана сложнейшая работа, поскольку груз можно было размещать только на более легких, маленьких лодках во время прилива и в ночное время. «Пальметто» была значительно повреждена вследствие ударов о дно в районе южных ворот, полученных, когда она была на приколе, но компетентные органы признали ее пригодной для судоходства, и она покинет порт во время следующего прилива примерно 5/17 октября. Я надеюсь, что к тому времени удастся разгрузить все, кроме шестидесяти или семидесяти тонн угля, который она повезет обратно в Петропавловск в качестве балласта. Река Гижига покрылась льдом в трех милях от устья, и большое количество плавающего между судном и морским берегом льда не позволяет разгрузить уголь и заменить его балластом вовремя, дабы судно могло выйти в море со следующим приливом. Якорь корабля был заменен на новый, такого же веса, взятого с русского правительственного парохода «Сахалин» и, насколько позволили местные ресурсы, были произведены прочие ремонтные работы. Пока судно лежит здесь на мели, трудно определить степень повреждений и понять, сможет ли оно вернуться в Сан-Франциско этой осенью. Майор Абаза пожелал, чтобы я оставил этот вопрос на усмотрение офицеров судна, после того, как они выяснят, как оно поведет себя в бурном море. Если они решат, что это безопасно, корабль отбудет в Сан-Франциско этой осенью. Если нет, он останется зимовать в Петропавловске. Я прилагаю копию своего письма [по] [этому вопросу] Мистеру Пирсу по этому вопросу.

Барк компании под названием «Онуорд» все еще не прибыл, и такое опоздание говорит о крайне малой вероятности того, что он все-таки прибудет, хотя мы ничего не знаем о его местонахождении или о том,

как обстоит дело с его грузом и пассажирами. {Нет никакой возможности для него войти в этот порт сейчас} Мистер Пирс передал через «Пальметто» сообщение о том, что в случае, если «Онуорд» прибудет в Петропавловск слишком поздно, вы разрешаете оставить его там, но майор Абаза не получил от вас никакого уведомления на сей счет, и Мистер Пирс не информирует его о том, как вы думали разместить судно в случае такой крайней необходимости. [В этих условиях майор Абаза оказался в замешательстве относительно того, как урегулировать вопрос]. Полагая [однако], что «Онуорд» {вероятно} дошел до Петропавловска, он оставил мне поручение передать с «Пальметто» указание для «Онуорд» высадить пассажиров и разгрузиться в Петропавловске и немедленно возвращаться пустым в Сан-Франциско. Копию приказа прилагаю. [Он полагал, таким образом, что «Онуорд» или какое-то другое судно равной мощности, с легкой осадкой, прибудет в Петропавловск ранней весной следующего года, груженое углем {или припасами}, чтобы выгрузить там уголь {или припасы} и, взяв на борт груз и пассажиров, сошедших там этой осенью, направиться в Гижигу. У хорошего судна, если бы оно прибыло в Петропавловск в начале мая, было бы достаточно времени для того, чтобы привезти один груз в Гижигу и, вернувшись, привезти другой в течение лета.] Если «Онуорд» вовсе не прибудет в Петропавловск, разумеется, это распоряжение будет бесполезным – но в любом случае вам будет известно, что с ней случилось и как урегулировать ситуацию с целью транспортировки в Гижигу ее груза в следующем году, где бы он ни был.

Майор Абаза {далее проследует} [отправился 19 сентября / 1 октября на русском правительственном пароходе «Сахалин» в] {из} Охотска [и] {в} Якутск {с целью найма} [куда он едет, чтобы взять] рабочих и {приобрести} лошадей для работ следующим летом. [Я сожалею, что у него не было возможности самому написать вам до отъезда, но я постарался в точности передать вам его пожелания и соображения в отношении наших судов.] {Скорее всего, он вернется в январе.} Он [будет] {намеревается} писать вам более подробно [через Санкт-Петербург] по возвращении в Охотск. Я пересылаю квитанции на груз «Пальметто» и разгрузочные документы для товаров, размещенных на таможенном складе.

С большим уважением и почтением

Ваш покорный слуга,

Джио Кеннан

От Джорджа Кеннана полковнику Чарльзу Балкли, сентябрь – октябрь 1866 г., ящик 1, файл 1, документы Джорджа Кеннана, Отдел рукописей и архивов, Нью-Йоркская публичная библиотека.

Примечание С. Смит-Питер 5: В следующем письме недостает большей части текста, но можно прочесть отрывок, в котором Кеннан

выговаривается своему отцу о пропавших кораблях и прочих злоключениях. О спасении Кеннаном группы голодающих работников телеграфа в устье реки Анадырь можно прочитать в главах 33 и 34 книги «Палаточная жизнь», где он отмечает, что судно «Голден Гейт» прибыло по реке слишком поздно, подвергнув, таким образом, местную экспедицию ужасным испытаниям. Несколько месяцев спустя, в декабре 1866 г., Абаза написал: «Похоже, что полковник Балкли намеревался нас тут “искалечить” и продержал “Голден Гейт” в бухте Пlovera две недели, чтобы наверняка этого добиться! Ему это удалось. Полагаю, никто не может упрекнуть меня в предвзятости по отношению к полковнику Балкли. Никогда плохого слова ни о нем, ни о его правлении не высказывал, но то, что он оставил группу Буша голодать в устье Анадыри и удерживал “Голден Гейт”, пока не установилась зима, даже святого привело бы в негодование. Он может объяснить это для успокоения компании, но мне – никогда не сможет. Я полностью утратил доверие к нему» (Saul 1991: 368).

Главный штаб, Азиатское подразделение
Гижига, Северо-Восточная Сибирь
4–16 февраля, 1867 г.

Мой Дорогой Отец,

Корабли компании прибыли сюда только с началом зимы, они потерялись и со своим многочисленным экипажем оказались у нас на руках в таком ужасном месте, как устье Анадыри, с провизией лишь на два месяца; мы должны позаботиться о них и поддерживать их жизнь до весны, как только можем. Затем в Анадырске наступил голод, все собаки вымерли, и люди разошлись, кто куда, в поисках пропитания. Это не позволяет нам отправить группу в устье Анадыри или оказать им какую-либо поддержку. Не знаю, если им хватит припасов до того, как наши суда придут следующим летом. Надеюсь, что отправка 15 человек облегчит их положение, и остальные 31 смогут продержаться. Не пожелал бы себе в следующем году того волнения, что испытываю в этом, будь моя зарплата хоть втрое выше.

От Джорджа Кеннана его отцу, Джону Кеннану, 4–6 февраля 1867 г., ящик 1, файл 1, документы Джорджа Кеннана, Отдел рукописей и архивов, Нью-Йоркская публичная библиотека.

Примечание С. Смит-Питер 6: Последнее письмо, адресованное двоюродной сестре Кеннана, Эмме Хичкок, – достойное завершение истории, поскольку оно в элегической манере описывает еще одно долгое ожидание кораблей и последних новостей, что они привезли: о том, что вся экспедиция должна прекратить работу. Хотя компания «Вестерн Юни-

он» распорядилась об этом в октябре 1866 г., Кеннан, почти в течение года, до июля 1867 г., ничего не знал (Saul 1991: 369). Он размышляет о том, что потребуется сделать Абазе, чтобы свернуть экспедицию, и философски пишет о невозможности предположить, где он встретит следующий новый год. Как и прочие письма, это также не окончено.

Барк «Онуорд»

В море, в стороне от Ямской бухты
21 августа 1867 г.

Дорогая Кузина Эмма,

Твое приветственное письмо написанное, я полагаю, в течение 1865 г. (оно не было датировано), пришло ко мне с барком «Онуорд» где-то через месяц после отправки, объехав земной шар и пройдя через приключения и злоключения, которые большинству писем обычно не выпадают. Сколько лишенных воображения клерков отделов неостребованных писем и флегматичных цензоров от русского правительства ломали голову над его содержанием прежде, чем оно попало ко мне в руки – я не знаю. Похоже, что ничего предосудительного они в нем не нашли, раз оно было адресовано сибирскому ссыльному, и перенаправили его далее в Николаевск, а оттуда в Америку, откуда оно и пришло через обширный Тихий океан. Могу только догадываться, из каких мест его только не перенаправляли, судя по необычным почтовым штемпелям и наполовину разборчивым надписям, которыми украшен конверт. «Аахен, Бромберг, Эйдткунен, Москва, Пермь и Николаевск», кажется, – лишь некоторые из тех пунктов, в которых оно побывало, хотя признаю отсутствие у меня какого-либо представления о том, где, во имя всего географического, это находится.

Долгие, долгие месяцы, прошедшие с начала зимы, тянулись медленно для нас, ожидавших судна из Америки или чего-то, что могло бы привнести немного жизни в это старое поселение, Гижигу. День за днем мы взбирались по отвесному берегу к маяку и подолгу смотрели на широкую водную гладь между Матугой и Мысом Катерины с тем, чтобы затем вновь уйти с глубоким вздохом разочарования от неосуществившейся надежды и с болью в сердце. Периодически взмах крыльев морских птиц или видневшийся на горизонте айсберг заставляли наши сердца на мгновение подпрыгивать в радостном предвкушении новостей или писем от любимых из «Благословенной Страны», но, по мере того, как возникший объект медленно превращался в нечто неопределенное и, наконец, исчезал в голубом небе, наши надежды вновь угасали – еще больше, чем прежде – и медленными шагами, с мрачными лицами мы возвращались обратно в свои безотрадные жилища.

9 июля после обеда, когда я сел за свой маленький зеленый столик, чтобы писать, меня взбудоражили ликующие крики «ура», доносившиеся с вершины утеса; я выглянул в окно как раз в тот момент, когда Фосетт размахивал своей шапкой с высокого участка склона, а Льюис безрассудно быстро мчался вниз – с головой, по меньшей мере, на ярд опережавшей его ноги, которые тщетно пытались широкими шагами предотвратить полное отделение этой части его тела. Было очевидно, что что-то случилось, и я выбежал, чтобы получить объяснения. Задыхаясь от неистовости своих усилий, Льюис едва смог проговорить: «Корабль», – одновременно указывая в направлении Мыса Катерины. Потребовалась лишь минута, чтобы взбежать вверх по берегу до башни, удостоенной того же названия «Маяк», откуда легко можно было увидеть верхние реи большого корабля с прямыми парусами, движущегося прямо по ветру. Поскольку китобойный флот давно покинул эти окрестности, мы сразу решили, что это, должно быть, одно из судов компании и спешно приготовили патроны для зажигания сигнальных огней. В страхе, что, если мы отведем глаза от его наполненных ветром парусов, оно растворится в воздухе подобно кораблю-призраку или превратится в иллюзорный айсберг, мы оставались на утесе до того момента, пока угасавший сумеречный свет и поднявшийся вечерний туман не скрыли его из виду, и пока комары, полагаясь на наше безразличие к их разведывательным действиям, с силой не атаковали нас, заставив укрыться в здании маяка. Судно под названием «Онуорд», действительно, оказалось барком компании, прибывшим из Сан-Франциско и привезшим с собой неожиданные, удручающие известия о необходимости оставить телеграфную линию. Я сразу направил его в Охотск, где находился майор Абаза, и сам отправился туда же, намереваясь передать свои отчеты и счета, чтобы сразу после уехать домой, проездом через Иркутск и Санкт-Петербург. Однако телеграмма, которую майор Абаза получил два дня спустя после нашего прибытия, потребовала его немедленного присутствия в Санкт-Петербурге, что решительно нарушило все мои планы добраться до дома к Рождеству, и на меня пал весь груз хлопот по сбору наших разбросанных групп, урегулированию счетов и завершению нашего предприятия. Богатый опыт, однако, научил меня философски относиться к разочарованиям, и я, насколько возможно благосклонно, согласился на продление своей ссылки. Майор А. и я покинули Охотск в один день: он отправился в Санкт-Петербург, я – в Ямск и Гижигу и промежуточные пункты, где у нас были люди и склады. После их сборов я вернусь на «Онуорде» в Охотск, отправлю судно в Сан-Франциско и буду ожидать на прежнем месте распоряжений из Санкт-Петербурга. Надеюсь быть дома проездом через Сан-Франциско где-то в феврале, но, разумеется, это еще не окончательно. К лету я определенно доберусь до Америки.

Полагаю, родные очень воодушевлены тем, что я должен вернуться в сентябре или октябре, и будут очень разочарованы, когда узнают, что я не успею приехать к Рождеству. Ничего не поделаешь, я так же разочарован, как и они. Кто может сказать в это Рождество, где он встретит следующее? 1 января 1864 года новогодние дни я провел дома, в 1865 году – верхом на упрямом муле в тропических лесах цветущего Никарагуа, останавливаясь здесь и там, чтобы нарвать апельсинов у обочины, полюбоваться мерцающим зеленым и золотым оперением прекрасной птицы или густой зеленой лозой, свисающей с верхушек деревьев.

1 января 1866 года я был далеко – на просторах голых, безлюдных, заснеженных сибирских степей, припав в долгой арктической ночи к лагерному костру, тепло от которого едва ли можно было почувствовать при смертоносном холоде в –50 градусов. Много раз я провожал старый и встречал новый год, но ни один не останется в моей памяти дольше, чем та ясная, холодная, звездная ночь в Налгимской степи, под хмурым изгибом горы Налгим. Канун нового 1867 года нашел меня вновь у лагерного костра на берегах реки Парень, когда сумасшедший норд-ост бушевал, завывая в вершинах деревьев, и кружил клубы плотного снега над нашими головами. Под толщей снега я и проснулся тогда, в новогоднее утро. Новогодний день 1868-го меня застанет – где?

Надеюсь, что в Санкт-Петербурге, по пути домой. К тому моменту я завершу объезд мира и достаточно попутешествую, временно умиротворив свой неутомимый дух. Я посвящу основное время тому, чтобы навестить друзей, стать цивилизованным и вновь насладиться радостями общения. Возможно, моя дорогая Сестренка, тебе будет интересно узнать, чего больше всего не хватает путешественнику в этой угрюмой стороне, чего он особенно сильно желает. Это не материальные удобства жизни, как ты можешь представить, такие, как удобный дом, прогретый камин или хороший ужин. Эти вещи или отсутствие таковых – просто пустяк. Больше всего я скучаю по музыке и беседам. Никогда прежде не осознавал, насколько и то, и другое важно для жизни и никогда не знал, как нежно я люблю музыку, пока прошлым летом не услышал духовой оркестр русского крейсера «Варяг». Мы взошли на его борт вечером, а утром совершенно неожиданно нас разбудила мелодия «Да здравствует Колумбия» в исполнении группы из двадцати инструментов. Мы все были в восторге и едва дышали, пока звучали боевые звуки и пока не стали исполнять более мягкие ноты тюремной песни из «Троваторе», музыку, постепенно угасавшую над тихими водами залива и более громкие пассажи, слабым эхом отзывавшиеся в высоких утесах Матуги.

Никогда прежде эти вершины не отражали звуки «Троваторе и Ригголетто», и, скорее всего, это больше не повторится. Думаю, прошлой зимой я проехал пять верст на собачьих упряжках, чтобы услышать ис-

полнение оркестром «Венгерского марша», «Хора цыган» и некоторых из самых красивых отрывков «Марты». Тот день на «Варяге» я надолго запомню как белый день своего безотрадного календаря. Когда мы покинули судно, оно медленно выпустило пар, оркестр играл «Будь счастлив всегда и благословен, как теперь»⁶. Признаюсь, от избытка чувств у меня перехватило дыхание, и когда шляпы в воздухе над палубами исчезли из виду, мы с угрюмыми лицами, молча, повернулись в сторону унылого маяка, ощутив печаль более глубокую, чем в течение долгих месяцев до этого. Те, кто живет среди общества и музыки, не осознают, что это – благословение. Попутешествуй они два месяца, как я прошлой зимой, с группой грязных, диких коряков по бескрайним заснеженным степям между Гижигой и Анадырском, где нет ни души и ни разу не услышишь своего языка, поживи они с неделю или десять дней в черной, холодной, задымленной полуземлянке, без книг и без людей, за исключением двух или трех корякских старух, под вой негодующей снаружи метели, и посмотрим, не захотят ли они поменяться местами с кем угодно на этой земле.

В заключение, после того, как Кеннан завершил все дела телеграфной экспедиции, он проехал порядка 5 000 километров на собачьих упряжках и тройке, добираясь до Москвы и Санкт-Петербурга. За работу в течение 30 месяцев он получил зарплату всего лишь в 1 000 долларов за вычетом потерь по его акциям, т.е. примерно по одному доллару за день (Wrobel 2015: 291). В то же время этот опыт определил направление всей его жизни, и он вновь и вновь возвращался к нему в рамках самой популярной из своих лекций. При всех трудностях этот опыт сделал его взрослым и вывел на путь становления в качестве первого американского эксперта по России.

Примечания

¹ Русский язык: приветствие.

² Русский язык: и так далее и тому подобное.

³ Латынь: вот откуда эти слезы.

⁴ Русский язык: так и будет.

⁵ Латынь: верный друг.

⁶ «Венгерский марш» – из произведения Гектора Берлиоза «Осуждение Фауста»; «Хор цыган» – из произведения Верди «Трубадур»; «Марта» – романтическая опера, написанная Фридрихом фон Флотоным (1812–1883). Здесь Кеннан имеет в виду песню «Будь счастлив всегда и благословен, как теперь» из «Хора пиратов» оперы М.У. Бальфа (1808–1870) «Чародейка».

Литература

- Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, UK, 1999.
- Commemorative Biographical Record of the Counties of Huron and Lorain, Ohio. Chicago, 1894.

- Daniloff N.* George Kennan and the Challenge of Siberia // *Demokratizatsiya*. 1999. Vol. 7, No. 4. P. 601–612.
- Dwyer J.* To Wire the World: Perry M. Collins and the North Pacific Telegraph Expedition. Westport, CT, 2001.
- Fogelson D.* The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge, UK, 2007.
- Good J.* America and the Russian Revolutionary Movement, 1888–1905 // *The Russian Review*. 1982. Vol. 41, No. 3. P. 273–287.
- Gordon J.* A Thread Across the Ocean: The Heroic Story of the Transatlantic Cable. New-York, 2003.
- Hundley H.* George Kennan and the Russian Empire: How America’s Conscience Became an Enemy of Tsarism. Kennan Institute Occasional Paper # 277.
- Kennan G.* Vagabond Life: The Caucasus Journals of George Kennan. ed. Frith Maier, with contributions by Daniel C. Waugh. Seattle, 2002.
- Kennan G.* Tent Life in Siberia: An Incredible Account of Adventure, Travel, and Survival. New-York, 2007.
- Ledyard J.* John Ledyard’s Journey through Russia and Siberia, 1787–1788: The Journal and Selected Letters / Ed. Stephen Watrous. Madison, WI, 1966.
- Mohrenschildt D. von.* Toward a United States of Russia: Plans and Projects of Federal Reconstruction of Russia in the Nineteenth Century. Rutherford, NJ, 1981.
- Saul N.* Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence, KS, 1991.
- Stults T.* George Kennan: Russian Specialist of the 1890s // *The Russian Review*. 1970. Vol. 29, No. 3. P. 275–285.
- Travis F.* George Kennan and the American-Russian Relationship, 1865–1924. Athens, OH, 1990.
- Wrobel D.* Considering Frontiers and Empires: George Kennan’s Siberia and the U.S. West // *Western Historical Quarterly*. 2015. Vol. 46. P. 285–309.

Перевод с английского Елены Карагеоргией

Статья поступила в редакцию 7 июля 2016 г.

Smith-Peter Susan

THE SIBERIAN LETTERS OF GEORGE KENNAN THE ELDER, 1866–1867*

Abstract. George Kennan the Elder (1845–1924) was a crucial figure in the history of Russian-American relations. He was America’s first Russian expert and the namesake of the Kennan Institute in Washington, DC. His career was closely linked to Siberia, as his first experience of Russia was there, during the Western Union Telegraph Expedition of 1865–1867, which sought to connect Europe and North America over the Bering Strait rather than by a transatlantic cable, the success of which ended the expedition to Siberia. The letters collected here are from Kennan’s time in Siberia on the expedition. In 1865, he was just 20 years old and was in the process of finding himself as an adult and moving beyond the expectations and needs of his family. These letters show him engaging with the nature and people of Siberia, showing the keen observational skills that would make *Tent Life in Siberia*, a work based in part on these letters, a classic of nineteenth-century American travel literature. Kennan, like other Americans, had a positive image of Russia in the mid-nineteenth century. It was only as a result of his experiences in Siberian prisons, memorialized in his *Siberia and the Exile System* (1891), that his view changed. His experiences in Siberia, therefore, were the key to his life and work as a lecturer, author, and Russia expert.

Keywords: George Kennan, Siberia, telegraph, Russia, USA

*This original work was first published as Kennan Institute Occasional Paper #310, which can be accessed at: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-siberian-letters-george-kennan-the-elder-1866-1867-2016>"

References

- Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge, UK, 1999.
- Commemorative Biographical Record of the Counties of Huron and Lorain*, Ohio. Chicago, 1894.
- Daniloff N. George Kennan and the Challenge of Siberia // *Demokratizatsiya*. 1999, Vol. 7, no. 4, pp. 601–612.
- Dwyer J. *To Wire the World: Perry M. Collins and the North Pacific Telegraph Expedition*. Westport, CT, 2001.
- Fogelsohn D. *The American Mission and the "Evil Empire": The Crusade for a "Free Russia" since 1881*. Cambridge, UK, 2007.
- Good J. America and the Russian Revolutionary Movement, 1888–1905 // *The Russian Review*, 1982, Vol. 41, no. 3, pp. 273–287.
- Gordon J. *A Thread Across the Ocean: The Heroic Story of the Transatlantic Cable*. New-York, 2003.
- Hundley H. *George Kennan and the Russian Empire: How America's Conscience Became an Enemy of Tsarism*. Kennan Institute Occasional Paper # 277.
- Kennan G. *Vagabond Life: The Caucasus Journals of George Kennan*. ed. Frith Maier, with contributions by Daniel C. Waugh. Seattle, 2002.
- Kennan G. *Tent Life in Siberia: An Incredible Account of Adventure, Travel, and Survival*. New-York, 2007.
- Ledyard J. *John Ledyard's Journey through Russia and Siberia, 1787–1788: The Journal and Selected Letters*. Ed. Stephen Watrous. Madison, WI, 1966.
- Mohrenschildt D. von. *Toward a United States of Russia: Plans and Projects of Federal Reconstruction of Russia in the Nineteenth Century*. Rutherford, NJ, 1981.
- Saul N. *Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867*. Lawrence, KS, 1991.
- Stults T. George Kennan: Russian Specialist of the 1890s // *The Russian Review*. 1970, Vol. 29, no. 3. P. 275–285.
- Travis F. *George Kennan and the American-Russian Relationship, 1865–1924*. Athens, OH, 1990.
- Wrobel D. Considering Frontiers and Empires: George Kennan's Siberia and the U.S. West // *Western Historical Quarterly*. 2015, Vol. 46, pp. 285–309.

УДК 327 (470:73)

DOI: 10.17223/2312461X/13/6

«МЕНЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО ПРИВЛЕКАЕТ НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ...»

Интервью с М. Рожански,
директором Института Кеннана, Вашингтон, США

Институт Кеннана был основан как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона в декабре 1974 г. в результате совместной инициативы посла в отставке Джорджа Ф. Кеннана, в то время директора Центра имени Вудро Вильсона Джеймса Биллингтона, и историка С. Фредерика Старра. Названный в честь Джорджа Кеннана-старшего (1845–1924), исследователя России и Сибири XIX в. и родственника Джорджа Ф. Кеннана, этот институт привержен идее углубления экспертного знания США о России, Украине и других странах региона. Институт Кеннана стремится привлекать и популяризировать новые научные исследования и интегрировать их результаты в политическое пространство при помощи стипендиальных программ, лекций, семинаров и публикаций.

Ключевые слова: изучение России, Сибирь, Джордж Кеннан, Институт Кеннана

Л.Д.: Уважаемый Мэттью, прежде всего, хочу сказать, что мне очень приятно взять интервью для нашего журнала «Сибирские исторические исследования» у Вас как директора Института Кеннана и специалиста по России. В одном номере с этим интервью выйдет статья Сьюзан Смит-Питер, посвященная сибирским письмам Джорджа Кеннана-старшего и изданная на английском языке Институтом Кеннана. Наш с Вами разговор имеет для меня особое значение, ведь это возможность вспомнить ту интеллектуально стимулирующую атмосферу, в которой мне посчастливилось поработать несколько лет тому назад по исследовательской программе Института Кеннана. К тому же я написала свою кандидатскую диссертацию по американскому антиядерному движению «Фриз» 1980-х гг. и два года училась в магистратуре по исследованию мира в Университете Нотр-Дам, штат Индиана. Многим людям в России тогда этот выбор темы исследования казался экзотичным и непрактичным.

Часть своих вопросов я бы хотела адресовать Вам как ученому, часть – как руководителю очень известного исследовательского центра. Такие центры возникали с определенной целью – предоставлять экспертное знание политическим деятелям. В России существует не-

сколько исследовательских центров, которые, подобно Институту Кеннана, были созданы в 1970-е гг., и сегодня действует множество независимых центров, специализирующихся на определенных регионах и странах.

Когда и почему Вы приняли решение изучать Россию? Изменились ли со временем Ваши интересы?

М.Р.: Прежде всего, позвольте искренне поблагодарить Вас за возможность поделиться своими мыслями и опытом с вашими читателями. Открытое и регулярное общение с нашими коллегами в российских университетах и исследовательских институтах не только является моей профессиональной обязанностью как директора Института Кеннана, но и доставляет мне огромное удовольствие. Благодарю Вас за эту возможность, которая особенно важна сейчас, когда многие каналы связи перекрываются или закрываются вовсе.

Отвечая на вопрос, я должен сказать, что меня больше всего привлекала невероятная история вашей страны. Стремление представителей Запада изучать Россию часто бывает вызвано интересом к литературе, музыке, искусству или другим российским достижениям в сфере культуры. Моя жена Люси, например, тоже специалист по России (впервые мы встретились на занятиях по русскому языку во время учебы в Стэнфордском университете), и ее увлечение началось с Чехова. Я люблю и ценю русскую литературу, искусство, архитектуру, великий балет и музыку, но мой интерес всегда был вызван прежде всего историей этой огромной и значимой страны.

Возможно, русская история мне интересна как американцу потому, что в ней есть много параллелей с историей США: нация с европейскими корнями, которая сформировалась в ходе продвижения за пределы самой Европы, достигла берегов Тихого океана и охватила огромную территорию; нация, которая взяла на себя миссию «принести цивилизацию» в отдаленные части континента; нация, которая ставит себе в заслугу неоднократное спасение западной цивилизации от ее внутренних демонов и внешних агрессоров. На самом деле меня интригует мысль о том, что многие сложности в российско-американских отношениях могут быть следствием поверхностного или даже глубокого сходства двух стран, за которым скрываются важные различия в опыте, мировоззрении и национальных интересах.

Л.Д.: *Россию часто изображают страной контрастов, которые проявляются в политике, массовой и высокой культуре, традициях и климатических условиях. Россияне порой сами себя не очень хорошо понимают. Мой опыт показывает, что многие иностранцы приезжают в Россию с предубеждениями, но нередко сразу же «влюбляются» в*

людей, местную природу и традиции. У Вас как исследователя и просто человека какое впечатление от нашей страны?

М.Р.: В России действительно много контрастов, хотя они, конечно же, встречаются и в других странах. История России знает и невероятные, поражающие воображение взлеты, и падения, ставшие страшными человеческими трагедиями. Веками жители России создавали величайшие произведения искусства и литературы, делали научные открытия и, разумеется, двигали вперед философию и политическую мысль, но в то же самое время миллионы их соотечественников жили практически как рабы, страдали от иностранных нашествий, голода и кровопролитных внутренних конфликтов. Контрасты стали еще более очевидными в XX в. вследствие глубоких противоречий советской системы, против которой многие носители великих интеллектуальных и культурных традиций России боролись и над которой они в конечном итоге одержали победу. Как Вы видите, я долго могу говорить об этом! Меня действительно завораживает драматизм русской истории, и я счастлив, что моя профессия позволяет мне погружаться в научные исследования прошлого этой страны и участвовать в дискуссиях на высоком экспертном уровне о ее будущем.

Мои личные впечатления, возможно, покажутся несколько более банальными. Возможно, все дело в том, что я так часто бываю в России, что она для меня уже стала вторым домом. Больше всего в России я люблю проводить время с друзьями: здесь дружба переживается глубже и осмысленнее, чем где бы то ни было. Я люблю красоту русской природы, мне нравится знакомиться с культурными и гастрономическими традициями страны, которые всегда так много говорят о русской истории и жизни. Кстати говоря, многие американцы думают, что в России невкусная еда. Это для меня загадка, потому что мне всегда нравились традиционная русская кухня, а также многообразие гастрономических традиций всего постсоветского региона и остального мира, которые хорошо представлены в крупных российских городах. И должен сказать, я испытываю особенно теплые чувства к Сибири и Уралу. Я провел там совсем немного времени, но мне там очень понравилось. Возможно, дело в том, что я родом с американского запада, и горы, леса, огромные открытые пространства мне кажутся родными.

Л.Д.: *Как специалисту по России Вам известно о сильных антиамериканских настроениях среди россиян, которые можно наблюдать в последние семнадцать лет. Некоторые российские специалисты, например Андрей Цыганков, который работает в университете Сан-Франциско, пишут также о русофобии в США. Я на своем опыте сталкивалась с предвзятым отношением к американцам и США в Рос-*

сии и в США – по отношению к России и россиянам. По Вашему мнению, могут ли наука и образование способствовать укреплению взаимопонимания между нашими народами?

М.Р.: Я определенно разделяю опасения профессора Цыганкова относительно русофобии, хотя надеюсь, что все-таки она не настолько сильна, насколько это представлено в его исследовании. Несомненно, мы – ученые и эксперты в России и Соединенных Штатах – должны играть важную роль в деле развития двустороннего диалога и взаимопонимания. Фактически в этом и заключается основополагающая миссия Института Кеннана с момента его основания более 40 лет назад. Джордж Ф. Кеннан полагал, что американцам необходимо стремиться к пониманию России не только через университетские исследования, но также через непосредственный контакт с российским народом в любом контексте и при каждой возможности. Мы стремимся сохранить открытыми каналы связи российских и американских ученых, особенно в сферах, важных для нашего взаимодействия: от истории и политической науки до литературы, социологии, экономики, психологии и многих других. Обеим сторонам было бы полезно лучше понимать друг друга, и это действительно трагедия, когда из-за недалековидных политических соображений каналы связи перекрываются или закрываются совсем.

Л.Д.: Институт Кеннана, как и многие подобные ему исследовательские центры, был создан во время холодной войны. Имя одного из его основателей – Джорджа Кеннана – известно российским специалистам скорее в связи с политикой сдерживания «советского экспансионизма», нежели с духом сотрудничества и дружеского взаимопонимания. Изменилась ли миссия Института с тех пор?

М.Р.: Сам Кеннан часто сетовал на то, что почти с самого начала концепция сдерживания была неверно истолкована. В советском режиме он видел агрессивного и беспринципного соперника, но в то же время знал о прагматизме советского руководства и возможности удерживать его от ненужных конфликтов, если США будут готовы проявить твердость и трезвый взгляд в переговорах. Он однозначно отрицал идею бесконечного наращивания военного противостояния между Востоком и Западом и впоследствии критиковал многих своих более агрессивно настроенных коллег. Он, несомненно, понимал, что окончание холодной войны и распад СССР, свидетелем которых ему довелось стать, представляют собой исторический шанс восстановить продуктивные и глубокие связи между россиянами и американцами во благо обоих государств и всего мира. Во время холодной войны Кеннан под-

держивал и, думаю, поддержал бы и сегодня миссию по укреплению взаимопонимания посредством личных контактов и сотрудничества ученых вне зависимости от политического контекста. Полагаю, что любую попытку изолировать россиян от американцев, и наоборот, он расценил бы как серьезную ошибку.

Л.Д.: В чем, как Вам кажется, заключается основная цель Института Кеннана сегодня? Кому в США интересны такие исследования? Кто составляет целевую аудиторию Института?

М.Р.: Несомненно, резко возросшее в последние годы внимание к России в США имеет двойственную природу. Положительная сторона заключается в том, что больше молодых людей интересуются изучением русского языка, и Россия вновь стала предметом исследований для многих видных ученых, занимающихся международной проблематикой. Также замечательно, что небольшая группа приверженцев изучения России, которая есть в американском правительстве и частном секторе, признает необходимость и дальше поддерживать эту работу, несмотря на то что финансовых ресурсов для этого сейчас гораздо меньше, чем в годы холодной войны. Отрицательная сторона связана с тем, что в современной американской политике Россия вновь стала сильным раздражителем, а Владимир Путин видится как своего рода Дарт Вейдер. Даже если США и Россия категорически расходятся в своих позициях по важным международным вопросам, такое карикатурное восприятие России и ее лидера в политических дискуссиях и в СМИ не принесет пользы. Эта смесь страха, презрения и насмешки не способствует выработке серьезного политического курса или долгосрочному улучшению находящихся в кризисе двусторонних отношений.

Таким образом, наша миссия остается неизменной. Мы должны просвещать американцев по вопросам, касающимся России, за счет продвижения и поддержки лучших ученых и экспертов, чтобы те могли вести свои исследования и информировать о них политические круги, прессу и общественность. Я размышлял об этом и работал над данной проблемой в течение многих лет, задолго до своего прихода в Институт Кеннана, и прекрасно понимаю, что не существует волшебного решения для проблемы взаимопонимания, недоверия и обоюдного страха. Нужно продолжать поддержку долгосрочных усилий – в течение многих лет и даже десятилетий – по просвещению, информированию и взаимодействию с тем, чтобы выстроить доверительные отношения и взаимопонимание как на уровне отдельных людей, так и между нашими обществами в целом. Хочется верить, что сообщество выпускников Института Кеннана представляет собой движение в направлении более продуктивных российско-американских отношений и показывает, что

научное сообщество в целом способно указать путь правительствам и обществам наших стран. Это непростая задача, и нам следует проявлять терпение, сталкиваясь с трудностями, но я верю в возможность достижения нашей долгосрочной цели.

Л.Д.: Я знаю, что Институт Кеннана поддерживает множество исследовательских проектов по истории Российской империи, Советского Союза, индустриализации и коллективизации, культуры и т.д. Реализуется интересный проект, связанный с творчеством Александра Солженицына. Каковы, по Вашему мнению, сегодня в США приоритеты в области российских исследований? Не могли бы Вы рассказать о наиболее перспективных и интересных проектах, получивших поддержку или инициированных Институтом Кеннана?

М.Р.: Конечно, Институт Кеннана – это лишь одна из многих организаций, оказывающих ощутимую финансовую поддержку проектам в сфере исследований России, и мы должны сохранять скромность, оценивая нашу способность повлиять на развитие этого научного направления в целом. При этом я считаю, что возможности, которые мы предоставляем исследователям, могут быть очень важны для их профессионального развития и позволяют им наладить полезные контакты здесь, в Вашингтоне, и завязать новые связи с коллегами по обе стороны океана. Замечу также, что мы, коллектив Института Кеннана, не принимаем решения по отбору стипендиатов. Ответственность за этот непростой выбор возложена на наш уважаемый Консультативный совет, десять членов которого регулярно проводят совещания и дают свои рекомендации. Это исключительно увлеченные и талантливые люди, и мы благодарны им за ту нелегкую и важную работу, которую они делают.

Не хотел бы смутить кого-то из наших нынешних стипендиатов или будущих претендентов на стипендии, но не могу не назвать некоторые из недавно поддержанных нами исследовательских проектов, поскольку, на мой взгляд, для ваших читателей они будут ценной иллюстрацией той работы, которую мы делаем.

Одним из наших недавних стипендиатов из России была Ирина Папкина (Irina Papkova), изучавшая роль Русской православной церкви в российской политике с 2008 по 2015 г. В прошлом году Лев Симкин (Lev Simkin) исследовал советские судебные процессы над нацистскими преступниками, организовавшими и осуществившими массовые убийства евреев на оккупированных советских территориях. Анна Арутюнян (Anna Arutunyan) работала над концептуализацией явлений социальной разобщенности, атомизации и индивидуализма в российском гражданском обществе. Американская исследовательница Николь Итон (Nicole Eaton) занималась проектом «Эксклав: политика, идеология и

городское пространство в Кенигсберге-Калининграде». В этом году мы рады, что имеем возможность поддержать, среди прочего, исследования Сергея Пархоменко, продолжающего свою работу над проектом по независимым СМИ и гражданской журналистике на постсоветском пространстве, и Лилии Каримовой, изучающей возрождение ислама в Татарстане сквозь призму женского опыта.

Хотел бы обратить особое внимание на наши недавние коллективные исследовательские проекты. Для получения коллективного гранта исследователям, представляющим как минимум две страны, необходимо подать совместную заявку. Мы особенно ценим такие проекты, так как они отвечают нашей миссии по продвижению кросс-культурного научного сотрудничества и диалога. В рамках этого направления мы недавно принимали Романа Абрамова (Roman Abramov), который работал вместе со своим украинским коллегой над проектом «Музеефикация советского прошлого в России и Украине: между ностальгией и исторической травмой». Роберт Орттунг (Robert Orttung) совместно с Ириной Олимпиаевой исследовал методы борьбы с коррупцией в России и Украине при помощи гражданского общества и СМИ.

Разумеется, это далеко не полный список, а лишь некоторые из десятков исследователей, которым мы имели честь оказать поддержку и которых принимали в Институте Кеннана за прошедший год. Приглашаю всех ваших читателей ознакомиться с нашими стипендиальными программами и рассмотреть возможность реализации своего исследовательского проекта в ходе научной стажировки в нашем Институте. Если у кого-то из читателей возникнут вопросы, мы с радостью на них ответим. Спасибо еще раз за эту прекрасную возможность!

Л.Д.: Большое спасибо Вам за Ваше время и ответы!

Лариса Дериглазова
Выпускница Института Кеннана

Перевод с английского Елены Карагеоргией

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(430)(093)

DOI: 10.17223/2312461X/13/7

Социальная политика и социальное государство в Германии: учебное пособие / Л.Н. Корнева (отв. ред.) [и др.]. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2014. 455 с. ISBN 978-5-202-01224-2 (Г.В. Грошева)¹

Феномен социального государства стал предметом пристального внимания российских ученых в конце XX – начале XXI в. и остается таковым до настоящего времени. Наряду с изучением проблем формирования социального государства и развития социальной политики в России, авторы обращаются к исследованию зарубежного опыта, в частности особенностей становления социального государства в странах Западной Европы. Выделяются англо-саксонский и скандинавский, французский и немецкий подходы к реализации общей идеи социального государства, различающиеся предпосылками легитимизации концепции социального государства, наличием специальных целей и особенностями институциональной реализации (Аристов 2015: 8).

В русле этих исследований был реализован и проект Западносибирского центра германских исследований (ЗСЦГИ) по созданию учебного пособия «Социальная политика и социальное государство в Германии» (Социальная политика 2014). Обычно, с методологической и формальной точек зрения, учебное пособие как таковое является неким упрощением теоретического и конкретно-исторического материала. Рецен-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

зируемое учебное пособие является исключением из этого правила. Будучи основанным на современных подходах к рассмотрению социального государства и актуальных исследований в области германистики, оно посвящено вопросам эволюции социальной политики в Германии конца XIX – начала XXI в., выявлению ее основных направлений и характерных черт, формированию «германской модели» социального государства. Это второе учебное пособие, созданное коллективом ЗСЦГИ; их первый совместный труд – трехтомное издание «История Германии с древнейших времен и до наших дней» (История 2005), – также имел фундаментальный характер и заслужил признание не только педагогической общественности, но и представителей научного сообщества.

Авторами рецензируемого учебного пособия являются преподаватели-германисты из вузов Сибири: Л.Н. Корнева, О.Э. Терехов, С.В. Арапина, Е.В. Ипатенко (Кемеровский государственный университет), Г.Г. Супрыгина (Томский государственный университет), А.М. Бетмакаев, Л.В. Мона (Алтайский государственный университет) и А.С. Сербина (Новосибирский государственный университет экономики и управления). Подготовка и публикация этого пособия были осуществлены в рамках деятельности Центра Европейского союза в Сибири, ТГУ. В ходе подготовки учебника были проведены две научные конференции с участием российских и немецких историков; четыре автора прошли научные стажировки в Германии.

Рецензируемое пособие основано на совмещении хронологического и проблемного подходов и состоит из семи глав, в которых на большом фактическом материале и с учетом новейших исследований российских и зарубежных авторов показаны основные этапы формирования и эволюции социальной политики и социального государства в Германии. Первая глава охватывает период Германской империи (1871–1918), вторая глава – Веймарской республики (1918/19–1933), третья глава – Третьего Рейха (1933–1945), четвертая глава посвящена периоду оккупированной Германии (1945–1949), пятая и шестая главы – времени раздельного существования ГДР и ФРГ (1949–1990), седьмая глава – периоду объединенной Германии (1990–2013).

Пояснению задач учебного пособия служит вступительная статья Л.Н. Корневой и О.Э. Терехова, в которой определяется подход к изучению социальной политики, формулируются основной замысел издания и стоявшие перед авторами задачи, дается характеристика содержательной части и структуры учебника, раскрывается содержание глав.

Несмотря на возросший интерес к проблемам социальной политики и социального государства в научном дискурсе, в современных учебниках для студентов вузов по Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки эти вопросы представлены крайне слабо. Основное внимание

авторов по-прежнему сосредоточено вокруг проблем развития политической и экономической сфер западного общества. Не являются исключением и разделы по истории Германии. Например, в учебниках под редакцией А.М. Родригеса, К.С. Гаджиева и М.В. Пономарева (Новейшая история 2010, 2014), рекомендованных Министерством образования и науки РФ, описание социальной политики в Германии в качестве самостоятельного раздела встречается только при характеристике периода Третьего Рейха (1933–1939). Что касается остальных периодов германской истории, то характеристика социальной политики либо вообще отсутствует, либо ей уделяется минимальное внимание при рассмотрении экономического и социального положения. Учебное пособие «Социальная политика и социальное государство в Германии» восполняет существующие пробелы.

Авторы на примере исторического материала каждого из этапов развития Германского государства рассматривают такие области социальной политики, как трудовые отношения, социальное страхование и пенсионное обеспечение, семейная и молодежная политика, жилищная политика, здоровье граждан, образование; освещают развитие законодательства в социальной сфере; ставят вопросы о сущности социального государства и его функциях. При этом в главах освещаются и вопросы, характерные для каждого конкретного исторического периода. Например, организация помощи инвалидам войны и их семьям, введение пособий для матерей и семей фронтовиков в годы Первой мировой войны (глава 1); правовые основы социальной политики Веймарской республики, экономический кризис 1929–1933 гг. и его влияние на социальную политику (глава 2).

Сильной стороной представленных в пособии текстов является описание исторического контекста формирования социальной политики в Германии. В каждой главе дается характеристика политических и социально-экономических условий, на фоне которых рассматриваются вопросы социальной политики. В главах 1–5 характеристика политических и социально-экономических условий выделена в отдельные разделы (подразделы), в 6-й и 7-й главах она присутствует непосредственно в тексте, повествующем о социальной политике партийно-политических коалиций и правительств Германии соответствующих периодов.

Авторы впервые вводят в образовательный процесс материалы по социальной политике Германии периодов Первой и Второй мировых войн, значительно расширяется спектр рассматриваемых вопросов применительно к другим периодам истории Германии. Обращение к таким сюжетам, как занятость и трудовые отношения, оплата труда и материальные гарантии нуждающимся, мероприятия по преодолению безработицы, общественная помощь бедным, политика в области поддержки женщин, семьи, детства и юношества, позволяет показать императивы немецкого социального государства, его внимание к обеспе-

чению социальных прав граждан и высокого уровня их жизни. Эти интересные сюжеты, однако, не получили своего развития применительно к современному периоду.

Достоинством рецензируемого пособия является, на мой взгляд, и публикация разнообразных по виду и характеру источников по истории социальной политики и общественной жизни Германии. Это извлечение из законодательных источников, протоколов правительственных заседаний, программ политических партий, докладов, директив, постановлений, отчетов, стенограмм митингов, газетных сообщений, воспоминаний культурных и политических деятелей, художественных произведений. Многие из представленных документов и материалов впервые вводятся не только в образовательный процесс, но и в научный оборот, и переведены на русский язык, как отмечается во введении к учебнику, преимущественно авторами глав, а также студентами-международниками Кемеровского государственного университета. К сожалению, авторы переводов указаны только в главах 1 (Г.Г. Супрыгина) и 4 (Л.Н. Корнева, М. Кайзарова, А. Кириллина).

Пособие прекрасно иллюстрировано фотографиями, картами, плакатами, таблицами. Представленный в таблицах материал содержит статистические сведения о результатах выборов в Рейхстаг, размахе забастовочного движения, численности членов профсоюзных организаций; о занятости и безработице, размере заработных плат, пенсий; о браках, разводах, рождении детей; по жилищному строительству и сфере образования.

Структура учебного пособия определена хронологией германской истории. При этом внутреннее строение глав не унифицировано и основано на проблемном подходе, что позволяет авторам показать специфику развития социальной политики и социального государства в Германии в рассматриваемые периоды. Тексты глав представляют собой авторские материалы; везде, кроме 5-й главы, присутствуют ссылки на используемые первоисточники и исследовательскую литературу. В каждой главе имеется список вопросов для осмысления пройденного материала, а также список источников и литературы (основной и дополнительной). К сожалению, в списках литературы к главам почти не приводятся статьи по социальной политике и социальному государству в Германии российских исследователей, вышедшие в свет в 2010-е гг., в том числе и работы самих авторов рецензируемого учебного пособия. В 5-й и 6-й главах приводится список интернет-ресурсов, что следует лишь приветствовать, но было бы логичным сопроводить таким списком и остальные главы учебника.

Документы и материалы размещены в конце глав и систематизированы в соответствии с разделами глав учебного пособия. Однако только в главах 3–5 при систематизации указаны номера и названия разделов глав; применение этого принципа в остальных главах значительно об-

легчило бы использование материала в учебном процессе. Все представленные в пособии документы и материалы имеют ссылки на источник информации (в том числе и с указанием электронного адреса). Это особенно важно, поскольку позволяет точно определить, где можно найти интересующие читателя сведения. Облегчает ориентацию в тексте учебника размещенные в конце издания хронологическая таблица, списки имен и сокращений, перечень документов и таблиц.

Высокий уровень представленного материала вызывает ощущение прочтения коллективной монографии и, соответственно, желание ознакомиться с подведением результатов исследования, где были бы обозначены основные итоги развития германского варианта социального государства, его характерные черты, сильные и слабые стороны. К сожалению, формат учебника этого не предполагает. Преодолеть этот объективный недостаток могло бы подведение таких итогов на уровне выводов к отдельным главам с указанием на общее и особенное в социальной политике немецкого государства в сравнении с предыдущими периодами, роль внутренних и внешних факторов ее развития, преемственность и «разрывы» в становлении социальной функции государства. Это позволило бы сформировать более целостное представление о развитии социального государства в Германии.

В целом необходимо отметить, что авторский замысел реализован вполне успешно. Учебное пособие «Социальная политика и социальное государство в Германии», несомненно, будет интересно студентам, аспирантам, преподавателям и всем интересующимся социальной политикой и историей Германии. Можно лишь сожалеть о малом тираже издания (500 экз.).

Г.В. Грошева

Томский государственный педагогический университет

Литература

- Аристов Е.В.* Вариации социального государства, социальное государство в различных странах // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2015. № 1. С. 7–14.
- История Германии: Учеб. пособие для студ. вузов: в 3 т. /* Западносиб. центр герм. исслед.; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005.
- Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века: В 3 ч. Ч. 3: Учеб. для студ. вузов /* Под ред. А.М. Родригеса, М.В. Пономарева. М.: ВЛАДОС, 2014.
- Новейшая история стран Европы и Америки: XX век: В 3 ч. Ч. 1.: Учеб. для студ. вузов /* Под ред. А.М. Родригеса, К.С. Гаджиева, М.В. Пономарева. М.: ВЛАДОС, 2010.
- Новейшая история стран Европы и Америки: XX век: В 3 ч. Ч. 2: Учеб. для студ. вузов /* Под ред. А.М. Родригеса, М.В. Пономарева. М.: ВЛАДОС, 2010.
- Социальная политика и социальное государство в Германии: Учеб. пособие /* Л.Н. Корнева (отв. ред.) [и др.]. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2014.

Рецензия поступила в редакцию 15 июля 2016 г.

Grosheva Galina V. Tomsk State Pedagogical University

Review* of Social'naya politika i social'noe gosudarstvo v Germanii: uchebnoe posobie / L. N. Korneva (otv. red.) [i dr.]. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2014. – 455 s. ISBN 978-5-202-01224-2

DOI: 10.17223/2312461X/13/7

* The review is written within the project 'Man in a Changing World. Identity and Social Adaptation: Past and Present' (Russian Government grant # 14.B25.31.0009).

References

- Aristov E.V. Variacii social'nogo gosudarstva, social'noe gosudarstvo v razlichnyh stranah [Variations of the social state, the social state in different countries], *Aktual'nye teoreticheskie i prakticheskie voprosy razvitiya yuridicheskoy nauki: obshchegosudarstvennyj i regional'nyj aspekty*, 2015, no. 1, pp. 7–14.
- Istoriya Germanii: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov: v 3 t.* [The history of Germany: a textbook for university students in three volumes]. Zapadnosib. centr germ. issled.; Eds B. Bonvecha, Yu.V. Galaktionova. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005.
- Novaya istoriya stran Evropy i Ameriki XVI–XIX veka. V 3 ch.* [Modern history of European countries and America, XVI–XIX centuries]. Vol. 3: Uchebnik dlya studentov vuzov; Eds A.M. Rodriguesa, M.V. Ponomareva. Moscow: VLADOS, 2014.
- Novejshaya istoriya stran Evropy i Ameriki: XX vek. V 3 ch.* [Contemporary history of European countries and America, XX century, in three parts]. Vol. 1.: Uchebnik dlya studentov vuzov; Eds A.M. Rodriguesa, K.S. Gadzhieva, M.V. Ponomareva. Moscow: VLADOS, 2010.
- Novejshaya istoriya stran Evropy i Ameriki: XX vek. V 3 ch.* [Contemporary history of European countries and America, XX century, in three parts]. Vol. 2: Uchebnik dlya studentov vuzov; Eds A.M. Rodriguesa, M.V. Ponomareva. Moscow: VLADOS, 2010.
- Social'naya politika i social'noe gosudarstvo v Germanii: uchebnoe posobie* [Social policy and the social state in Germany: a textbook]. L.N. Korneva (ed.) [et. al.]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2014.

УДК 327

DOI: 10.17223/2312461X/13/8

Нечипорук Д. Пограничные земли, общие воды: история трансграничного сотрудничества России, Балтийских стран и ЕС по оздоровлению экосистемы Балтийского моря.

СПб.: Норма, 2014. 216 с.

ISBN 978-5-87857-233-0

(А.М. Погорельская)

Экологическое состояние Балтийского моря определяется его низкой способностью к самоочищению ввиду того, что оно соединено с Мировым океаном только несколькими узкими проливами. В связи с активным освоением балтийских берегов, особенно в XX в., объемы сбросов отходов в воды Балтийского моря резко возросли и экологическая обстановка в регионе стала ухудшаться. Сегодня основными экологическими проблемами Балтийского моря считаются загрязнение вод токсичными веществами, превышение норм вылова рыбы, присутствие посторонних морских видов, исторически не свойственных этим водам, и эвтрофикация – насыщение воды веществами биологического происхождения, а именно фосфатами, азотом и т.п., что приводит к интенсивному цветению синезеленых водорослей, а в результате – нехватке кислорода, угрожающей биоразнообразию моря (с. 31).

Сейчас водосборный бассейн Балтийского моря охватывает 12 государств, каждое из которых несет ответственность за деградацию экологического состояния моря. Экологические проблемы Балтийского моря сегодня приобрели трансграничный характер и являются результатом деятельности большого количества государств, регионов, корпораций. Чтобы общий ресурс этих акторов – воды Балтики – как можно меньше страдал от промышленной и сельскохозяйственной деятельности окружающих стран и регионов, им необходимо договариваться и координировать свою деятельность как для борьбы с уже существующим загряз-

нением, так и для предотвращения дальнейшего вреда природе Балтики. В этой связи изучение возможностей международного и трансграничного взаимодействия в целях охраны экологического состояния Балтики имеет не только научное, но и практическое значение. Рецензируемая монография Дмитрия Михайловича Нечипорука посвящена именно этой актуальной проблеме.

Поскольку постепенно Балтийское море почти полностью перешло в юрисдикцию Евросоюза, о его экологическом состоянии в контексте европейской природоохранной политики пишут многие западные авторы, и представленное сочинение органично помещается в европейскую исследовательскую практику. Говоря об отечественных исследованиях, стоит отметить, что крупные теоретические работы по охране водных ресурсов и проблемам Балтийского региона были изданы еще в советский период и оценивали состояние Балтики в основном в международно-правовом ключе. Достоинством книги Нечипорука, бесспорно, является ее междисциплинарный характер, позволяющий комплексно проанализировать международные действия по охране Балтики в контексте масштабных геополитических изменений второй половины XX – начала XXI в. на основе данных таких наук, как история, право, география, экология и наука о международных отношениях. В связи с этим эта монография представляется ценным вкладом в отечественные исследования в данном направлении.

Предисловие к монографии посвящено теоретической базе исследования. Рассуждая о природе границ, автор перечисляет пять концепций, позволяющих оценить возможности сотрудничества в природоохранных вопросах на Балтике. Взвешивая преимущества и недостатки каждого подхода, автор последовательно раскрывает их значение для своего исследования. Их общим знаменателем стало внимание к вопросам о масштабах сотрудничества в Балтийском регионе и препятствиях для его развития.

Книга включает три смысловые части, разделенные на главы и дополненные введением и заключением, а также несколькими приложениями. В книге много таблиц и рисунков, которые позволяют даже далеким от географии или истории международных отношений читателям легко ориентироваться в тексте.

Структура книги определяется периодизацией, выстроенной на основе подходов к восприятию границ, выделенных П. Асснером (Hassner). В частности, именно эти подходы и дали названия трем периодам развития международного сотрудничества по охране природы на Балтике. Так, консервативный период (1945–1989 гг.), когда государства региона стремились закрепить свои национальные морские границы в регионе, характеризовался восприятием границ как линий, определяющих независимость территории и идентичность населения каждого государства. Напротив, революционному периоду (1990–2004 гг.), когда сотрудничество Балтий-

ских стран было нацелено на преодоление существовавших барьеров, было присуще неприятие границ и иного разделения как препятствующих созданию единого пространства. Наконец, прогрессивный период (2005 г. – по настоящее время) связан с изменением смысла установленных в регионе границ и представлений о них.

Соответственно первая часть книги прослеживает изменение отношений между странами Балтийского региона с конца Второй мировой войны до начала 1990-х гг. Тогда регион выступал ареной идеологического противостояния двух лагерей и, будучи поделенным на сферы влияния, стал свидетелем установления ряда разграничительных линий (с. 34–38). Не оспаривая право каждого государства самостоятельно регулировать внутреннюю природоохранную деятельность, в 1972 г. страны договорились, что при этом государство не должно действовать во вред другим государствам или общему ресурсу. В этой связи при сохранении установленных границ получила развитие международная кооперация по защите экологии Балтики, результатами которой стали: создание Хельсинской комиссии – органа, наблюдающего за надлежащим выполнением одноименной конвенции 1974 г.; оформление международного природоохранного режима на Балтике (с. 47–73); а также переход к комплексному восприятию экологических проблем (с. 65–67).

Вторая часть монографии посвящена изменениям в Балтийском регионе, связанным с объединением Германии, крушением СССР и дальнейшим развитием европейской интеграции. Результатом перемен стало осознание необходимости создания общего экологического пространства на Балтике. Большую роль в преодолении материального и институционального разрыва между странами региона сыграло представление Северными странами (Швецией, Финляндией, Данией) и международными институтами субсидирования странам бывшего социалистического блока для модернизации их экологических систем (с. 77–79). 1990-е гг. были отмечены разрастанием количества над- и негосударственных акторов, участвующих в охране экологии Балтики, среди которых большое влияние в регионе приобрели Хельсинская комиссия и Европейский союз (с. 85–108).

В третьей части рассмотрено установление новых барьеров в Балтийском регионе в связи с расширением ЕС в 2004 г. и строительством «Северного потока», ставшего индикатором принципиально разных позиций России и Европейского союза по экологической и военно-политической безопасности на Балтике. В результате строительства газопровода разделительная линия прошла между старыми и новыми членами Европейского союза на Балтике (с. 122–126), другая возникла между странами Европейского союза на Балтике и Россией в результате создания Организации по наблюдению за поверхностью Балтийского моря (2009 г.) (с. 130). Барьерами для эффективного сотрудничества

также служат разрыв в уровне благосостояния, разница в плотности населения и развитии инфраструктуры, а также различия между городом и деревней (с. 136). Преодолению этих препятствий призваны служить трансграничные проекты в регионе (с. 137–164).

В книге отчетливо прослеживается изменение характера природоохранной политики в Балтийском регионе. Если в середине XX в. борьба с последствиями загрязнения водных ресурсов считалась делом каждого государства в отдельности, то к началу XXI в. стала ясно осознаваться необходимость сотрудничества всех акторов региона для предотвращения загрязнения Балтийского моря (с. 82–92, 104, 134). Кроме того, с 1972 г. постепенно росла роль научного сообщества в разработке экологической политики на Балтике (с. 46–47, 126–127).

В значительной степени рассуждения автора опираются на противопоставление восприятия и способов решения экологических проблем Балтики между европейскими странами и СССР / Россией (с. 53, 66–67, 131). Для первых решение проблем означает преобразование окружающей среды и внедрение новых стандартов деятельности, снижающих вред экологии; для России – модернизацию инфраструктуры региональных водоканалов (с. 9). Вместе с тем эволюция природоохранной политики на Балтике проходила на фоне изменения границ не только в регионе, но и на всем континенте. Масштабные геополитические сдвиги второй половины XX в. оказывали неоднозначное влияние на взаимодействие акторов в Балтийском регионе: временами изменение границ становилось как препятствием, так и стимулом для сотрудничества в экологических вопросах. Тем не менее сегодня формирование единого экологического пространства на Балтике пока затруднено ввиду как административно-политических различий, так и разницы в приоритетах основных игроков в регионе – ЕС и России.

Данная монография, безусловно, является детальным исследованием в области международных отношений и представляет ценность для отечественной науки. Полагаю, что книга будет полезна не только ученым и экспертам, но и любому, кто сознательно относится к окружающей его природе, поскольку сегодня экологические проблемы приобрели глобальный характер и влияют на каждого жителя планеты.

А.М. Погорельская

Томский государственный университет

Рецензия поступила в редакцию 9 августа 2016 г.

Pogorelskaya Anastasiya M. National Research Tomsk State University

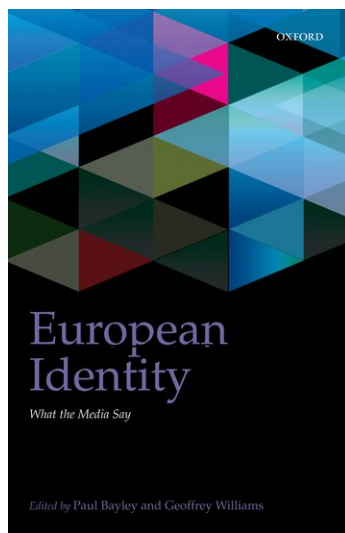
Review of Nechiporuk D. *Pogranichnye zemli, obshchie vody: istoriya transgranichnogo sotrudnichestva Rossii, Baltijskih stran i ES po ozdorovleniyu ehkositemy Baltijskogo morya*. SPb.: Norma, 2014. 216 s. ISBN 978-5-87857-233-0

DOI: 10.17223/2312461X/13/8

УДК Ф4(4)+05/07(4)

DOI: 10.17223/2312461X/13/9

Paul Bayley and Geoffrey Williams
(eds) *European Identity: What
the Media Say*. Oxford: Oxford
University Press, 2012. 336 p.
ISBN 978-0199602308
(Е.А. Матвеева)

В последние годы европейская идентичность все чаще становится предметом исследования в рамках международных проектов. Это позволяет ученым разрабатывать междисциплинарные подходы и сопоставлять данные, полученные в разных странах. Монография «Европейская идентичность: что говорят масс-медиа» является одной из серии книг, подготовленных коллективом проекта ИНТЮН (INTUNE – Integrated and United: A Quest for Citizenship in an Ever Closer Europe), 2005–2009 гг. В проекте приняли участие более ста ученых из 29 университетов Западной и Центральной Европы. Исследовательская задача заключалась в изучении феномена европейского гражданства, его «природы» и «масштабов» в связи с продолжающейся интеграцией в рамках Европейского союза. Коллективные идентичности рассматривались в качестве одного из его ключевых измерений.

Исследователи выделили четыре основных типа акторов, принимающих участие в формировании европейского гражданства: сами граждане, национальные экономические и политические элиты, экспертное сообщество и средства массовой информации. На основании такого разделения в рамках проекта действовало несколько рабочих групп. Большинство его участников – политологи и социологи, использовали схожие методы сбора данных: стандартизированные количественные опросы представителей элиты и массовые опросы, дополненные глу-

бинными экспертными интервью и анализом политических документов. Исключением являются лишь члены коллектива, который занимался анализом материалов средств массовой информации – в большинстве своем лингвисты. Результаты проекта опубликованы издательством Оксфордского университета в виде пяти монографий¹. Последняя на данный момент книга, «Европейская идентичность в контексте национальной идентичности: Проблемы идентичности в шестнадцати европейских странах после начала финансового кризиса» (European Identity 2016), вышла в апреле 2016 г. Кроме того, были опубликованы книги, представляющие сравнительный анализ данных по Южной Европе (Perspectives of National Elites 2012) и обобщенные материалы по Италии (Gli italiani e l'Europa 2012).

Рецензируемая монография во многом отличается от других публикаций проекта. Во-первых, фокус исследования направлен в ней не на самоидентификацию людей и групп, а на представление и конструирование образа «Европы» в масс-медиа Италии, Великобритании, Франции и Польши. Во-вторых, исследовательский коллектив состоял из лингвистов. Как следствие, была использована методология, характерная для корпусной лингвистики и лексикографии, но плохо известная представителям других общественных наук. Исследователи создали корпус текстов на четырех языках с применением одинаковых критериев отбора, но без перевода их на какой-то один из рабочих языков. Каждый национальный компонент корпуса содержит тексты, отобранные по сопоставимым критериям: четыре ежедневных издания (газеты) для каждой страны, включая два общенациональных издания правой и левой политической ориентации и два издания регионального или местного уровней. Кроме того, в корпус текстов вошли стенограммы вечерних теленовостей – одного государственного и одного частного канала.

Книга состоит из двух частей: «Представляя Европу: ее нации и институты (Representing Europe: Its Nations and its Institutions) и «Представляя Европу: ее люди и граждане» (Representing Europe: Its People and its Citizens). Соответственно первая часть объединяет главы, содержащие анализ национальных особенностей репрезентации «Европы» и того образа институтов Европейского союза, который отражается в национальной прессе. Во второй части акцент делается на том, как средства массовой информации конструируют понятия гражданина и гражданства, «своих» и «чужаков», и на том, что и как сами граждане (а также репортеры и эксперты) говорят о «Европе» в масс-медиа.

В качестве единицы анализа брались отдельные слова и словосочетания, связанные с понятием европейской идентичности. Например, для разбора представления европейской исторической идентичности в итальянской и британской прессе использовался поиск строк текста, в которых бы сочетались ключевые слова «Европа», «европейский», «ев-

ропейцы» и «история», «идентичность», «корни», «общий» (pp. 124–125). По сути, этот подход предполагает использование сугубо автоматизированных исследовательских инструментов. Хотя редакторы тома настаивают, что его нельзя оценивать как «исключительно количественный», так как за миллионами отдельных лексем всегда стоит конкретный текст, подразумевающий «культурный контекст и социокультурную реальность, в которой текст был создан», а также «ситуационный контекст», т.е. «непосредственную среду используемого языка» (p. 1). Действительно, авторы стремились сочетать методы количественного и качественного анализа. Например, глава «Дискурс европейской идентичности в британских, итальянских и французских теленовостях» (*Discourses of European Identity in British, Italian, and French TV News*) содержит детальный лингвистический, дискурсивный и визуальный анализ нескольких репортажей, посвященных ключевым событиям европейской политики весны 2007 и 2009 гг. (pp. 98–109).

Несмотря на единство используемых методов работы с корпусом текстов, необходимо отметить, что рецензируемая монография представляет собой скорее набор разрозненных сюжетов. Причем фрагментарность является отличительной чертой не только издания в целом, но и отдельных его разделов. Эта особенность книги является, на мой взгляд, следствием отсутствия общей, единой для всех исследователей гипотезы, что было осознанным выбором исследовательского коллектива. Более того, такой выбор исходит из понимания значимости идеи разнообразия, которая, по мнению авторов, лежит в основе современной Европы и является «живым и расширяющимся целым, сформированным из взаимодействия множества культур и народов, а также из разнообразия медиакультур» (p. 18).

Возможно, такая мозаичность сама по себе не является недостатком, хотя она, безусловно, затрудняет как понимание, так и презентацию содержания работы. Иногда складывается впечатление, что исследователи-лингвисты слишком увлекаются деталями, которые многим покажутся очевидными. Например, сопоставлением смыслов слов (*history* и *storia*, *citizen* и *cittadino / cittadina*) или описанием поиска соответствующих друг другу понятий в разных языках (англ. *asylum seeker*, *refugee* и *immigrant* и итал. *richiedente asilo*, *immigrato*, *clandestino*, *extracomunitario*) (p. 299). То же можно сказать и об избыточном, на мой взгляд, описании методологических нюансов и проблем, с которыми рабочая группа столкнулась при анализе данных. Как следствие, сама проблема европейской идентичности и ее конструирования в СМИ уходит на второй план. При этом именно методология, описанию которой уделено так много внимания, вызывает множество вопросов. Так, чтение главы «Есть ли у Европы общая историческая идентичность?» (*Does 'Europe' Have a Common Historical Identity?*) в очередной раз доказывает

отсутствие координации и согласованности между исследователями. Оказывается, что анализ итальянской части корпуса включал ряд дополнительных ключевых слов, которых не было в британском случае: «память», «наследие», «культур*», «прошлое», «традици*», «происхождение». При таком подходе возникают сомнения в сопоставимости результатов исследования по двум странам.

Более важное упущение, на мой взгляд, состоит в том, авторы монографии не учитывали результаты исследований европейской идентичности в средствах массовой информации, полученных другими исследовательскими группами проекта INTUNE. Прежде всего это касается возможной оценки влияния медийных образов «Европы» на потенциальную массовую аудиторию (р. 116). Безусловно, можно было бы предпринять попытку сопоставить эти образы с теми представлениями о Европе, которые были обнаружены в экспертных интервью и опросах политических и экономических элит. Любопытно, что только в одной главе рецензируемой монографии есть отсылки к массовым опросам INTUNE и поднимается проблема взаимосвязи различных «уровней» коллективной идентичности – прежде всего, европейской и национальной. При этом важно помнить, эта тема является одной из главных для всего проекта. Эта же глава является единственной, в которой полностью отсутствует сравнительный аспект, поскольку она целиком посвящена одной стране – Польше (р. 224–257). Самое же парадоксальное – то, что только в этой главе рассматривается важнейший вопрос всего исследования – как при помощи методов лингвистического анализа обнаружить в текстах элементы существующей (формируемой или конструируемой) множественной идентичности поляков и какие лингвистические инструменты используются в процессе ее конструирования. Польские исследователи были задействованы в написании только двух из восьми глав, и только в одной из них присутствует сравнение данных, полученных в Польше, с данными из других стран (р. 258–294). Редакторы тома объясняют трудности работы с польскими текстами либо сложностью системы словообразования в славянских языках (р. 7), либо тем фактом, что большая часть рабочей группы владела всеми тремя западноевропейскими языками, но не знала польского (р. 17). Какого бы характера ни была причина – технической или проблемой межкультурного взаимодействия, фактом остается то, что анализ материалов единственной центральноевропейской страны, представленной в группе по исследованию средств массовой информации, выглядит слишком обособленным, а само присутствие Польши в ряду рассматриваемых в монографии стран – ограниченным и несколько искусственным.

И все же эту работу в целом можно назвать важной и интересной. Она отражает развитие сравнительных исследований европейской идентичности с привлечением больших массивов данных, собранных в

нескольких странах, и, что самое ценное – трудности, с которыми сталкиваются большие многонациональные коллективы ученых. Она также помогает расширить исследовательские горизонты и критически оценить возможности междисциплинарных исследований. Книга, несомненно, будет полезна всем, кого интересует изучение вербальных и / или визуальных средств, которые применяют средства массовой информации для создания определенных образов «своих» и «чужих», европейских государств или их граждан, «Европы», Европейского союза или его институтов.

Е.А. Матвеева

Иркутский государственный университет

Примечания

¹ Подробную информацию о публикациях проекта INTUNE можно найти на сайте издательства Oxford University Press. URL: <https://global.oup.com/academic/content/series/i/intune-intune/?lang=en&cc=us>

Литература

European Identity in the Context of National Identity: Questions of Identity in Sixteen European Countries in the Wake of the Financial Crisis / Ed. by Bettina Westle and Paolo Segatti. Oxford University Press, Oxford, 2016. 384 p.

Gli italiani e l'Europa: opinione pubblica, elite politiche, e media / a cura di P. Bellucci e N. Conti. Roma: Carocci, 2012. 166 p.

Perspectives of National Elites on European Citizenship: A South European View / Ed. by Nicolò Conti, Maurizio Cotta and Pedro Tavares de Almeida. Routledge, 2012. 152 p.

Рецензия поступила в редакцию 20 августа 2016 г.

Matveeva Elizaveta A. Irkutsk State University

Review of Paul Bayley and Geoffrey Williams (eds) *European Identity: What the Media Say*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 336 p. ISBN 978-0199602308

Referensis

European Identity in the Context of National Identity: Questions of Identity in Sixteen European Countries in the Wake of the Financial Crisis / Ed. by Bettina Westle and Paolo Segatti. Oxford University Press, Oxford, 2016. 384 p.

Italians and Europe: public opinion, political elites, and the media / Ed. by P. Bellucci and N. Conti. Rome: Carocci, 2012, 166 p.

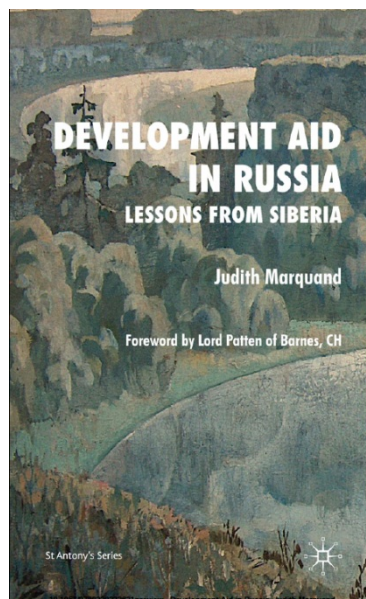
Perspectives of National Elites on European Citizenship: A South European View / Ed. by Nicolò Conti, Maurizio Cotta and Pedro Tavares de Almeida. Routledge, 2012. 152 p.

DOI: 10.17223/2312461X/13/9

УДК 327; 378

DOI: 10.17223/2312461X/13/10

Judith Marquand. Development aid in Russia: Lessons from Siberia; with foreword by Lord Patten of Barnes CH, Chancellor of the University of Oxford and former European Commissioner. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009. 281 p. ISBN 978-0-230-23362-1 (Л.В. Дериглазова)¹

Книга Джудит Маркванд, британского экономиста и эксперта, проработавшей более 25 лет в правительстве Великобритании и имеющей большой опыт экспертной работы в Европейской комиссии, посвящена анализу ее опыта реализации проектов в Сибири в 1994–2008 гг. Эта книга примечательна по нескольким причинам. Во-первых, она о проектах, которые в основном были реализованы в Томском государственном университете, и я и мои коллеги – участники этих проектов, неожиданно для себя стали «героями» книги. Джудит Маркванд десятки раз приезжала в Томск, а также принимала многочисленные делегации преподавателей, сотрудников и студентов в университетах Великобритании, в которых она работала (Университет Шеффилда, Университет Оксфорда). Во-вторых, в ней представлен детальный анализ логики оказания финансовой и экспертной помощи российским университетам, которая начала осуществляться в начале 1990-х гг. отдельными европейскими странами и Европейским союзом. В отличие от офици-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

альных докладов международных организаций, которые оказывают такую помощь, данная книга написана с особым отношением к людям и стране, которым эта помощь оказывалась. Включенность и увлеченность автора в культурную и академическую жизнь в Сибири подчеркивает даже обложка книги с использованием картины Германа Завьялова, сибирского художника, недавно ушедшего из жизни. Его мастерскую автор книги посещала и находилась под огромным впечатлением от работ и личности самого художника. Книга также имеет посвящение «Моим друзьям и коллегам в Томске и Омске».

В самом начале книги Маркванд описывает свое первое посещение Сибири, точнее Иркутска, в 1991 г., встреч во время конференции, а также неформальное общение, которое и до сих пор проходит схожим образом (застолье, пикник, песни и душевные разговоры о жизни). Общение с разными людьми произвело на нее «неизгладимое впечатление» и вызвало «неисчислимое количество вопросов о жизни в этой экстраординарной стране» (р. 5). Однако главный посыл книги обращен именно к тем европейским экспертам и политикам, которые принимают решения о продолжении или прекращении определенных программ, исходя из оценки их эффективности и соответствия долгосрочным целям сотрудничества. Забегая вперед, можно сказать, что автор нередко критически оценивает работу европейских экспертов и университетов, упрекая их в недостаточно активном участии и вовлеченности в проекты. По мнению Маркванд, успех проектов, в которых она принимала участие, основан в первую очередь на профессионализме и самоотдаче российских участников.

Книга разделена на три части, первая и третья часть обрамляют повествование о десяти проектах, в реализации которых принимала участие Джудит. Первая часть является скорее вводной и дает «российский и сибирский контекст» для реализации программ Европейского союза и проектов, которые были реализованы при финансировании британского правительства. Этот раздел интересен тем, что в нем представлены оценки состояния российского общества, экономики, политики и высшего образования с точки зрения европейских экспертов. Оценки даны с использованием опубликованных исследований и фактически «инсайдерской» информации, учитывая включенность автора в работу правительственных кругов Великобритании и институтов ЕС. В книге звучит категорическое утверждение о том, что Россия ни в коем случае не могла рассматриваться как возможный кандидат на вхождение в НАТО (как бывший враг) и в ЕС (из-за слишком разительных отличий и своего размера, что создало бы дисбаланс всего Европейского союза) (р. 49). Это свидетельство важно в свете украинского кризиса и все еще продолжающихся дискуссий о том, что было бы, если бы Россия стала членом НАТО или кандидатом на вхождение в ЕС. В этой части изло-

жены причины оказания массированной финансовой и экспертной помощи, в том числе и системе высшего образования в России со стороны европейских фондов, что важно для понимания характера отношений между спонсорами и реципиентами. Для тех российских преподавателей и ученых, кто смог пережить трудные 1990-е гг. и остаться работать в университетах, эта помощь нередко оказывалась весьма существенным подспорьем и первой возможностью международного сотрудничества после десятилетий самоизоляции университетской науки. Сейчас в России почти не осталось зарубежных фондов, многие из которых осуждены как агенты влияния в пользу зарубежных правительств и как действующие во вред национальным интересам России.

Вторая часть, самая объемная и насыщенная конкретной информацией, рассказывает об истории реализации проектов по модернизации Научной библиотеки ТГУ, разработки магистерской программы по экологическому менеджменту в ТГУ, работе Томского областного экологического комитета, создания дистанционного образования, проекта по устойчивому развитию в Омске и создания специализации по европейским исследованиям в ТГУ. Все проекты представлены по одной схеме: контекст и причины начала проекта; участники проекта и их отношение к приоритетам спонсоров; описание и результаты реализации проекта; оценка проекта автором книги и самими участниками. Именно в этом разделе наиболее ярко проявляется личность автора, хорошо организованного, внимательного к деталям, проницательного и обладающего своим, нередко критическим взглядом на происходящее; человека, который привык действовать стратегически и учитывать имеющиеся ресурсы. (Один мой знакомый американец, прочитав книгу, заметил, что она написана бюрократором.)

Эта часть полна полезных суждений для каждого, кто занимается проектной деятельностью в российских университетах и участвует в реализации международных проектов с европейскими партнерами. В нем дана важная, но нередко игнорируемая российскими менеджерами идея стратегического планирования, учета потребностей и возможностей как спонсора, так и реципиента финансовой и экспертной помощи. Кроме того, в этой части с иногда обескураживающей прямоотой обсуждаются проблемы организации российской системы высшего образования и международного сотрудничества, процесс принятия решения, делегирования полномочий и человеческих ресурсов. Обсуждаются вопросы, которые многие могут счесть не стоящими внимания, но которые, на мой взгляд, являются кричащим примером существующих парадоксов российской культуры. Так, например, в книге приводится сюжет о том, что модернизация Научной библиотеки ТГУ началась по настоянию одного из европейских партнеров с капитального ремонта туалетных комнат и их оборудования всем необходимым в соответ-

ствии с минимальными требованиями гигиены и уважения к человеку (р. 104). Другим важным аспектом изменений, к которым привели проекты, явилась трансформация системы планирования деятельности подразделений университета, включая библиотеку, развитие среднего уровня менеджмента и, по сути, развития рабочих коллективов как самостоятельных единиц планирования и реализации повседневной деятельности.

Третья часть книги подводит итоги проектов в виде «уроков», которые должны извлечь сами участники – европейские и российские, а также спонсоры проектов. В этой части автор обращается к проблеме успеха и критериев его измерения в проектной деятельности. В отличие от количественных показателей, на которых обычно сфокусированы спонсоры, главное, по мнению автора, – это навыки самоорганизации, которые осваивают участники проекта и которые помогают им продолжать профессиональное развитие. В книге приведена таблица таких «неисчисляемых» показателей в терминах «влияния на людей, которые принимали непосредственное участие в проектах» (р. 217–218). Главным результатом проектов, по мнению автора, является то, что процесс обучения происходит за счет личной мотивации участников проекта, иначе многие международные проекты становятся просто способом «эксплуатации богатого Запада» (р. 225). В заключении даны «уроки для спонсоров» с прямой, которая характерна для всей книги. Маркванд полагает, что неудачи проектов во многом связаны с недостаточной продуманностью долгосрочного планирования и незначительностью этих проектов в общей политике спонсоров в отношении России. Автор критикует бюрократический подход европейских спонсоров и подчеркивает необходимость действительно включенного и внимательного сотрудничества с людьми и институтами в странах-реципиентах с учетом и пониманием их потребностей и особенностей.

Книгу можно отнести к жанру антропологии науки, которая изучает человека в науке и науку в человеке. При написании книги Маркванд использовала личные записи, которые она вела на протяжении многих лет, где фиксировала свои наблюдения. С одной стороны, это делает книгу живой, наполненной реальными людьми со своими жизненными ситуациями, мотивами и профессиональными амбициями. В данном отношении не только западному, но и российскому читателю интересно прочесть эту книгу, которая представляет узнаваемые типы российского университетского сообщества, все еще находящегося в процессе перехода от советского типа организации к чему-то иному. С другой стороны, использование личных бесед, оценки личного характера, нередко ироничные, не могут не задевать чувства людей, которые не планировали выносить особенности своей профессиональной и личной жизни на всеобщее обсуждение. Дополнительную «пикантность» книге придает то, что в ней представлены многие и до сих пор работающие

люди под их собственными именами. Исключение сделано только для одного человека, имя которого не указано именно по причинам сложных личных отношений и потому, что карьера этого человека продолжается. Эта особенность книги вызывает противоречивое отношение к ней среди томских участников проектов. Авторский подход, таким образом, нарушает некоторые этические нормы исследования в антропологии и социологии, которые основаны на принципе «минимального вмешательства» в личную жизнь своих вольных или случайных информантов.

В целом книгу можно рекомендовать как достоверное исследование и свидетельство развития и изменений в российских университетах в переходный период, написанное с использованием метода включенного наблюдения при сборе первичных материалов.

Л.В. Дериглазова

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Рецензия поступила в редакцию 1 сентября 2016 г.

Deriglazova Larisa V. National Research Tomsk State University.

Review* of Judith Marquand. Development aid in Russia: Lessons from Siberia; with foreword by Lord Patten of Barnes CH, Chancellor of the University of Oxford and former European Commissioner. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009. 281 p. ISBN 978-0-230-23362-1

DOI: 10.17223/2312461X/13/10

*The review is written within the project 'Man in a Changing World. Identity and Social Adaptation: Past and Present' (Russian Government grant # 14.B25.31.0009).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЗНАМЕНСКИЙ Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, профессор истории университета Мемфиса, г. Мемфис, США.
E-mail: aznamenski@gmail.com

ГРОШЕВА Галина Васильевна – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета, г. Томск, Россия.
E-mail: groshevagv@mail.ru

ДЕРИГЛАЗОВА Лариса Валериевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия.
E-mail: dlarisa@inbox.ru

МАТВЕЕВА Елизавета Аркадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.
E-mail: elizmatv@yandex.ru

РОЖАНСКИ Мэттью – директор Института Кеннана, г. Вашингтон, США.
E-mail: matthew.rojansky@wilsoncenter.org

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна – младший научный сотрудник Центра исследования международных организаций и сетевых структур (ЦИМОСС) Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия.
E-mail: lisbonne@rambler.ru

СМИТ-ПИТЕР Сьюзан – доктор философии (Ph.D.), ассоциированный профессор факультета истории; преподаватель русской истории Городского университета Нью-Йорка; Колледж Статен Айленд, г. Нью-Йорк, США.
E-mail: susan.smithpeter@csi.cuny.edu

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия.
E-mail: eft@rambler.ru

УСТЮЖАНЦЕВА Ольга Валерьевна – кандидат исторических наук, инженер-исследователь проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия.
E-mail: olgavust@gmail.com

ФИЛИППОВ Игорь Святославович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков Московского государственного университета, г. Москва, Россия.
E-mail: isfilippov@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

DERIGLAZOVA Larisa Valerievna – Dr.Sc. (History), Professor at the Department of World Politics, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia.
E-mail: dlarisa@inbox.ru

FILIPPOV Igor Svyatoslavovich – Dr.Sc. (History), Professor at the Department of Medieval History, Moscow State University, Moscow, Russia.
E-mail: isfilippov@gmail.com

GROSHEVA Galina Vasilievna – Cand.Sc. (History), Associate Professor at the Department of World History, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia.
E-mail: groshevagv@mail.ru

ROJANSKY Matthew – Director of Kennan Institute, Washington, DC, USA.
E-mail: matthew.rojansky@wilsoncenter.org

MATVEEVA Elizaveta Arkadievna – Cand.Sc. (History), Associate Professor at the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.
E-mail: elizmatv@yandex.ru

POGORELSKAYA Anastasiya Mikhailovna – Junior Researcher at the Center for Research on International Organisations and Networks, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia.
E-mail: lisbonne@rambler.ru

SMITH-PETER Susan – Ph.D., Associate Professor, College of Staten Island, City University of New York, USA.
E-mail: susan.smithpeter@csi.cuny.edu

TROITSKIY Evgeniy Florentievich – Dr.Sc. (History), Professor at the Department of World Politics, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia.
E-mail: eft@rambler.ru

USTYUZHANTSEVA Olga Valerievna – Cand. Sc. (History), Researcher at Problem-Oriented Research Laboratory of History, Archaeology, and Ethnography of Siberia, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia.
E-mail: olgavust@gmail.com

ZNAMENSKI Andrei Andreevich – Professor of History, University of Memphis, Memphis, USA.
E-mail: aznamenski@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи, и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе)

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!)

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке,
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье

- название статьи на русском и в переводе на английский язык,
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. В текст иллюстрации просьба не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.» (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то после второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок (например: ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.).

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.
для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Статьи и материалы просим высылать по адресу:

shrjournal@gmail.com с копией на адрес d_funk@iea.ras.ru Дмитрию Анатольевичу Функу, главному редактору журнала.

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indentation 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Dieckhoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please send your materials and papers to the following address:
shrjournal@gmail.com, having copied the email to d_funk@iea.ras.ru – Dmitri Funk, Editor-in-Chief.

Научный периодический журнал

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

2016. № 3

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Польшкина
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 22.09.2016 г. Формат 70х108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15. Гарнитура Times.
Тираж 200 экз. Заказ № 2094.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–53-15-28, 52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru